

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 25

ББК 81
Я410

К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгнорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2003. —
Я410 Вып. 25. — 200 с.

ISBN 5-317-00843-3

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24 – в 2003 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00843-3

© Авторы статей, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов</i>	5
ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО	
<i>Воркачев С. Г.</i> Эталонность в сопоставительной семантике	6
<i>Калыгин А. К.</i> Двуголосость как орудие эстетического экзорцизма	16
<i>Филимонова Е. Н.</i> Символика растений в переводных произведениях. «Благородные» растения (на материале переводов с корейского и китайского языков)	26
<i>Филимонова Е. Н.</i> Символика растений в переводных произведениях. Растения-«простолюдины» (на материале переводов с корейского и китайского языков)	54
<i>Захаренко И. В.</i> «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии)	86
<i>Привалова И. В.</i> Национально-культурная специфика ценностных доминант рекламного дискурса	97
<i>Елина Е. А.</i> Произведение изобразительного искусства как текст	102
<i>Сергеева Г. Г.</i> Абстрактные имена в дискурсе школьников как средство отражения представлений о прецедентных именах, связанных с константами русской культуры	109
<i>Табалова Н. Г.</i> Стереотипы как результат когнитивной деятельности человека. Стереотип России и русских в англоязычных СМИ	116
ЛИНГВИСТИКА	
<i>Богатырева И. И.</i> О теоретических основах изучения и перевода древнеиндийской медицинской терминологии	132
<i>Мешкова Е. М.</i> Глоттальный взрыв в речи дикторов Би-Би-Си	141

<i>Магомедова П.У.</i> Динамика внутренней структуры существительных <i>Leben, Existenz, Dasein, Bestehen, Sein</i>	151
ЛИНГВОПОЭТИКА	157
<i>Филиппова М.М.</i> Выражение косвенного содержания в английском языке и литературе	157
ЛИНГВОДИДАКТИКА	
<i>Ермакова М. В.</i> Модель представления бессоюзных сложных предложений и методический эксперимент в болгароязычной аудитории	178
<i>Антонова И. А., Христиансен И. А.</i> О методических принципах создания профессионально-ориентированного пособия по русскому языку для иностранных учащихся	189
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Красных В. В. М. Л. Желтухина.</i> Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ	197

От редакторов

Уважаемый читатель!

Выпуск, который Вы сейчас держите в руках, несколько отличается от предыдущих, о чем мы решили сразу же Вас честно предупредить. И отличия касаются следующего.

Во-первых, Вы найдете в этом сборнике статью явно философской направленности, посвященную эстетическим воззрениям М. М. Бахтина и написанную (что представляется особенно интересным) нефилологом. Мы имеем в виду статью А. К. Калыгина «Двуглодость как орудие эстетического экзорцизма». Обусловлено это тем, что мы решили попробовать несколько расширить – ни в коей мере не меняя принципиально – общую проблематику обсуждаемых на страницах нашей серии вопросов. Чтение таких работ никогда не является легким, но всегда безусловно полезно для гуманитария, независимо от того, что именно составляет круг его непосредственных научных интересов.

Во-вторых, в этот выпуск мы включили две большие по объему статьи Е. Н. Филимоновой, посвященные символике растений в переводных произведениях (на материале переводов корейской и китайской литератур). Наши постоянные читатели знают, что традиционно мы всегда старались «разнести» статьи одного автора и не печатать их под одной обложкой. Более того, мы часто предлагали авторам «разбивать» свои большие по объему произведения на части, которые также могли бы быть опубликованы в «соседних» выпусках. Но в данном случае мы осознанно пошли на нарушение своих традиций, т. к. нам показалось оправданным, важным и интересным для читателя поместить рядом работы, освещающие два «вида» однотипных феноменов: речь идет о «благогородных» растениях и так называемых растениях-«пролюдинах».

Искренне надеемся, что этот выпуск окажется для Вас не менее интересным, чем предыдущие.

*В. В. Красных
А. И. Изотов*

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Эталонность в сопоставительной семантике¹

© доктор филологических наук С. Г. Воркачев, 2003

Все познается в сравнении – этот тип «логической рефлексии» (И. Кант), посредством которой на основе некоторого признака устанавливается тождество или различие объектов путем их попарного сопоставления, наряду с дедукцией, индукцией и аналогией является универсальным исследовательским инструментом, выросшим, как и весь категориальный аппарат логики (Зиновьев 2003: 31) из естественного языка. Не составляет исключения в этом отношении и лингвистика: по легенде, после неудачи Вавилонского столпотворения изучение иностранных («чужих») языков явно или неявно осуществляется на основе их сопоставления с родным.

В синхронической лингвистике момент сходства сравниваемых объектов доминирует в сравнительно-типологических и сравнительно-характерологических, описательных исследованиях, направленных на выявление наиболее важных особенностей языковой деятельности (Потье 1989: 187; Матезиус 1989: 18), а момент различия – в сравнительно-сопоставительных («контрастивных» – Косериу 1989: 69; «конфронтативных» – Хельбиг 1989: 308-313), направленных на выявление наиболее существенных расхождений в языковых структурах в целом и на отдельных языковых уровнях (Нерознак 1987: 21). Практика контрастивного анализа языковых явлений существовала «от века», однако сопоставительная лингвистика как теоретическая дисциплина сформировалась где-то к середине прошлого столетия (Гак 1989: 5-6).

Любое сопоставительное исследование результативно лишь при условии соблюдения необходимых логических требований сравниваемости объектов (Кондаков 1975: 568), которые должны быть прежде всего однородными – принадлежать к одному естественному либо логическому классу, а признак, по которому они сравниваются (основание сравнения), должен быть существенным и относиться к числу свойств, формирующих качественную определенность этих предметов. Установление на множестве объектов отношения сравнения имеет смысл лишь в том случае, если между ними «есть хоть какое-нибудь сходство» (Юм 1965: 103), и разбивает это множество на классы абстракции (эквива-

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (грант № 01-04-38002 а/Ю).

лентности), в границах которых (в «интервале абстракции») два любых объекта тождественны друг другу в отношении, по которому они сравниваются. Тем самым класс абстракции отождествляется со свойством, общим всем предметам этого класса, которое, в свою очередь, отождествляется с любым конкретным предметом-носителем этого свойства (Новоселов 1967: 365).

Свойство, по которому сопоставляются объекты, образует основное сравнения. Если за основание сравнения принять, например, цвет, то сравнимыми будут все предметы, доступные непосредственному визуальному наблюдению, а несравнимыми – предметы ненаблюдаемые либо в силу своей идеальной природы («зеленые идеи»), либо размера (элементарные частицы). Дальнейшее сопоставление происходит за счет умножения признаков и, соответственно, разбиения множества на классы абстракции: все наблюдаемые объекты либо как-то окрашены, либо нет (прозрачны, зеркальны); все цветные объекты либо хроматичны, либо ахроматичны (черные, белые, серые); хроматичные объекты либо относятся к «теплому» краю солнечного спектра (красные, желтые, оранжевые – xanthic), либо к «холодному» (синие, зеленые, фиолетовые – cyanic). Тем самым при сопоставлении уже формируется набор семантических признаков, совокупность которых образует *tertium comparationis* – «третий термин сравнения», он же – «эталон сравнения», обеспечивающий возможность сопоставительного изучения объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определенность. Признаки, составляющие эталон сравнения, упорядочиваются иерархически и количественно, на них выстраиваются отношения логической выводимости и транзитивности (градуативности), а вся их совокупность приобретает черты семантической теории, которая при определенной степени эксплицитности и формализованности может считаться семантической моделью или прототипом.

В лингвистических исследованиях сложились три основных метода формирования эталона сравнения (Гак 1989: 16): за эталон может приниматься набор свойств одного из сопоставляемых языков – «однонаправленное сравнение» (Косериу 1989: 70), эталон может состояться из общих свойств всех сопоставляемых языков и, наконец, он может выступать как «метаязык» (Хельбиг 1989: 311) – совокупность универсальных либо гипотетических теоретически устанавливаемых инвариантных признаков, по которым сопоставляются сравниваемые языки или языковые явления (Косериу 1989: 70).

Вычленение эталона сравнения из признаков одного из сопоставляемых языковых явлений вполне уместно и результативно при исследовании немногочленных, жестких и закрытых семантических систем – преимущественно грамматических категорий, откуда, собственно, и «пошла

быть» контрастивная лингвистика (Косериу 1989: 71), при этом в том случае, когда какое-либо явление языка А не имеет формальных аналогов в языке В, для языка В это явление выступает в качестве «отрицательного языкового факта». В области контрастивной грамматики наиболее вероятными претендентами на роль эталона при сопоставлении языковых явлений выступают физические и логические категории: время, пространство, отношение, количество, способ, качество и пр.

Необходимость использования эталона, отличного от семантики одного их сопоставляемых языков, возникает уже при сравнительном описании «понятийных» либо функционально-семантических категорий (См.: Штернеманн 1989: 150) и обусловливается непоследовательностью, лакунарностью реализации семантических признаков в многочисленных функциональных подсистемах естественного языка, тем более особенно в области лексической семантики.

Сопоставительный анализ обычно проводится на материале двух либо, в крайнем случае, трех разносистемных (Кашароков 1999; Глебзу 1999; Хут 1997) языков. Направленность эталона сравнения, как правило, эксплицитно не формулируется, можно предполагать, что интуитивно за эталон принимается родной язык исследователя и особое внимание уделяется отклонениям от его норм при изучении иностранцами (См.: Балли 1955: 390), если же в качестве эталона выступает иностранный язык, то это специально оговаривается (Крушельницкая 1961: 3).

За эталон сравнения в сопоставительных исследованиях таких категориальных смыслов, вербализуемых разноуровневыми средствами и образующих лексико-грамматические поля/функционально-семантические категории, как время, модальность, определенность/неопределенность и пр. (Штернеманн 1989: 150), принимается чаще всего семантическое поле, в котором отражается структура понятийной категории, общей для всех уровневых полей в сопоставляемых языках (см.: Дорофеева 2002).

Для сопоставительного описания вербализации лексико-грамматических единиц, не имеющих аналогов ни в логике, ни в грамматике, например, систем неопределенных местоимений в русском и испанском языках, передающих безразличие к выбору представителя из класса (Воркачев 1996), отличающихся многозначностью и чрезвычайной сложностью внутрисистемных семантических и функциональных связей, используется эталон-конструкт, составленный из двух пар кванторно-референциальных признаков: квантора общности / квантора существования и фиксированности / нефиксированности, при помощи которых с достаточной полнотой описываются предметные значения этих местоимений. Четыре двупризнаковых значения единиц словаря языка-эталона («общность + фиксированность», «общность + нефиксированность», «существование + фиксированность» и «существование + нефик-

сированность») частично реализуются в речевом употреблении русских местоимений «всякий», «любой», «каждый», «-нибудь» и «-то, кое-» местоимений и местоимений испанского языка *uno, algo, alguien, alguno, todo, cada, cualquiera*. Местоимение *cualquiera*, восходящее к этимону «какой хочешь», способно к передаче по меньшей мере трех из четырёх теоретически возможных двупризнаковых значений языка-эталона, оно передает также множество дополнительных, преимущественно оценочных значений, находящихся в русском языке соответствие лишь в системе неопределенных и кванторных местоимений в целом. Сопоставление систем кванторных местоимений русского и испанского языков через соотнесение их семантики со значениями языка-эталона позволяет выяснить, что русские неопределенные местоимения лексически богаче испанских и, несмотря на многозначность и взаимозаменяемость большинства своих семантических подразрядов, способны к регулярной и специализированной передаче каждого из четырех теоретически возможных кванторно-референциальных значений.

Особые сложности сопряжены с созданием эталона сравнения при сопоставлении лексико-грамматических полей, в основании которых лежат категории-«семантические примитивы», к числу которых относится, например, 'желание', вербализуемое во многих языках через парные синонимы – «ядерные предикаты желания»: «хотеть–желать», *to want–to wish, wollen–wunschen, querer–desear* и пр. В силу семантической неразложимости понятийной основы и невозможности её непосредственного описания эталон сравнения при сопоставлении этих единиц приходится формировать по «свечению ауры»: их сочетаемостным, прагматилистическим и функциональным свойствам (Воркачев 1991; Жук 1994). Применение подобного эталона при сопоставительном «портретировании» ядерных предикатов желания английского и русского, русского и испанского языков по совокупности их языковых, реализующихся в «жестких», лексико-грамматических контекстах, и речевых, реализующихся в «мягких», прагмасемантических контекстах, функций в парах *to wish–to want* vs «желать»-«хотеть» и «желать»-«хотеть» vs *desear–querer* позволяет выявить, что эти лексические единицы являются квазисинонимами – синонимами частичными, неполными и асимметричными, объединяемыми семантически неопределимым денотатным признаком 'желание' и различающимися своими формально-структурными, сочетаемостными, дополнительными идеографическими и прагмасемантическими характеристиками.

Сопоставительное исследование лексических систем языков в целом может быть направлено на описание закономерностей употребления лексических единиц с одинаковым значением и создание «грамматики речи» – специфических для каждого языка правил функционально-

семантической вербализации определенных смыслов (Гак 1977: 6-7, 10). Однако чаще имеет место сопоставление отдельных участков лексической системы языков: тематических групп и лексико-семантических полей, объединенных общим понятийным или денотатным признаком – «цвет», «запах», «атмосферные осадки» и пр., который, очевидно, и принимается за основание сравнения (см.: Решетникова 2001; Сунь Хуэйцзе 2001; Кузнецова 2002) при выявлении случаев диасемии как частичного совпадения семантики соэквивалентных лексических единиц в сопоставляемых языках.

Контрастивное описание лексических единиц, отмеченных этнокультурной спецификой, по существу принадлежит уже сопоставительной лингвоконцептологии, поскольку имеет дело с культурными, вернее, лингвокультурными концептами как некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса. Размежевание терминов «культурный» и «лингвокультурный концепт» представляется довольно существенным в силу того, что «культурный концепт» по определению относится к культурологии и не предполагает обязательной вербализации, а может находить знаковое воплощение в любых семиотических формах: поведенческих, предметных и других, в то время как «лингвокультурный концепт», опять же по определению, непременно так или иначе связан с языковыми средствами реализации. Тем самым «культурный» и «лингвокультурный» концепты, вполне совпадая по своей предметной области, заметно отличаются по материи своего овеществления и, соответственно, по своим исследовательским свойствам.

Лингвокультурный концепт как «сгусток» этнокультурно отмеченного смысла обязательно имеет свое имя, которое, как правило, совпадает с доминантой определенного синонимического ряда либо с ядром определенного лексико-семантического поля, и поэтому одним из аспектов сопоставительного изучения этих лингвоментальных сущностей будет выделение в эталоне сравнения уровня системно-языковых признаков.

Если отличительные признаки лингвокультурных концептов ограничиваются идеальностью как отнесенностью к области сознания, этнокультурной отмеченностью и вербализованностью, то в их число попадают весьма разнородные по своему семантическому составу единицы, требующие при межъязыковом сопоставлении различных исследовательских подходов. Под определение лингвокультурного концепта попадают имена конкретных предметов (например, «матрешка» – Карасик 2002: 145) и имена реалий при условии их включенности в ассоциативное поле определенной культуры, имена прагматических лакун в межъязыковом сопоставлении («береза», «черемуха», «рябина», «калина», «журавль», mistletoe, holly, thistle и пр.), имеющие соэквивалентное предметное значение. К их числу относятся, естественно, имена нацио-

нально-специфических понятий («удаль», «воля», privacy, efficiency, esprit, honor, saudade, ordnung и пр.), находящие при межъязыковом сопоставлении лишь частичное соответствие, и, конечно, имена абеляровских духовных ценностей – мировоззренческих универсалий («красота», «свобода», «вера», «любовь», «истина», «справедливость», «судьба» и пр.), лингвокультурная специфика которых в достаточной мере трудноуловима, поскольку в них закодированы определенные способы концептуализации мира (Вежицкая 1999: 434).

Проведение сопоставительных межъязыковых сопоставлений и, соответственно, составление признакового эталона сравнения вряд ли имеют смысл для имен безэквивалентных смыслов и «криптоконцептов», не имеющих в языке кодифицированного лексического воплощения, поскольку результативно можно сравнивать лишь в достаточной мере сходные предметы. Тем самым, сопоставительные исследования, сопряженные с созданием эталонных моделей, уместны и продуктивны лишь для концептов-уникалий и концептов-универсалий, имеющих частичную межъязыковую соэквивалентность.

Лингвокультурный концепт – качественно разнородное, вариативное и многослойное структурированное семантическое образование (Карасик 2002: 137), при исследовании которого применим компонентный анализ как наиболее эффективная в сопоставительной семантике микролингвистическая методика (Гак 1989: 13). Компоненты (семантические признаки), формирующие эталон сравнения при межъязыковом сопоставлении лингвокультурных концептов, отличаются прежде всего по своей ориентации на содержательную либо выразительную, «телесную» сторону их имен, отправляющих как к определенному набору смыслов, так и к определенной системе выразительных средств языка. В свою очередь содержательная сторона раскрывается как направленность на логическую, дискурсивную («понятийную») составляющую познающего разума, либо на его эмоционально-волевую (образную и ценностную) составляющие. Эталонные признаки концепта иерархически и вероятностно организованы, они могут быть структурированы по уровням («слоям»), по параметрам дефиниционной обязательности/факультативности и количественным (частотным) характеристикам (Попова-Стернин 2001: 60-62). С другой стороны, «ипостасные» свойства лингвокультурных концептов зависят от их «области бытования» – сферы общественного сознания или дискурсного употребления, в которых они модифицируются: утрачивают одни семантические компоненты и приобретают другие.

Классификация и систематизация эталонных признаков лингвокультурных концептов по существу означают их сопоставительное моделирование: создание семантического прототипа сравнения (см.: Бабаева 1997: 9; Панченко 1999: 5; Палашевская 2001: 15). Однако следует

заметить, что в сопоставительных исследованиях, посвященных описанию конкретных семантических единиц, этот прототип, как правило, эксплицитно не формулируется и используется интуитивно – «по умолчанию», а только перечисляются и классифицируются признаки сравнения, выбор которых зависит от вида исследуемых единиц.

Наиболее простыми в межъязыковом сопоставлении оказываются имена концептов-предметов, в семантике которых выделяются референциальная и прагматическая части, из которых первая соэквивалентна для обоих языков, а вторая выступает носителем этнокультурной специфики и, соответственно, отличается от языка к языку.

Концепты-уникалии типа русских «воля», «удаль», «тоска» при всей специфичности своей семантики содержат, тем не менее, некий дефиниционный минимум, который позволяет соотносить их с частичными иноязыковыми эквивалентами, по которым посемно распределяется их этнокультурная специфика, – «транслировать в инокультуру» (см., например: Димитрова 2001: 7-15).

Наиболее сложный объект для сопоставительного семантического описания представляют концепты высшего уровня – мировоззренческие универсалии («свобода», «справедливость», «судьба», «счастье», «любовь» и пр.), функционирующие в различных типах дискурса и в различных сферах общественного сознания, что определяет необходимость предварительного создания исследовательского «прототипа прототипов» – внутриязыкового междискурсного эталона сравнения: наиболее признаково полной и наименее этнокультурно маркированной модели, которая чаще всего совпадает с прототипом концепта, полученного в результате анализа научного дискурса и научного сознания.

Семантический прототип, полученный на основе научного дискурса, в котором функционирует исследуемый концепт, дополняется признаками из других дискурсных областей (сфер сознания). В его составе выделяется базовая, неизменная при всех междискурсных мутациях часть, содержащая дефиниционные (дистинктивные) семы, образующие реляционный каркас, обеспечивающий качественную определенность концепта – возможность его отделения от смежных и родственных семантических образований.

Лингвокультурный концепт в аспекте сопоставительного изучения – сложное ментальное образование, зачастую полученное «погружением в культурную среду» «семантических примитивов» – операторов неклассических логик: ‘безразличия’, принимающего форму равнодушия, социальной апатии, правового и морального нигилизма (см.: Воркачев 1997), и ‘желания’, сублимированного в концепт любви (см.: Воркачев 1995: 57).

Относительно немногочисленные концепты-универсалии индивидуализированы – отличаются друг от друга «лица необщим выраженьем», но при этом, тем не менее, в их семантическом составе выделяются однородные составляющие, основными из которых являются: 1) понятийная, рационально-дискурсивная, включающая признаки, необходимые для родо-видовой идентификации концепта и сохранения его целостности при «междискурсивных метаморфозах»; 2) метафорически-образная, эмоционально-чувственная, куда входят модели семантического переноса, «воплощающие» абстрактные сущности; 3) «значимостная», системно-языковая, объединяющая признаки, связанные с формой существования «знакового тела» концепта и способами его вербализации в определенном естественном языке; 4) гносеологически и аксиологически оценочная, включающая признаки, связанные с ценностными характеристиками концепта (о ценностном компоненте концепта см.: Карасик 2002: 129). Все эти составляющие, естественно, выделяются и в семантическом прототипе, формируемом для межъязыкового сопоставительного описания лингвокультурных концептов высшего уровня.

Особенностью концептов-мировоззренческих универсалий, которая должна учитываться при создании признакового эталона сравнения, является способность к смене имени при переходе из одной дискурсивной области в другую – их потенциальная синонимичность: «счастье» – «блаженство», «справедливость» – «правда», «свобода» – «воля», «любовь» – «милость» и проч.

В области понятийной составляющей при межъязыковом сопоставлении концепты универсалии отличаются не только простым набором сем, но и способом их организации: тем, как эти семы взаимодействуют, образуя концептуальные блоки, «пробегая» по которым концепт приобретает свою этнокультурную определенность (Воркачев 2002: 58), которая зависит во многом от частоты, с которой реализуется определенный концептуальный блок в определенной сфере национального сознания (Воркачев-Воркачева 2002: 146).

Наблюдения над использованием эталона сравнения в сопоставительной семантике прежде всего показывают, что он является обязательным, хотя по большей части и имплицитным, атрибутом сопоставительного описания, принципы формирования которого определяются как интересами исследователя, так и свойствами самого объекта исследования. При достижении определенного количественного и качественного предела и с возникновением необходимости внутреннего структурирования совокупность признаков, положенных в основание сравнения, приобретает вид семантического прототипа или модели.

Как и в любых сопоставительных лингвистических исследованиях, в сопоставительной семантике используются три типа эталона сравнения, выбор которых определяется свойствами сопоставляемых единиц – степенью сложности и разнородности их семантического состава: 1) за эталон принимаются свойства, абстрагируемые от свойств единиц одного из сопоставляемых единиц; 2) эталон представляет собой конструкт, образованный из искусственных семантических признаков; 3) эталон формируется из признаков, общих для всех сопоставляемых единиц.

При сопоставительном исследовании концептов-универсалий используется эталон сравнения третьего типа, представляющий собой семантический прототип (модель) и формируемый в два шага: сначала составляется междискурсный прототип для единиц каждого из сопоставляемых языков – «прототип прототипов», и только затем формируется семантическая модель-эталон межъязыкового сравнения.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабаева Е. В.* Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): АКД. Волгоград, 1997.
2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
4. *Воркачев С. Г.* Хотеть–желать vs querer–desear: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. 1991. № 3. С. 75-82.
5. *Воркачев С. Г.* Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // НДВШ ФН. 1995. № 3. С. 56-66.
6. *Воркачев С. Г.* Речевые значения кванторных местоимений русского и испанского языков: контрастивный анализ // Филология. Краснодар, 1996. № 10. С. 37-40.
7. *Воркачев С. Г.* Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С. 115-124.
8. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Монография. Краснодар, 2002.
9. *Воркачев С. Г., Воркачева Е. А.* Концепт счастья в русской и английской паремиологии // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. СПб., 2002. С. 145-148.
10. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М., 1977.
11. *Гак В. Г.* О контрастивной лингвистике // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5-17.
12. *Димитрова Е. В.* Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: АКД. Волгоград, 2001.
13. *Дорофеева Н. В.* Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): АКД. Волгоград, 2002.
14. *Жук Е. А.* Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): АКД. Краснодар, 1994.
15. *Зиновьев А. А.* Комплексная логика // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 29-37.
16. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
17. *Кашаров Б. Т.* Сопоставительно-типологический анализ фразеологизмов русского, немецкого и кабардино-черкесского языков: АКД. Краснодар, 1999.
18. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.

19. *Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 63-81.
20. *Крушельницкая К. Г.* Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
21. *Кузнецова О. И.* Семантическая относительность лексических единиц тематической группы «атмосферные осадки» в английском и русском языках (сопоставительный анализ): АКД. Краснодар, 2002.
22. *Матезиус В.* О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 18-26.
23. *Нерознак В. П.* О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический–характерологический–контрастивный) // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987. С. 5-26.
24. *Новоселов М. М.* Принцип абстракции // Философская энциклопедия: В 5 тт. Т. 4. М., 1967. С. 365-366.
25. *Палашевская И. В.* Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: АКД. Волгоград, 2001.
26. *Панченко Н. Н.* Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): АКД. Волгоград, 1999.
27. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
28. *Потье Б.* Типология // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 187-204.
29. *Решетникова Е. А.* Национально-культурный компонент семантики цветообозначений в русском и английском языках (в диахронии): АКД. Саратов, 2001.
30. *Сунь Хуэйцзе.* Принципы номинативного структурирования семантического поля (на примере средств обозначения запаха в русском и китайском языках): АКД. Волгоград, 2001.
31. *Тлебзу М. Д.* Сопоставительная типология грамматических категорий имени прилагательного и языковые средства их выражения в современном русском, адыгейском и французском языках: АКД. Краснодар, 1999.
32. *Хельбиг Г.* Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 307-326.
33. *Хут С. Н.* Субъективная реализация модальности в разносистемных языках (на материале русского, французского и адыгейского языков). Краснодар, 1997.
34. *Штернеманн Р.* Введение в контрастивную лингвистику // НЗЛ. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 144–178.
35. *Юм Д.* Сочинения: В 2 тт. Т. 1. М., 1965.

Двуголосость как орудие эстетического экзорцизма

© А. К. Калыгин, 2003

Работа «Проблемы творчества Достоевского», напечатанная в 1929 году и переизданная в 1961 году под названием «Проблемы поэтики Достоевского», безусловно является главным произведением в творчестве М. М. Бахтина. «Полифонизм», «многоголосость», «диалогизм» – центральные категории этих работ, понятия, с которыми вошел Бахтин в историю мировой культуры. Но мы обратим внимание на еще одну, на первый взгляд второстепенную, своего рода служебную категорию, также представленную в данных работах, а именно на «двуголосость». Это понятие вводится и раскрывается в небольшой, чисто лингвистической – точнее, металингвистической, как настаивает сам Бахтин – части, которая вставлена в литературоведческий в целом текст работы о Достоевском. В настоящей статье мы постараемся показать, во-первых, некорректность введения Бахтиным термина «двуголосость», во-вторых, абсолютную его необходимость для реального функционирования главного понятия «Проблем поэтики Достоевского» – «полифоничности» и, в-третьих, как все эти соображения впишутся в наше понимание эстетических и, шире, философских воззрений Михаила Бахтина.

Итак, «двуголосое слово». Прежде всего рассмотрим аналогичные по построению двухкоренные слова, первым корнем из которых является корень «два». Для примера возьмем такие слова: «двуручная пила», «двуличный человек», «двусторонние отношения». Видно, что первое слово в этих словосочетаниях есть определение ко второму, которое показывает наличие в последнем либо двух похожих частей или качеств, либо двух разных проявлений одного и того же аспекта. Так, у двуручной пилы имеются две ручки, у двуличного человека, выражаясь языком психологии, две роли, которые он, в зависимости от обстоятельств, попеременно играет перед другими, а двусторонние отношения осуществляются двумя юридическими (или какими-либо другими) сторонами, принадлежат двум сторонам как своим источникам. Значит, и двуголосое слово должно быть, по идее, произносимо двумя голосами, озвучиваться двумя устами, принадлежать сразу двум субъектам. Посмотрим, так ли это. В бахтинской классификации двуголосых слов (1, с. 414-415) к первому типу (к «однонаправленному двуголосому слову») относятся стилизация, рассказ рассказчика, сказ и рассказ от первого лица. Если внимательно присмотреться, во всех этих «художественно-речевых явлениях» (там же, с. 399), за исключением стилизации, явным образом присутствует некий персонаж, от лица которого и ведется повествование. В современном литерату-

поведении его обычно называют повествователем. Но и в стилизации между автором и стилизованным повествователем ощущается определенный субъект – носитель стилизованной речи. За явную невыраженность его можно назвать скрытым рассказчиком. Бахтину важно отметить здесь две вещи: во-первых, слово рассказчика есть замещение авторского слова, во-вторых, слово рассказчика отличается от слова героя. Он пишет: «Ведь автору в нем (в рассказчике – *А. К.*) важна не только индивидуальная и типическая манера мысли, переживать, говорить (что важно автору в герое – *А. К.*), но, прежде всего, манера видеть и изображать: в этом его прямое назначение как рассказчика, замещающего автора» (там же, с. 405). Слово же героя, по Бахтину, – слово объектное, одноголосое слово; автор его «показывает», а не «изнутри пользуется им для своих целей» (там же). Но велико ли отличие в «показе» и в «пользовании»? Вполне допустимо утверждать, что слово героя автор использует для достижения своих целей, которые обусловлены произведением как словесным целым. С другой стороны, «манера видеть и изображать» у рассказчика есть следствие – как и показанные качества героя – «индивидуальной и типической манеры мыслить, переживать, говорить». Отсюда, на наш взгляд, слово рассказчика, в общем-то, ничем не отличается от слов героя, а значит, от «объектного» (там же), одноголосого слова. Если так, то становится понятной и та, по выражению Бахтина, «дистантность» слов рассказчика и автора. Ведь здесь слово обрабатывается автором не как свое слово, а как слово героя – как слово другого-для-себя. Так же проясняется и приписываемая Бахтиным словам стилизации, некая «условность». Она, естественно, будет ощущаться, если вместе с Бахтиным считать слова рассказчика в качестве заместителя авторских слов: заместитель не есть оригинал. Однако эта условность сразу же исчезает, если слова стилизации признать словами героя, пусть и особого рода героя – словами рассказчика, повествователя. «Объектная речь героя, утверждает Бахтин, никогда не бывает условной. Герой всегда говорит всерьез» (там же, с. 404). А разве рассказчик в сказе, в стилизации, просто в рассказе сам-для-себя говорит не всерьез? Что касается свойства «однонаправленности» в словах этого типа, то можно согласиться, что в них «авторская мысль... не приходит в столкновение с чужой мыслью» (там же, с. 408), то есть мысли-оценки автора и мысли-оценки рассказчика не пересекаются, мирно сосуществуют. И даже если оценки автора иногда и не совпадают с оценками рассказчика, он, автор, делает все, чтобы этого не было заметно. Да и как могло бы быть иначе, если автору важна не оценка повествователем событий произведения, а именно его таковость, его своеобразие, можно сказать, его рельефность. Все это дает еще большее основание отнести рассказчика к героям, сблизить его с ними, а не с автором. Итак, на наш взгляд, Бахтин нашел «двуголосость» там, где ее нет:

слова повествователя принципиально ничем не отличаются от слов героя, то есть от слов «одноголосых». Но что же тогда особенного в этих словах? Единственное, с чем можно согласиться, – это то, что в анализируемом нами типе слов чувствуется указание на их другость, инаковость, на их отличие от авторских слов. Однако разве указание на что-то есть принадлежность к тому, на что указывается? Неужели дорожный указатель «ДО МОСКВЫ 100 км.» принадлежит Москве? А в стрелке компаса, указывающей на север, находится сам северный полюс, или, наоборот, она ему принадлежит? Как не вспомнить высказывание адептов дзен: нельзя принимать за луну палец, на нее показывающий...

Ко второму типу двуголосых слов, названному Бахтиным «разнонаправленным двуголосым словом», относятся слова пародии. Безусловно, приписать атрибут двуголосости пародийному слову у Бахтина некоторые основания есть. Слово здесь не просто дано как слово, но и активно высмеивается автором, и в авторском задании это осмеяние читателем должно отчетливо ощущаться. Но зададимся вопросом: что высмеивается в пародии – слова персонажа или сам персонаж? На наш взгляд, насмешке подвергается именно персонаж как носитель пародийного слова. Неуместность его стиля в конкретных обстоятельствах или несоответствие этого стиля содержанию речи есть только средство для осмеяния. Целью же этого осмеяния является сам герой пародии. Последний, как и герой стилизации, говорит сам-для-себя совершенно серьезно: ему и невдомек, что он смешён.

Что касается смысловой «разнонаправленности» слов пародии, то она присутствует здесь как раз по причине неодинаковости оценок слов героя самим героем и автором, а в задании – читателем. Но в самих словах в словах героя – эта авторская оценка непосредственно не присутствует: есть опять же лишь указание на эту оценку. Как и в случае со стилизацией, Бахтин и здесь принимает это указание на оценку автором за сам голос автора. Той же самой является и причина данного подхода: «Здесь (в пародии – *А. К.*) автор, как и в стилизации, говорит чужим голосом» (там же, с. 408). То есть неявно выраженного, не выписанного чисто авторскими словами героя пародии Бахтин принимает за автора, голосом этого героя говорящего. Конечно, говоря что-то и одновременно давая указание на высмеивание этого, можно «услышать» двуголосость. Актер, играющий комичный персонаж, может внутренне смеяться над последним, однако очевидно, что эта игра и этот смех распределены по разным личностям. По нашему мнению, повторим, пародийное слово и его осмеяние принадлежат разным голосам, разным субъектам.

Наконец, рассмотрим последний, третий тип двуголосого слова, охарактеризованный Бахтиным как тип «активный». Сюда им отнесены скрытая и явная полемика и скрытый и явный диалог. По причине явной

разделенности высказываний по персонажам как носителям этих высказываний очень трудно словам этого типа приписать еще какие-то голоса. И Бахтин это чувствует: «Здесь чужое слово... воздействует, влияет и так или иначе определяет авторское слово, оставаясь само вне его» (там же, с. 410), и еще: «слово напряженно чувствует рядом с собой чужое слово, говорящее о том же предмете» (там же, с. 411), (выделено нами – *А. К.*). Получается, что здесь Бахтиным прямо признается – да и как иначе! – принадлежность разных реплик разным голосам, а участвующие в диалогах другие персонажи только чувствуются в каждом высказывании. Однако и сюда он упорно протаскивает двуголосость, и здесь навешивает на реплики диалога, на полемические высказывания второй голос. Логика у него та же: если на структуру высказывания оказывает влияние, кроме самого предмета речи, еще и другая точка зрения, значит, это высказывание-слово принадлежит и носителю этой точки зрения – другому голосу. Еще один шаг, и придется признать – и этот шаг уже сделан – принадлежность слову самого предмета. Бахтин пишет: «В скрытой же полемике чужое слово отталкивают, и это отталкивание не менее чем самый предмет, о котором идет речь, определяет авторское слово» (там же, с. 411) (выделено нами – *А. К.*). Но и этого мало! «Момент ответа и предвосхищения глубоко проникает внутрь напряженно диалогического слова. Такое слово как бы вбирает, всасывает в себя чужие реплики» (там же, с. 412). Получается уже не двуголосость, а многоголосость слова – тотальная, всесловесная полифоничность. Воистину «В начале было слово»!

Повторим еще раз: причиной всех этих несуразностей, на наш взгляд, если не брать во внимание глубинную мотивировку такого подхода, о чем ниже, является ошибочность логического вывода: влияет значит принадлежит. Метафора из области школьной физики проиллюстрирует это. Если взять лист бумаги и насыпать на него железные опилки, а потом снизу, под бумагу, поместить магнит, то опилки образуют на бумаге структуру, аналогичную структуре невидимых линий магнитного поля магнита. Но из этого очевидного влияния магнита на расположение опилок никто никогда не сделает вывода о принадлежности магнита и его магнитного поля самим железным опилкам.

Так почему же Бахтин везде, где только можно, ищет – и, по его мнению, находит – в словах-как-высказываниях такое разноголосие? Зачем ему это заселение слов множеством голосов?

Прежде всего зададимся вопросом: что же такое для Бахтина слово, как он его понимает, под каким углом рассматривает в этом произведении о Достоевском?

Слово здесь прежде всего высказывание, имеющее своего автора, «творца данного высказывания, чью позицию оно выражает» (там же,

с. 398). Однако вспомним, что в своей более ранней работе Бахтин пишет о слове прежде всего как о материале художественного произведения (см. 2, «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве»). Ранее нами был уже представлен комментарий к этой работе (см. 3). Относительно материала – его значения в творчестве – мы отмечали, что «благодаря материальной объективной активности художник очевидно-возрительно «формой занимает ценностную позицию вне содержания, как познавательно-этической направленности», то есть «впервые делает возможным завершение», причем завершение объективно значимое (там же, с. 36), и еще: «материал нужен автору для проявления свободы творчества, для чувства свободного преодоления внешней данности, которое, объединяясь с чувством долга по отношению к нуждающемуся в оформлении содержанию, делает эстетическую деятельность одновременно и серьезно-необходимой, и свободно-преодолевающей» (там же, с. 35). То есть материал позволяет творцу становиться явно-внеположным содержанию произведения – как эстетическому событию, с героем в качестве участника – переходить от акта вживания в героев к акту художественного оформления этих эмпатических чувств. Формирование материала дает автору ощущение художественной свободы от нудительно данного – в терминах бахтинской эстетики – события бытия героя, и с его, материала, помощью становится возможным эстетическое завершение этого вечно открытого, незавершенного события. Сам же материал является лишь орудием, и в своей материальной определенности в эстетическую форму – эстетический объект – не входит.

Таково понимание Бахтиным назначения материала в его, Бахтина, общеэстетической работе. Но и в «Проблемах поэтики Достоевского», по нашему мнению, слово необходимо понимать прежде всего как материал. И это не противоречит взгляду на слово как на высказывание: ведь и материал имеет своего формирующего творца, и высказывание состоит из оформленного словесного материала. Материальность слова позволит нам здесь понять, что та искусственная теоретическая конструкция двуголосности и есть возрительно данное, наглядно материальное воплощение главной бахтинской интуиции этого произведения о Достоевском – полифоничности. С помощью ощущения двуголосности в слове последнее становится орудием эстетического свершения, позволяет взглянуть на Достоевского чисто-художественным, активностным, творческим взглядом. Без двуголосности полифоничность можно понять, с нею – можно прочувствовать.

Но мы подойдем к пониманию этого немного с другой стороны.

Снова обратим наше внимание на работу «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». Бахтин

здесь полемизирует с формалистами, признающими в качестве эстетической деятельность, сугубо материальную, формирующую лишь материал. Они не видят, по его мнению, что художник в своем творчестве оформляет прежде всего этико-познавательное содержание, то есть событийные, жизненные проблемы, изнутри-жизнь героя. С другой стороны, в «Проблемах поэтики Достоевского» как раз этические (содержательные, в прежней терминологии Бахтина) аспекты произведений Достоевского заслоняют, как считает Бахтин, для литературной критики и читающей публики чисто эстетические новации и приемы – в общем смысле художественные формы – этих произведений. Он пишет: «Для сознания критиков прямая полновесная значимость слов героя... вызывает на непосредственный ответ, как если бы герой был не объектом (т.е. в прежней терминологии – элементом содержания, *А. К.*) авторского слова, а полноценным и полноправным носителем собственного слова» (1, с. 207).

Но что делать, если в задании у Достоевского именно такая читательская реакция на его героев и заложена? Здесь, в художественных произведениях, Достоевский-писатель по сути дела ничем не отличается от Достоевского-публициста: ему как раз и важна непосредственно-жизненная реакция на своих героев, не содержащая ни грана художественного успокоенного созерцания. Неужели публицистическую статью допустимо воспринимать отстраненно эстетически? И можно ли относиться к героям повестей и романов Достоевского, стоящих на грани (и эту грань зачастую переступающих) убийств и самоубийств, как к успокоенно-самодовлеющим художественным сущностям? Герои-идеологи провоцируют (и должны, по замыслу, это делать) идеологические же реакции: последние ответы на последние вопросы требуют от читателей последних же ответов.

Как эстетически охладить этот внехудожественный пыл? Где найти силы, которые не позволят завлечь себя в дебри моральных исканий персонажей? Как не поддаться их, героев, голосовому одержанию, то есть навязчивому, необоримому звучанию мыслей персонажей в читательских головах, тому одержанию, которому подвержены все герои Достоевского?

Быть может, такими вопросами и задавался Бахтин, читая Достоевского и критику о нем?

Проблема была решена с помощью идеи полифоничности, а двуголосое слово стало материальным носителем этого понятия. Читая Достоевского, Бахтин отмечает (и это справедливо), что все слова в произведениях распределены между героями, и даже авторские слова в большинстве своем известны им. Те же авторские высказывания, которые героям не слышны, имеют чисто осведомительный характер – не важные слова. Не просматривается так же и обычная авторская позиция – авторская точка

зрения, доминирующая над точками зрения героев, присутствие которой, по Бахтину, например, в драме или в платоновских диалогах, где тоже отсутствует прямое авторское слово, очевидна. Наконец, где в произведениях, в каких словах Достоевский-художник, то есть автор, ощущающий себя создателем эстетического целого, творцом, стоящим над героями, если все слова – у героев, известны им?

Но и Бахтин ничего не говорит о таком авторе. Наоборот, им всячески подчеркивается равноправие автора и героев, их одноуровневость, их «равноправную диалогическую позицию» (там же, с. 280). Такое авторское самоустранение, самоустранение в качестве «последнего судии» героя – упор на «самосознание как художественную доминанту построения героя» (там же, с. 255), лишение себя автором своего рода эстетически-божественной привилегии, закономерно ставит вопрос вообще о художественности произведений Достоевского. Не спасает здесь (в том виде, как она представлена самим Бахтиным) идея полифоничности просто как «множественности самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» (там же, с. 208). Ведь эта множественность должна быть в чем-то воплощена, причем в том, что героям принципиально принадлежать не может, а доступность последней любому из героев как раз и входит в замысел произведений Достоевского: все герои, как справедливо отмечает Бахтин, знают друг о друге еще в самом начале этих произведений. Бахтин пишет: «Всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных с ним сознаний» (там же, с. 255). Но не делает ли все это и сам герой в самом себе, в своем сознании, когда ведет бесконечные внутренние диалоги с воображаемыми, но от этого отнюдь не менее реальными собеседниками – со-героями, наделенными абсолютной для-него-объективностью? Тогда идея полифонии не есть ли заимствование Бахтиным у героев Достоевского ощущения многоголосия в своих головах? Не редукционизм ли это, переносающий свойства части на целое?

Конечно, полной идентичности полифонизма, многоголосия в сознании героев и полифонизма произведения как целого быть не может: герой, в отличие от автора, вынужден отвечать на вопросы внутренних голосов. В каком-то смысле эти голоса как точки зрения других более активны, чем сам герой. Они навязчиво теребят сознание, заставляют героя отвечать на ими поставленные вопросы. Поняв это, можно утверждать, что внутренняя цель героя – стремление ответить всем голосам на все их, голосов, вопросы, а судьбоносные поступки главных персонажей направлены как раз на то, чтобы прекратить этот перекрестный допрос. Многоголосие внутри сознаний героев в каком-то смысле можно назвать пассивным полифонизмом, пассивным, так как он навязан герою: последний здесь сторона претерпевающая. Тогда собственно бахтинский поли-

фонизм, очевидно, полифонизм активный, в котором герои со своими для-них-навязчивыми вопросами только извне-созерцаются, ведь автору уже давно все ясно. Бахтин пишет: «видение автора направленно именно на его (героя – А. К.) самосознание и на безысходную незавершенность, дурную бесконечность этого самосознания» (там же, с. 256). Но эти чувства «безысходной незавершенности» и «дурной бесконечности» не есть ли эстетические чувства законченности и завершенности авторов монологических романов? Значит, и «безысходность» внутренних – да и внешних – диалогов героев есть чисто авторская оценка их, и оценка чисто художественная.

Действительно, собственные искания герой никогда не оценит как «безысходно незавершенные» и «дурно бесконечные». Для героев всегда в заданности существуют окончательные, требующие лишь своего нахождения – а следовательно, эти искания завершающие, – ответы. Тем не менее Бахтин упорно настаивает на «равноправной диалогической позиции» автора по отношению к герою (см. там же, с. 280), а «для самого себя Достоевский никогда не оставляет смыслового избытка» (там же, с. 281). Но как же могут быть равноправными собеседники, один из которых (автор) ничего, собственно, не ждет от реплик другого (героя), то есть все общение характеризует в качестве безысходного и дурного?

По Бахтину, «бесконечная незавершенность» внутренних диалогов героев, их, как он говорит, *perpetuum mobile* сознания есть следствие свободы, дарованной автором, и в этом и состоит новаторство Достоевского-художника, его отличие от всех прочих романистов монологического типа. Но опять же такого рода авторски-читательское участие в ник-чему-не-приводящих (не имеющих исхода) изменениях есть смысловое извне-созерцание, то есть созерцание эстетическое, неотличимое от созерцания до конца известной жизни героя автором монологического романа. Если монологизм Тургенева и Толстого есть статическое завершение, только-авторски словесным целым, то диалогизм Достоевского, без явно-авторских слов, есть завершение динамическое: уже нечего ждать от такого рода вечного кружения «геройских» рефлексий. Суть в обоих случаях остается одной: автор ничего не ждет от героя, тем самым, создавая основу созерцанию самодовлеющего себе, успокоенного бытия.

Тот же автор, которым претился Бахтин, автор, явно или неявно вопрошающий своих героев, слова которого они слышат, у Достоевского играет чисто вспомогательную функцию: а именно как лицо, провоцирующее большую открытость героев. Этот явный автор своего рода технический прием для лучшего показа человека в человеке или, скорее, множества людей в человеке; он тот же персонаж, ничего общего с творцом не имеющий. Последний же (невидимый и бессловесный автор-

художник) и есть истинный созерцатель душ героев, вскрытых психологическими вивисекциями Достоевского.

Но в этой позиции успокоенного созерцания безысходных диалогов героев бахтинскому автору-читателю трудно удержаться. Всегда есть опасность перейти с эстетического на этический уровень отношения к героям, ввязаться в спор с ними. Поскольку своих, только-авторских, принципиально недоступных, неизвестных героям, слов нет у Достоевского, то значит, необходимо в самих словах героев найти нечто, героям недоступное, но могущее упрочить активность авторски-читательского созерцания. Можно и по-другому поставить вопрос: если все словесное множество в произведениях распределено между героями, то каким образом читателю занять внеположную, чисто художественную позицию? С помощью чего осуществить эстетический переход от акта вживания в героя – в его внутреннее многоголосие – к акту, это многоголосие извне-созерцающему и, далее к чувству полифоничности?

Двуголосое слово – вот та конструкция, тот материал, то орудие свершения, завоевания устойчивой эстетической позиции. Уже самим актом приписывания принадлежности к слову как его автора, так и его адресата Бахтин увеличивает его, слова, весомость, ставит его над героями. Слово здесь становится не только фокусом, в котором в макро- и микро-диалогах сходятся два (а то и больше) сознания, но и тем, в чем эти сознания локализованы, объемлются им. Слово из знака, указующего путь эмпатического постижения внутренних миров, становится собственно материалом, то есть орудием (см. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве») эстетического свершения. Помещение в одно слово нескольких сознаний – чисто наша, читательская, конструкция: ее на самом деле нет, как нет двуголосых слов. Но как раз именно поэтому в данном искусственном образовании (в двуголосости) мы можем прочувствовать в максимальной степени свою избыточно-художественную, творческую активность. Без этого только после прочтения всего произведения возможна постановка читателем себя вне этого произведения-как-целого, то есть возможна собственно эстетическая позиция. Здесь же, в двуголосости, художественное созерцание осуществляется ежемоментно, как сказал бы Бахтин – «внутриатомно», то есть в каждом слове романа или повести, ибо в каждом слове читатель чувствует себя творцом. Держа в уме идею многоголосия, осуществленную в каждом слове, ища и находя в последнем голоса множества персонажей, читателю приходится становиться активным. Такое принуждение к активности в созидании двуголосости (именно созидании, ибо, как мы пытались показать, никакой в прямом смысле двуголосости в тех, рассмотренных Бахтиным, типах слов, нет) выталкивает читателя из этического поля в пространство эстетическое, художественно-активное.

И в этом смысле Бахтин, как в свое время было нами продемонстрировано в комментарии к его работе «К философии поступка» (4), последовательный субъективист, творящий эту свою созидательно-утверждающую активность и одновременно сознающий себя таковым. Там мы писали «Следовательно, мы вынуждены признать, что последней, метафизической, основой события-бытия и шире, всего бахтинского мира поступка, является человек, вернее, его всеутверждающее «я». Все сущности, понятия, категории, стороны и моменты мира, событий, самого человека укореняются в этом онтологическом основании. Как бы ни был странен этот вывод – странен для понимания Бахтина как творца философии диалога, философии встречи, философии карнавала и прочих разновидностей философии полифонизма, – вывод о том, что истинно-сущим в философской антропологии мыслителя в том виде, как она предстает перед нами в работе «К философии поступка», является творчески утверждающее я, – нам приходится согласиться с этим» (указ. соч., с. 66-67).

Все эти выводы приложимы и к настоящей статье. И здесь «двуголосость» – только средство, орудие осознающей себя активности, помогающее этой активности сознать себя таковой. Метафорически говоря, двуголосость дает читателю возможность заточить своего рода этических бесов Достоевского – его героев – в материальную оболочку – пусть и выдуманного – двуголосого слова, не дает им вселиться в читательскую душу, захватить его, не позволяет мучить последнее неразрешимыми моральными проблемами. Двуголосость возвращает читателю его, читателя, творческую, эстетическую, своего рода божественную, активность, утерянную при бесконечном скитании по лабиринтам душ героев Достоевского. В этом и заключается эстетический экзорцизм Михаила Бахтина.

Л и т е р а т у р а

1. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества // Поэтики Достоевского. Киев, 1994.
2. *Бахтин М. М.* Работы 20-х годов. Киев, 1994.
3. *Калыгин А. К.* Дialeктичность эстетической деятельности // Русский филологический вестник. Москва. 1996. Том 81, № 1.
4. *Калыгин А. К.* От термина к онтологии: субъективная метафизика М. Бахтина // Терминоведение. Москва. 1993, №3.

**Символика растений в переводных произведениях.
«Благородные» растения
(на материале переводов с корейского и китайского языков)**

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2003

Растительный мир Кореи и Китая ярок и по-своему неповторим. *Травы, цветы, деревья, плоды* этих *деревьев* в корейском и китайском национальном сознании являются хранителями вековых традиций, а также используются непосредственно в создании портрета «идеального» человека. *Лотос, пион, орхидея*, а также *ива, цветы и плоды персикового дерева* были и остаются постоянными эталонами для обозначения женской прелести и красоты. Растения активно участвуют в разнообразных ритуалах, сопровождая человека от колыбели до смерти: до сих пор ни одна свадьба в Корее не обходится без *плодов жужубы (китайского финика)* и *каштанов*; *ивовые ветви* вешали над дверьми жилых домов, ибо они сулили добро и счастье; *ветвям персикового дерева* приписывали лечебные свойства: ими хлестали больных лихорадкой и так изгоняли нечистую силу и т. д. Символические действия с растениями обозначают важнейшие вехи в жизни человека, намекают на дальнейшее развитие событий в его судьбе: *сломанная и растоптанная ветка* или *сорванный цветок* ассоциируются с утратой девственности и т. п. Мир растений дал корейскому и китайскому народам определенную, очень богатую систему символов и эталонов: *сосна, бамбук, слива* – самые почитаемые у этих народов представители растительного мира. Важную роль в корейской и китайской картинах мира играют и другие представители растительного мира: *ива, персиковое дерево, кипарис, кедр* и мн. др. Не меньшее значение имеют цветы (*лотос, пион, хризантема, орхидея*) и травы.

В корейских и китайских переводных произведениях растения занимают важное место. Некоторые растительные образы насквозь пронизывают корейскую и китайскую мифологию, легенды, поверья, поэтическую традицию. Зачастую в символике растений «закодирована» информация о морально-нравственных критериях, принятых в данном языковом социуме. В китайской и корейской живописи многие растения ассоциируются с человеческими типами и определенными настроениями: *слива* с ее вытянутой формой и не имеющая на себе пятен достойна быть партнером поэта; *бамбук*, благородный и тянущийся вверх, достоин быть поставлен в один ряд с ученым. Как писал в XVII веке Чжан Чао:

«Цветок сливы навевает нам возвышенные думы... // Орхидея доносит до нас прелести отшельнической жизни. // А сосна вселяет в нас величие древних» («Книга прозрений» 1997, 234).

Однако многие из ассоциаций понятны лишь тому, кто хорошо начитан, как бывает с аллегориями, принятыми и у нас.

Растения часто используются в иносказательных, метафорических выражениях, а также речениях фразеологического характера (далее РФХ), пословицах и крылатых выражениях. Излюбленные координаты корейской и китайской художественной литературы – это *припорошенная снегом цветущая слива, роняющие лепестки персиковые деревья, алые ветви коричневого дерева, желтые хризантемы, багряные клены, гибкие ивы, гнущиеся под весенним ветерком* и мн.др. В данной статье мы остановимся на тех представителях растительного мира, которые в Корею и Китае относят к классу «благородных». По разным источникам, это *сосна, бамбук, слива, персиковое дерево, лотос, пион, хризантема, орхидея* и некоторые другие.

Мугунхва

Национальным цветком Кореи является *гибискус* (по-корейски «мугунхва»). Для корейцев символика цветка – в корне самого слова «мугунхва»: «мугу» по-корейски – вечность, «хва» – цветок. Этот цветок воплощает в себе волю, упорство и решительность корейского народа. Каждый год с июня по октябрь вся страна утопает в этих цветах. Этот цветок воспевали многие поэты Кореи:

«Цветик мугунхва, // Что ты отыщешь родней // Нашей Самчхонри?» (Ли Ги Ен 1958,270); «О цветы мугунхва // на отрогах горы Пэктусан, // Там, где дышится вольно, // Где стелется утром туман!» (Хан Сэр Я 1961, 229).

Сосна

Сосна занимает особое положение в растительном мире корейской и китайской литературы. С ней связан комплекс представлений о вечном, неизменном как свойстве мира и как свойстве человека.

Сосна, являясь символом вечности, играет исключительно важную роль в моделировании пространства в корейской и китайской поэзии (см. Никитина 1994, 129). В своих стихах поэты Китая и Кореи подчеркивают особое положение *сосны* и *кипариса* в растительном мире, превосходство этих деревьев над всеми другими, хоть внешне они не так привлекательны, как *персик* и *слива*, например, зато красота последних лишь на краткое время, а *сосна* и *кипарис* не опадут даже зимой:

«Ни ива, ни вяз с ней не могут сравниться – // царит над всеми она, // Ни слива, ни тополь с листвою зеленой – // она все равно зеленой» (Ду

Фу 2000, 447); «*Сосна*, кипарис природно сиры, прямы: // Трудно им быть с лицом персика, сливы» (Ли Бо 2000, 234).

Сосна в стихах выступает как образ вечного, который раскрывается в сопоставлении с временными образами, например, цветами:

«Тепло придет – красуются цветы. // Наступит холод – листья опадают. // И лишь одна высокая *сосна* // Ни снега, ни мороза не страшится, // И к Девяти истокам под землей // Ее могучие простерлись корни» («Бамбук в снегу» 1978, 132); «Не смейтесь! Кривую *сосну* // Ветры сгибали, старили зимы. // Недолговечна цветов красота, // Ветры холодные неумолимы. // Не раз вам придется в лютую стужу // Завидовать мне кривой *сосне*» («Классическая поэзия...» 1977, 459).

Неизменность *сосны*, ее стойкость дают возможность сопоставить ее с человеком, верным своим принципам, не меняющим их в зависимости от обстоятельств:

«Что после смерти станет со мной? // Хочу я стать *сосною* на Пэнлае. // Поднявшись на высокую вершину // Один я буду зеленеть в ту пору, // Когда холодный снег летит на землю // И в белое одето все вокруг» («Бамбук в снегу» 1978,55); «Каждый клялся другому // И искренне верил, // Что душа у него // И пряма и крепка, // Словно *ствол* корабельной *сосны*» (Ким Со Воль 1962, 43).

Сосна – центральный или один из главных элементов пейзажа, картины идеального мира природы, противопоставляемого миру суеты:

«Укрывшись от полуденного солнца, // Сижу я *под сосной* на берегу» («Бамбук в снегу» 1978, 264).

Сосна часто встречается в корейской и китайской поэзии в сочетании с бамбуком. *Сосна* и бамбук выступают как цветовые образы, несущие представление о вечнозеленом цвете:

«Для бамбука и *сосны* нет ни весен, ни осеней, ни лета, ни зимы – они всегда, неизменно зелены!»; «Разве от снега потухнет зелень бамбуков и *сосен*» («Верная Чхун Хян» 1990, 65;109).

Взор отшельника, привлеченный зеленым цветом *сосны* и бамбука, не фиксирует хода времени, не замечает смен весны и осени:

«Здесь приютилась хижина моя – // На горном склоне, на скале отвесной. // Перед моими слабыми глазами // Два цвета только – *сосен* и бамбука // И потому не замечаю я, // Ушла весна или настала осень» («Бамбук в снегу» 1978, 115).

Сосна – это еще и напоминание о шуме ветра в ее кроне – неизменный образ в поэзии народов Дальнего Востока:

«Шелест ветра в *соснах* – тихое звучание комунго» («Повесть о зайце» 1960, 301).

Сосна называется одним из самых надежных друзей:

«Лишь несколько друзей всегда со мною:// Бамбук прямой, *Сосна*, Вода, Утес // Когда же над восточною горой // Луна восходит, я ее встречаю! // И, кроме этих пятерых друзей, // Никто на свете мне не нужен!» («Бамбук в снегу» 1978, 131).

Сосна – материал, из которого изготавливают ограду, лодки:

«Во дворе, где растет за *сосновой оградой* бамбук, // Ни единой пылинки мирской суеты...» («Классическая поэзия...» 1977, 433), «Я смастерила лодку из *сосны*, // По Тэдонгану вниз ее пустила» («Светлый источник» 1989, 358).

Сосновые иглы служили пищей отшельникам, а *семена* – кормом для птиц:

«Я житель гор, меня убаюкивает свист ветра в *сосновых ветвях*, питаюсь я *сосновыми иглами*, потому никогда не хвораю и сохранил бодрость и живость до старости...» («Сон...» 1982, 374); «Он приручал журавлей, бросая им *семена сосны*» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 273).

Наряду с орхидеями, бамбуком и сливой *сосна* выступает как узор на одежде:

«На наколенниках были вышиты орхидеи, *сосна*, бамбук и дикая слива в цвету – друзья, стойко переносящие зимнюю стужу, неизменный знак любви и согласия» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 104).

В Китае при основателе первой объединявшей весь Китай империи Цинь, реформаторе, строителе Великой стены Цинь Шихуанне (259-210 гг. до н.э.) *сосне* был даже присвоен княжеский титул, как символу твердости и верности долгу. Это нашло отражение в литературе:

«Когда Бамбучинка подросла, к ней, соблюдая этикет, посватался *Сосна*. – Князь *Сосна* человек благородный, – сказали ее родители. – Изящные манеры князя подходят для нашей семьи» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 263).

В живописи *сосна* часто изображается с символами долгой жизни или возрождения – сливой, бамбуком, грибами, аистами, белым оленем.

Сосна часто встречается в образных сравнениях при описании красоты девушки, а также стойкости и твердости ее характера:

«Король и королева лично осмотрели ее – она была как *зеленая сосенка*, как глубокая чистая реченька» («Жизнеописание королевы Инхён» 1985, 85); «Эта женщина, стойкая, как *сосна*, и твердая, как бамбук, – я уже пробовал, но ничего из этого не вышло, лишь попусту затратил сотни лян серебра» («Повесть о Чон У Чхи» 1960, 280).

Кипарис

Кипарис – вечнозеленое и долголетнее дерево с прочной и стойкой древесиной являлось символом долгожительства, а также нравственной стойкости и жизненной силы (см. Ду Фу 2000, 468):

«Среди равнины // *Кипариса* крона, // Как балдахин, // Бросала тень веками // И сам он, // Наподобие дракона, // Стоял, // Владычествуя над ветрами. // К его стволу, // Что славен прямою, // Сюда сходились старики с поклоном... // Привольно рос он на земле просторной, // Столетия // Не ведая печали» (Ду Фу 2000, 198).

Вечнозеленые сосна и *кипарис* были предметом особого почитания: с ними связаны представления о королевских предках. Эти хвойные деревья играют определенную роль в преданиях о происхождении родоначальников древних корейских родов (см. об этом Герман Ким 2002). *Кипарис* называли янбаном (дворянином). Это нашло отражение в литературе:

«Ясень называют простолюдином, а *кипарис* – янбаном» («Роза и Альый Лотос» 1974, 343).

Кипарис и сосна являются «символами вечности». Считалось, что такие вечнозеленые деревья, как *кипарис* и сосна содержат особенно много животворящих элементов ян, которые обеспечивают сохранение зеленой листвы и зимой, а также, что *ветки кипариса* и сосны предохраняют от злых духов. Его часто сажали на кладбищах и во дворах храмов предков – это должно было предохранить тела усопших от гниения и разложения, а живым принести счастье и удачу. С целью сохранения останков умершего гробы изготавливали из сосновых досок, а поминальные таблички – из *кипариса*. (см. Сидихменов 2000, 30; 33; Герман Ким 2002).

«Поднимаюсь на холм, смотрю на просторы вокруг, // На севере вижу могилы Зеленой горы. // *Кипарисы* и сосны укрывают высокие пики» («Книга прозрений» 1997, 121).

Кипарис – цветовой образ:

«К востоку от ворот Тяньаньмынь среди густых темно-зеленых сосен, изумрудных *кипарисов*, буйных зарослей камыша и ив находился величественный Храм предков – святыня маньчжурских императоров» (Сидихменов 2000, 262).

Кипарис выступает как строительный материал:

«Когда-то ханьский У-ди, потрясший Вселенную своей мощью, воздвиг террасу с балками из *кипариса*» («Повесть о зайце» 1960, 289).

Сосновые и *кипарисовые иглы* считались символами неуязвимой молодости и силы: их носили на поясе в шелковых мешочках.

«В мешочке лежали сосновые иглы и *иглы кипариса*, а также бутонны роз и пахучие травы из Вьетнама» («Цветы сливы» Т.1. 1998, 280).

Кедр

В Корее считали, что *кедры* обладают живительной силой и магической энергией. Наряду с дубом, вязом, сосной, ивой и каштаном его относили к священным деревьям (см. об этом Герман Ким 2002).

Кедр и сосна – обязательные элементы горного пейзажа:

«Кругом теснились величественные вершины; яркая луна бросала холодные лучи на густую траву, сосны и *кедры*, покрывающие подножия гор; где-то журчала вода; изредка доносился унылый голос кукушки» («Повесть о Чан Хва и Хон Нён» 1960, 612).

Для могил выбирали места, где росли *кедры* и сосны:

«У могилы деревья стояли в пышной (зелени), густо росли сосны и *кедры*» («Ссянчхон кыйбон» 1962, 55).

Кедр в паре с сосной символизирует стойкость и непреклонность перед жизненными невзгодами:

«... облик ее можно было сравнить с золотом и нефритом, а душевные качества – с сосной и *кедром*» («Жизнеописание королевы Инхён» 1985, 63).

Вместе с яркими цветами *ветки кедра* были неотъемлемым атрибутом жертвенного стола при совершении молитв небу и земле с выражением благодарности за богатый урожай в старом году и пожеланием хорошего урожая в Новом году (см. Сидихменов 2000, 31).

Кедровые орехи использовались при приготовлении различных блюд, например, пельменей (манту), а также с ними заваривали чай:

«Зять разломил манту, увидел в нем *кедровые орехи*...» («Черепашьих суп» 1970, 35); «Старуха очень обрадовалась ей, провела в комнату, усадила и подала крепкого чаю, заваренного с грецкими и *кедровыми орехами*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 55).

Бамбук

Бамбук, одно из цветущих зимой деревьев, является восточным символом постоянства, изящества, гибкости и пластичности, хорошего воспитания, длительной дружбы, долголетия и цветущей старости, так как постоянно зелен. *Бамбук* обозначает также зиму, поскольку наряду со сливой и сосной *бамбук* является одним из «трех ее друзей». *Бамбук* – эмблема Будды. (Тресиддер 2001, 19; «Когёа» 1999, 20). *Бамбук с ласточкой* олицетворяет дружбу; с *журавлем* – долгую жизнь и счастье; сочетание *сливы* и *бамбука* символизировало прочную дружбу; вместе с *сосной* они являли образ взаимной преданности даже в зимнюю стужу, а также единения «трех учений» Китая: конфуцианства (*сосна*), буддизма (*бамбук*) и даосизма (*слива*) (см. об этом Малявин 2000, 336).

Как и сосна, *бамбук* – один из главных элементов пейзажа, картины идеального мира природы, противопоставляемого миру суеты:

«В том краю невиданно прекрасном // Лишь бессмертные одни живут! // В том краю вершины высоки, // Рвется ввысь *бамбук* темнозеленый, // Зелень покрывает склоны гор» («Бамбук в снегу» 1978, 281).

Бамбук в корейской поэзии связан с представлениями о неизменном, вечном, совершенном (см. об этом Никитина 1994, 239):

«Нет ничего в природе совершенной, // Чем этот пустотелый крепкий ствол! // Люблю *бамбук* за прямоту его, // За то, что круглый год он зеленеет» («Классическая поэзия...» 1977, 455).

Бамбук и сосны окружают жилище отшельника:

«В одежде отрешенного от мира // К родным садам я ныне возвращаюсь. // Теченье вод и выси гор все те же, // Но пышно разрослись *бамбук* и сосны. // И вновь под кровом тесного жилища // Рогожу разостлал я и ликую, // Лежу и тешусь дуновеньем ветра, // Меня ничто ныне не заботит» («Корейская классическая поэзия» 1956, 217); «Вокруг пышно разрослись сосны и *бамбук*, а посреди луга, покрытого ярким пестрым ковром цветов, стоял скромный и приветливый домик» («Сказания о госпоже Пак» 1960, 499).

Стойкость вечнозеленого *бамбука*, несущего идею вечного дает возможность сопоставить его с совершенным, нестигаемым, решительным человеком, который может склониться перед бурей, но потом встает снова:

«Кто говорит, что зимнею порою // *Бамбук* в снегу склоняется к земле? // Как мог бы зазеленеть он средь зимы, // Когда б покорно перед ней согнулся? // Я знаю: в этот год такой холодный, // Прямым остался только он один» («Бамбук в снегу» 1978, 47); «Хорошо зная сына, который, словно зеленый *бамбук*, уж если решится, ничто не заставит его изменить свое решение, Кан Бан Сок чувствовал некоторое облегчение на душе» («Мангендэ» 1981, 203); «... язык у этой красотки – что нож острый, верность – что сосна и *бамбук*» («Повести страны зеленых гор» 1966, 227).

Бамбуковая роица – место идеального отдыха в жаркие дни:

«Летом особенно приятно вместе с красавицей подставить себя дуновению прохладного ветерка и, искупавшись, подремать в зарослях *бамбука*» (Малявин 1997, 355).

В корейской и китайской литературе *бамбук* является цветовым образом:

«Здесь овеванный ветром // Зеленый *бамбук*» (Ду Фу 2000, 153); «Изумрудные копыя *бамбука* рвутся ввысь...» («Классическая поэзия...» 1977, 481).

Бамбук – материал, из которого изготавливали различные бытовые предметы, необходимые для жизни, например, кувшин для вина, калитку, забор, короб, оконные рамы и т. п. Считалось, что предметы, изготовленные из *бамбука*, обладают высокой прочностью.

«И чтоб калитку новую сплести, // нарежь, малыш, *бамбуковые стебли!*»; «В оконной раме *из бамбука* – ночь» («Бамбук в снегу» 1978, 199; 173); «... кувшин *из бамбука* с берегов Сяосяна и Дунтина...» («Верная Чхунхян 1960, 60); «Государь вернулся в столицу и приказал сделать *из чудесного бамбука* свирель» («Корейские предания и легенды» 1980, 183); «Я *бамбуковый короб* // Тогда изготовил, // Чтоб жемчуг хранить // Для уплаты налога» (Ду Фу 2000, 329).

Бамбуковая палка и *бамбуковая шляпа* – приметы отшельника:

«С *бамбуковой палкою* иду // По Яшмовому мостику над рекой»; «Мне плащ соломенный сейчас не нужен, // *Бамбуковую шляпу* надо взять» («Бамбук в снегу» 1978, 115; 137).

Из бамбука сделаны дом, мебель и т.п. и у отшельника:

«Они прошли мимо изумрудных пиков, потом свернули на другую дорогу и вскоре очутились перед Пещерой Зеленого *Бамбука*. Землю вокруг устилал зеленый мох, высокие *стволы бамбука* словно упирались в небеса. В *бамбуковых зарослях* стоял сложенный *из* красноватого *бамбука* домик с четырьмя комнатами. Путники вошли в него. Поперечная балка в главной комнате была вытесана *из бамбука* Фея Реки Сян, а колонны – из ярко-зеленых, цвета плесени, *бамбуковых стволов*. Двери домика были сколочены из плотно пригнанных *стволов бамбука* Ветряной Человек, за пологом *из бамбуковой бумаги* стояло *бамбуковое ложе*... Тем временем старик выставил *стол из бамбука*, смазанного маслом, и *два бамбуковых кресла*, обитых зеленой кожей» («Книга прозрений» 1997, 428).

Побеги бамбука являются лакомством для китайцев и корейцев:

«Тогда Симынь дал ему тарелку с печеными на пару блинами, чашку супа из устриц, заправленного душистым луком и маринованными *побегами бамбука*» («Цветы...» Т.1.1998, 239); «Крестьяне готовят на ужин дешевый батат, // И дикого меда // нетрудно найти на обед. // *Ростками бамбука* // мы сможем украсить свой стол...» (Ду Фу 2000, 435).

Ростки бамбуки были обязательным блюдом жертвенного стола, также *из бамбука* изготавливалась ритуальная посуда, в которой преподносилось съестное богам (см. Сидихменов 2000, 271).

Плоды бамбука также считались, по преданию, пищей, которой питались фантастические птицы – фениксы (см. об этом, напр., Ду Фу 2000, 382 и мн. др.).

Бамбук в Корее – символ женского целомудрия:

«А среди сосен и *бамбуков* чуть-чуть виднеется дом Чхун Хян. – Домик-то опрятный, – заметил юноша, – *бамбуковая роща* густа, а *бамбук* – это символ женского целомудрия» («Верная Чхун Хян» 1960, 47).

С *бамбуком* связано немало легенд. Одна из легенд рассказывает о том, что однажды мать некого Мэн Цзуна захотела *бамбуковых побегов*,

однако стояла зима и добыть их было негде. Тогда Мэн Цзун пошел бродить по лесу, досадуя, что не может доставить удовольствие матери, как вдруг вокруг него стал расти *бамбук*. Жил Мэн Цзун в III веке и был известен как преданный сын (см. об этом «Верная Чхунхян» 1960, 651). Ссылки на эту легенду часто встречаются в художественной литературе:

«Мэн Цзун тоже был почтительным сыном – холодной снежной зимой он сумел достать *ростки бамбука* и накормить свою мать»; «Мэн Цзун пролил слезы в лесу, и из-под снега показались *побеги бамбука*. Вот образец сыновней любви!» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 194; 203).

По преданию, жены императора Шуня, жившего в третьем тысячелетии до н.э., оплакивали умершего мужа на берегу сливающихся рек Сяо и Сян, которые находятся в центре Китая. Их слезы, как гласит легенда, падая *на бамбук*, оставляли на нем пятна. Так легенда объясняла происхождение *красчатого бамбука*, произрастающего в области Чу (см. об этом «Верная Чхунхян» 1960, 646; 664; «Сон...» 1982, 739; «Классическая поэзия...» 1977 и мн. др.).

Реки Сяо и Сян, дождь, *красчатый бамбук* – частые образы в классической литературе Китая и Кореи. Пояснения, как правило, даются в Примечаниях, расположенных после текста произведений и довольно информативны.

«А Хун опять тронула нефритовой рукой струны и повела другую мелодию, медленную и грустную, и показалось, будто струи дождя побежали *по красчатому бамбуку* на реках Сяо Сян...»; «Свистит ветер в зарослях *красчатого бамбука*, пронизывает тело и душу» («Сон...» 1982, 78;100).

Иногда краткое изложение легенды содержится в самом тексте произведения:

«Некогда император Шунь, объезжая страну, скончался на горе Цаньушань, а две его супруги, Э-хуан и Нюй-ин, не могли уйти вслед за ним и плакали на берегу реки Сяосян. Они плакали кровавыми слезами *в бамбуковых зарослях*, капли крови, падая *на бамбук*, оставляли крапинки, и теперь его называют *сяосянским красчатым бамбуком*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 369).

Бамбук часто встречается в образных сравнениях. В стереотипном мышлении корейцев и китайцев *ростки бамбука* связываются с красотой и изяществом женских рук и ног, а также пальцев:

«Сестры протянули к ней руки, схожие разве, что *с ростками молодого бамбука*»; «руки – нефритовые *побеги бамбука*»; «бинтованные ноги – *побеги-ростки бамбука*» (Би Сяошэн 1992,146;185); «Стройная, не полная и не худая... с красивыми глазами... и тонкими, словно *ростки молодого бамбука* пальцами, она казалась изваянной из нефрита» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 246).

Нравственные качества человека: твердость характера молодой женщины отождествляются с сосной, пихтой и *бамбуком*:

«Воля ее тверда, как железо и камень, она может сравниться с зеленой сосной, изумрудным *бамбуком* да пихтой, что спорят с четырьмя временами года» («Верная Чхунхян» 1960, 58).

В корейских переводных произведениях отмечено значительное количество РФХ и крылатых выражений с компонентом *бамбук*.

Так, РФХ *друзья по бамбуковой лошадке* означает 'друзья детства'.

«Среди ваших гостей день и ночь будут веселиться в гостинной славные герои и знаменитые поэты – все *«друзья по бамбуковой лошадке»*, тогда вы позовете жену из покоев и прикажете ей приготовить вино и закуски» («Верная Чхунхян» 1960, 60).

РФХ *будто бамбук пополам расщепили* имеет значение 'очень сильно и неожиданно'.

«Юесян рванула рукав и начала бесноваться. Тогда княжич одной рукой схватил ее за волосы, а другой ударил по щеке так, *будто бамбук пополам расщепили*» («Записки...» 1985, 177).

Пояснения к крылатому выражению *искать бамбук в горах Чжушань, а яшму в Ланьтянских горах* содержатся в самом тексте произведения и находятся в препозиции по отношению к этому крылатому выражению. В Китае Ланьтянские горы славились необыкновенной по красоте яшмой, а горы Чжушань – *бамбуком* (см. об этом. Ким Ман Чжун 1961).

«Ей нетрудно отличить ум от тупости, она способна прекрасно разбираться в людях. Иначе говоря, она *«ищет бамбук в горах Чжушань, а яшму в Ланьтянских горах»* (Ким Ман Чжун 1961, 83-85).

Слива

В Корею и Китае *слива* (кор. *мэхва*, кит. *мей-хуа*) цветет зимой или очень ранней весной, когда кругом снег, в первом месяце лунного календаря, поэтому она символизирует зиму, силу, стойкость, триумф, а также долголетие, отшельничество, чистоту и красоту (Тресиддер 2001, 340-341).

Слива – эмблема ранней весны:

«Восточный теплый ветерок повеял, // Последние сугробы растопил. // На ранней *сливе* под моим окном // Покрылись ветви первыми цветами» («Бамбук в снегу» 1978, 243).

С приходом весны и цветением *сливы* связывается изменения жизненной ситуации к лучшему, приход радостных дней:

«В Намвон пришла осенняя пора, и облетели с деревьев листья, а на подворье пришла весна, оживил меня весенний ветер *в цветах сливы!*» («Верная Чхун Хян» 1960, 129).

Цветы сливы считались символом мудрости, мудрого человека, который находится в вечном поиске истины:

«Долину всю снегами замело. // И тучи черные ее застлали. // Я за *цветали сливы* шел туда, // Но где они растут – мне неизвестно. // В лугах заката я один стою // И разыскать дорогу не умею» («Корейская классическая поэзия» 1957, 58).

Слива мэхва выступает как цветовой образ:

«На голых ветвях деревьев белел, словно *цветы фруктового дерева мэхва*, пушистый иней» (Ли Ги Ен 1958, 231).

В Корее и Китае в пору цветения *сливовых деревьев* было принято украшать женские прически *веточками цветущей сливы*:

«Будто вчера только втыкала я *цветы сливы* в свою прическу в башне Инсянгэ и слагала стихи в павильоне Лунцуйтан и вот уже вдруг скитаюсь где-то на краю света» («Записки...» 1985, 146).

Вместе с коричневым деревом и орхидеями в художественной литературе *слива* выступает как строительный материал, из которого делают стропила:

«... были там столбы из коричневого дерева и перила из орхидей, *сливовые стропила* и лotosовые беседки» («Книга прозрений» 1997, 419).

Слива – узор на одежде:

«Сколь очаровательны были их крошечные ножки, обтянутые шелком тонких носок с вышивкой в виде вишен и *слив...*» (Би Сяошен 1992, 135).

С плодами сливового дерева связано предание:

Известный китайский поэт Ван Жун (234-306 гг.), входивший в литературное объединение «Мудрецы из Бамбуковой рощи», отличался непомерной скупостью, чтобы соседи не могли вырастить такую же прекрасную *сливу*, как у него, якобы проглатывал косточки или разбивал их (см. об этом «История Цветов» 1991, 636). Это предание упоминается в художественной литературе:

«Вот только сожалею, // что не могу взять в толк: // Кто косточки от *сливы* // со *сливой* проглотил» («История цветов» 1991, 94).

Сливовое дерево – излюбленный восточный символ ранней юности девушки, так как *цветок сливы* появляется еще до того, как дерево покрывается листьями. *Дикая слива* выступает и эталоном красоты, поэтому часто встречается в образных сравнениях. Так, красивые девушки, а также их нежные лица, кожа и великолепные прически соотносятся *со сливовым деревом* или его *цветами*:

«Ей едва минуло трижды по шесть, она расцвела, словно *пышно-цветущее деревце сливы*» (Би Сяошен 1992, 42); «Сucin (подобна) *припорошенному цветку сливы!*» («Сон...» 1982, 543); «Свежие щечки дам – сплошное загляденье... Они – точь-в-точь как *цветы сливы*, чистые и нежные»; «... кожа, цвета *лепестков сливы*, напудрена...» («Книга про-

зрений» 1997, 378; 358); «Те гляделись одна краше другой: прически напоминают *цветки сливы...*» («Сон...» 1982, 542-543).

Слива отмечена в составе РФХ *сломить первую ветвь (лунной) сливы*, которое имеет значение 'достичь небывалого успеха в каком-либо деле; получить первое место на государственных экзаменах':

«Высокоодаренный ваш сын... *сломил первую ветвь лунной сливы* и был удостоен церемонии в Яшмовом зале» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 515).

Плоды сливового дерева встречаются в крылатом выражении, значение которого четко прослеживается из контекста и не нуждается в толковании:

«*Но разве можно насытить людей, рисуя хлеб и рассказывая о сливах*» («Записки...» 1985, 215).

Ива

В Корее и Китае *ива* пользовалась особым почитанием. Это дерево почитали прежде всего за то, что оно своими листьями создает надежную тень, давая людям возможность насладиться прохладой во время знойных и солнечных дней. Из гибких *ивовых прутьев* плели корзины и веревки, а *из листьев*, содержащих танин, крестьяне в Китае готовили напиток, заменяющий собой чай. *Из листьев и коры* некоторых видов *ивы* приготавливали лекарства для лечения зоба, дизентерии, ревматизма. Красота *ивы*, ее хрупкость воспеты великими корейскими и китайскими поэтами и воплощены в полотнах выдающихся корейских и китайских художников. Изображение двух переплетенных между собой *ветвей ивы* служило символом нерасторжимой любви. Считалось, что *ива* обладает силой в борьбе со злыми духами и, когда это нужно, может помочь изгнать их. *Из ивового дерева* прорицатели изготавливали идолов, через посредство которых они общались с миром духов. *Ива* наделялась чудесной, магической силой, способной возрождать природу и повышать плодородие почвы. Поэтому в посевной период в Корее повсеместно устраивались качания на качелях, привязанных *к ветвям ивы*. *Ива* выступала как носительница женского производительного начала, и этот обряд должен был способствовать хорошему урожаю. Это нашло отражение в корейской литературе:

«Она привязала качели *к* высокой *иве* вышиной в сто чхоков и захотела покачаться... Плавно качаются вместе с качелями *листья дерева* над головой» («Верная Чхун Хян» 1960, 41).

В буддизме *ива* олицетворяет кротость и сострадание и связана с бодхисатвой Гуань-инь, которая кропит живой водой, используя *ивовую ветку*. Буддисты считали, что *ивовые ветви*, окропленные водой приобретают очистительные свойства. *Ивовые ветви* вешали над дверьми

жилых домов, ибо они сулили добро и счастье. Женщины вкалывали в волосы *веточки ивы*, которые защищали от злых духов, придавали остроту зрению и предохраняли от слепоты (см. Сидихменов 2000,34-35; Тресиддер 2001, 125-126; Герман Ким 2002).

Ива является символом весны. Это одно из первых деревьев, выпускающих свои нежные листья под лучами весеннего солнца, поэтому может расти почти везде. *Ива* входит в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина весны, идеальное состояние природы в пору цветения:

«Стояла чудесная пора цветения *ив* – благоуханная весна. Ликовало все живое – даже травы и деревья» («Верная Чхун Хян» 1974, 311); «И ранняя весна настала вновь... // Взошла трава, зазеленели ивы» («Бамбук в снегу» 1978, 239).

С *ивой* связывается мысль о том, что, опутав зелеными ветвями-нитями, можно удержать весну и молодость, уходящую любовь:

«Ветвями-нитями зеленой *ивы* // Кто может вешний ветер привязать? // Что толку в грусти бабочек и пчелок, // Когда цветы роняют лепестки? // Как ни сильна, ни горяча любовь, // Что сделаешь, когда уходит милый?» («Бамбук в снегу» 1978, 101).

Ива – материал, из которого изготавливали посуду:

«На блюдах из китайской *ивы* ей подают невиданные яства» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 225).

В Корее и Китае *ива* является и символом разлуки. При разлуке было принято отламывать *веточку ивы* и давать уезжающему на память, поэтому *ивы* часто встречаются в поэзии и прозе при описании прощания, печали в разлуке и тоски по отсутствующим:

«Пьянею грустью у плачущей *ивы*. Даю тебе на прощанье ее гибкую, мягкую ветвь и с нею чувство крепкой дружбы» (Ли Бо 2000, 218); «Утром я отломил возле дома *ветку ивы*, спела «Янгуанскую прощальную» – и на душе у меня стало невыносимо тоскливо» («Сон...» 1982, 124).

В корейских и китайских национальных представлениях *ива* – символ весны, женственности, кротости, грации и очарования, поэтому *ива* часто встречается в ряде образных сравнений. Милая и робкая девушка соотнесена с «*ивой под весенним ветром*» («Сон...» 1982, 504).

С *ивой* отождествляется женская фигура, талия:

«Ее тонкая талия походила на гибкую *иву*» (Би Сюшэн 1992, 56); «За последние два года Кот Пун, особенно с наступлением нынешней весны, заметно подросла, повзрослела, стала такой стройной, как налитая *ива* весной» («Цветочница» 1986, 150).

Брови красавиц также могут уподобляться *ивам*, ее ветвям и листьям:

«Весь ее облик выражал страдание: *брови-ивы* насуплены...»; «... их прекрасные брови, напоминающие *листья ивы*, были насуплены...» (Би Сяошен 1992, 118;98); «Если в глазах ее сверкают молнии, а брови склонились, словно *ветви ивы*, это значит, что ее переполняет гнев» (Малявин 1997, 353).

С веткой ивы сравнивается лицо девушки:

«Ее волосы перебирал ветер весны, но в лице, подобном *ветви ивы*, потрепанной свирепой бурей, – в лице не было ни кровинки» («Сон...» 1982, 75).

Состарившаяся и потерявшая красоту женщина соотносится с *засохшей ивой*:

«Беда тебе, поблекшая красота! // Ты – как сухая *ива* возле речки. // Та, от которой ствол один остался, // Прогнивший и давно готовый рухнуть...»; «Стать бы снова, снова молодой! // Чтобы вновь пятнадцать лет вернулись! Но лицо, красивое когда-то, – // как трухлявый *пень* плакучей *ивы*, // Что стоит на берегу реки...» («Бамбук в снегу» 1978, 217; 228).

Ива – олицетворение женской слабости, хрупкости и нежности:

«Но что могла я, слабая, словно *ива*»; «Слабая, хрупкая, словно *тростник* или *ива*, я бы все равно не ушла далеко» (Ким Си Сып 1972, 45; 9); «Одна была нежная, словно *ива*» (Пу Сун-лин 1999, 63).

Недолговечность, брэнность всего в мире ассоциируется с *ивовым цветом*, а легкость, невесомость – с *ивовым пухом*:

«Обещания... рассеялись, как *ивовый цвет* от порыва ветра» («Корейские предания и легенды...» 1980, 117); «Он подпрыгнул так высоко, словно сам был *ивовым пухом*, который подхватил ветер» (Би Сяошен 2000, 155).

Ива, являясь олицетворением женского начала инь (см. об этом Тресиддер 2001, 125-126), легла в основу многих РФХ:

«Но увы! Красавице пришлось // Стать *цветком у самого забора*, // *Ивою у людского пути*» («Бамбук в снегу» 1978, 279); «Непристойно вела себя, как говорится, была *ивой и розой при дороге*» («Верная Чхун Хян» 1990, 59).

РФХ *ива и цветы (розы)* имеет значение: 'женщины легкого поведения'. Такое же значение имеют РФХ *заломленная ветка ивы* и *ива весеннего квартала*.

«И хотя она была, как говорится, «*заломленной веткой, «ивой весеннего квартала*», хотя она доставляла радость множеству гостей... она никогда ничего подобного не испытывала» (Би Сяошен 1992, 33).

РФХ *сломать зеленую иву среди цветов; сломать ветку ивы* имеют значение: 'узнать плотскую любовь'. Толкования стоят в постпозиции или препозиции по отношению к этим РФХ:

«Этот юнец еще ни разу, как говорится, *не сломавший зеленой ивы среди цветов*, не знавший любви красавицы, шел провести ночь в доме кисэн» («Верная Чхун Хян» 1990, 38); «Мне было едва ли шестнадцать, когда некий заезжий гость лишил меня детства... специально приехал, чтобы *«сломать ветку ивы, или сорвать девственный цветок»* (Би Сяошен» 1992, 35).

Ива отмечена и в пословице, значение которой четко прослеживается из контекста:

«Поля здесь ровные, широкие, но не распаханы. Деревья были вырублены, и повсюду в беспорядке валялись корни и стволы. Вся трава вытоптана коровьими копытами и изъезжена колесами. Мы поняли, что застава уже близка, раз здесь ходят местные жители. Решив проверить, погнали коней, и действительно, через семь-восемь ли оказались у заставы. Холмы вокруг были просто покрыты овцами и свиньями, вились синеватые утренние дымки. Ограда была поставлена из стволов срубленных деревьев – так они обозначили границу. Вот уж поистине можно сказать: *«Срубили иву, чтобы поставить забор!»* («История цветов» 1991, 468).

Персиковое дерево

В дальневосточных странах издавна трогательно любили *цветы персика*, которые олицетворяли собой весну. Многие сады и парки Китая и Кореи прославились своими цветущими *персиковыми деревьями*. Людям доставляло эстетическое наслаждение созерцание ярких, изящных и утонченных *цветов этого дерева*: они напоминали лицо красавицы. *Цветы персика* воспеты в бесчисленном множестве стихов поэтов разных поколений. Однако больше всего ценилось не само *персиковое дерево*, а его *плоды*. Они были символом бессмертия и служили составной частью эликсира жизни в даосской религии. Божество долголетия часто изображалось выходящим из *персика*. *Плод персикового дерева* олицетворял собой счастье супружеской пары. *Из персикового дерева*, обладающего магическими свойствами, даосские монахи изготавливали печати, оттиски с которых украшали талисманы и амулеты (см. об этом Сидихменов 2000, 34; «История цветов» 1991, 346).

В буддизме *персик* наряду с цитрусом и гранатом является одним из трех благословенных плодов. В Китае и Корее означает бессмертие, Древо жизни в раю, плод фей, долголетие, добрые пожелания. Один из наиболее благоприятных китайских и корейских символов (Тресиддер 2001, 273; «Korea» 1999, 345).

Персиковые деревья в цвету – обязательный элемент при конструировании идеальной картины весны:

«Пышно распустились *цветы слив и персиков*, склонили ветви зеленые ивы» («Повесть о зайце» 1960, 301).

Сосны и зеленые бамбуки олицетворяют постоянство, *цвет персика* – недолговечен, поэтому *персиковые деревья* выступают не только, как знак весны, но и как знак быстротечности весеннего цветения:

«Здесь сосны и зеленые бамбуки – вековая неизменность, *цвет персиков* и абрикосов – мимолетняя весна» («Повесть о зайце» 1960, 296).

Персик и *цветы персикового дерева* в корейской литературе являются цветовыми образами: «тушечница цвета алого *персика*» («Повесть о зайце» 1960, 293); «пурпур *персиковых цветов*» («Классическая поэзия...» 1977, 481).

Цветы корицы и *лазоревого персика* – приметы Божественной Девы:

«Внезапно откуда-то появилось пятицветное облако, в замке громко заиграла музыка, и вот уже с облака торжественно спускается богиня Яшмовой столицы, держа в правой руке красный цветок корицы, а в левой – *лазоревый цветок персика*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 226).

Желая обрести бессмертия, древние пили настой *из персиковых цветов*:

«...И – игристое вино, Доу – Водка двойной перегонки, Ян – Темная водка и Линь – Выдержанное вино – принимали древний настой *из персиковых цветов*, желая обрести бессмертия» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 261).

С *персиками долголетия* пекли лепешки и посылали их в дар особо уважаемым господам:

«Еще от госпожи Пин-эр с Львиной улицы принесли подарки: четыре блюда фруктов, блюдо лепешек *с персиками долголетия...*» («Цветы сливы...» Т. I. 1998, 217).

В форме *персикового цветка* изготавливалась посуда:

«Симынь приказал служанке... наполнить вином серебряную заморскую чарку в форме *персикового цветка* и поднести ее певцу» («Цветы сливы...» Т. I. 1998, 239).

Цветы персика – узор на ширме:

«Идя по цветущему и благоухающему саду, он прошел мимо ширмы, украшенной *цветами персика*, составленными из камешков голубой бирюзы» (Би Сяошен 1992, 54).

Немало преданий связано с *персиком*. В одном из них рассказывается о *персиковом дереве*, которое, по преданию, растет во владениях царицы фей, владычицы Запада, богини Сиванму на берегу Яшмового озера и приносит плоды раз в тысячу лет. Тот, кто отведал этого *персика*, становится бессмертным (см. об этом «Верная Чхун Хян» 1960, 655; 660). Ссылки на эту легенду отмечены в художественной литературе:

«Я лошуйская дева. Шла я в Яшмовую столицу, чтобы поднести государю *персик бессмертия...*» («Верная Чхун Хян» 1960, 35); «Вас ждут прогулки по красивейшим местам, каждый день можно будет наслаждаться *персиками* из садов богини Сиванму» («Повесть о зайце» 1960, 305).

Зачастую мифические персонажи становятся полноправными героями средневековых произведений, а отрывки из легенд вкрапляются в текст основного произведения:

«Сиванму улыбнулась и молвила: – В саду у себя я вырастила *персиковые деревья*, да озорник Дунфан Шо утащил их плоды. Осталось всего пять *персиков*, их я принесла вам в дар. Стоит съесть их простому смертному – он проживет пять тысяч лет!..» («Сон...» 1982, 274).

Цветение *персиковых деревьев* легло в основу метафорического образа весеннего разлива реки Хуанхэ в Китае – *персиковые воды*:

«Глубины *персиковых вод* // хоть в десять тысяч чи!» (Ли Бо 2000, 330).

Персиковыми воды реки Хуанхэ назывались потому, что разлив приходился на время цветения *персиковых деревьев* (обычно во второй месяц по лунному календарю), когда вся вода была покрыта розовыми лепестками (см. об этом Ли Бо 2000, 352).

В корейском и китайском стереотипном мышлении *персик* и *цветы персикового дерева* – эмблема чистоты и девственности:

«И пришла десятая луна, // Ай, я стала *персиком* с надрезом, // Ой, надрезав, бросили меня; // Кто теперь возьмет меня такую!» («Корейская классическая поэзия» 1956, 23).

Цветок персика является и эталоном красоты. В корейской и китайской литературе часто встречаются образные сравнения, в состав которых входят *цветы* и *плоды персика*.

Нежные юные девичьи лица соотносятся с *цветами* и *плодами персикового дерева*:

«Лица девушек таили нежную прелесть // едва расцветших *бутонов персика*» (Би Сяошен 2000, 135); «Лицо – в третьей луне *цвет персика*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 111); «... у нее белое лицо и яркий румянец, щеки напоминают *персики*» («Сон...» 1982, 220).

С *персиком* сопоставляется лицо мужчины:

«И румяней твой лик, чем на солнце согревшийся *персик*» («Корейская классическая поэзия» 1956, 24).

Следует заметить, что сравнение глаз с *плодами персикового дерева* может показаться русскоязычному читателю странным и ошибочным. Однако похожие на *персики* по форме и размеру глаза до сих пор считаются эталоном красоты у народов Дальнего Востока и являются возжеланной мечтой, насколько известно автору, многих корейских девушек.

«Глаза, точно круглые *персики*» (Би Сяошэн 1992, 88).

Покрасневшие от слез глаза девушки также сравниваются с *плодами персикового дерева*. Здесь *персик* выступает как цветовой образ:

«... глаза ее от слез стали красными, словно *персики*» («Цветы слывы...» Т.1. 1998, 131).

Необычным кажется и отождествление женских губ с *цветами персика*. Русскоязычному читателю может быть не совсем понятно, какие именно свойства объекта составляют в этом случае центр притяжения: цвет, форма, нежность, влажность и т. д.:

«... алые губы напоминали чуть приоткрывшийся за ночь *бутон персика* с каплями холодной росы» («Роза и Алый лотос» 1974, 312).

С *персиками* соотнесены груди молодых женщин: «... бьются и колышутся *персиковые груди*» (Би Сяошэн 1992, 178).

РФХ *Персиковые сады Улина* – символ красивого пейзажа, эталон богатства, своего рода обетованная земля (см. об этом Троцевич 1975, 184; «Верная Чхун Хян» 1954, 194-195). У великого поэта Тао Цяня (365-427гг) есть поэма-утопия о *Персиковым источнике*, где повествуется о рыбаке из Улина (уезд в современной китайской провинции Хунань), который однажды, плывя по реке, увидел по берегам заросли *персиковых деревьев*, а пройдя через лес, вышел в долину, где нашел неизвестное племя. Племя это удалилось в долину много столетий назад, жило в благоденствии и ничего не знало о происшедших за это время переменах (см. об этом Ким Ман Чжун 1961, 175-176). Зачастую упоминания об *Улинской персиковой долине* встречаются в сравнительных конструкциях или же в предложениях, в которых содержится «скрытое» сравнение.

«Со Ю продекламировал: «Пришла весна, и *персика цветы* поплыли по волнам», и добавил: «Не иначе как именно в этих местах – *персиковый лес Улина*» (Ким Ман Чжун 1961, 120); «Гетеры бросили в ручей свои веночки, и растекаясь по воде благоуханный аромат, словно на берегах ручья расцвели *Персиковые сады Улина*» («Сон...» 1982, 693).

Цветы персика из мифической Улинской долины – неизменный эталон нежной прелести и изящества. Необычная красота именно этих *персиковых цветов* воспевалась поэтами и писателями. Только неземная красота юной девушки может соответствовать этому эталону:

«Как чайка, парящая над морской волною, как *цветы персика*, *плывущие из Улина*, была она нежна и изящна...» («Повести страны зеленых гор» 1966, 218).

Лотос

В китайской и корейской культуре *лотос* означает чистоту, совершенство, духовное изящество, мир, лето, плодovitость. Кроме того, *лотос* олицетворяет прошлое, настоящее и будущее, поскольку каждое

растение имеет бутоны, цветы и семена. Одновременно *лотос* – символ человека благородного, выросшего из грязи, но ею не запачканного. В своем трактате о цветах «История цветов» Лим Чже пишет о *лотосе*: «Лицом и всем обликом *Лотос* был прекрасен, как женщина, и всегда стремился подняться над мирской пылью, удалиться от суеты» («История цветов» 1991, 316).

Лотос – главный цветок в буддизме. Тянущийся из темной глубины вод к солнцу *стебель лотоса* как бы пронизывает все этажи мироздания и воплощает собой неустойчивую силу жизни. А его нежные цветы, распускающиеся над самой поверхностью воды, а также листья предстают символом душевной чистоты, неуязвимой для «грязи и тины» суетного мира (см. об этом Малявин 2000, 334;336; «Korea» 1999, 273-274).

«Душа человека подобна белому *лотосу*, желание его – как весенний ветер» («Сон...» 1982, 30); «По нежным листьям *лотоса* весь день // Бил и хлестал тяжелый дождь осенний! // Но ни единого следа нигде // На чистой их поверхности не видно... Останься незапятнанной и ты, // Душа моя, как этот *лист* широкий!» («Бамбук под снегом» 1978, 94).

Лотос является главным элементом идеальной картины лета:

«Зеркальное озеро // На сто раскинулось ли, // И *лотосы* тихо // Открыли бутоны свои» (Ли Бо 2000, 152); “It was early summer; *the lotus* was in full bloom” (Samuel Kimm 1998, 132).

В стихах поэты подчеркивают недолговечность цветения цветов, в частности *лотосов*. Отцветающие *лотосы* несут идею временного и преходящего. Прошло теплое время, и вянут *лотосы*:

«Как же вы оказались // в заброшенных этих краях, // Где осенние ветры // тоску нагоняют и страх? // Под дождем увядают кусты хризантем во дворе, // Опадают под инеем // *лотосы* в старых прудах» (Ду Фу 2000, 430).

Лотос – цветовой образ. За ним закреплены белый, розовый и красный цвета:

«И *лотос* розовый, и белый *лотос*, // Испив прохладной влаги расцвели» («Бамбук в снегу» 1978, 264); «... красных *лотосов* чаши // сияют вокруг...» («Записки...» 1985,56); «Осенью красному *лотосу* // Время пришло расцветать!» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230).

Лотос – изысканный деликатес для корейцев и китайцев: в пищу идут *листья, корни и семена лотоса*:

«В *лист лотосовый* рис я завернул, // А о приправе хлопотать не стоит!» («Бамбук в снегу» 1978, 137); «Мои юные спутники // воду готовят со льдом, // *Корень* сладкого *лотоса* – // длинную тонкую нить» (Ду Фу 2000, 414); «После Цзинь-лянь забралась к Симыню на колени

и... принялась угощать *лотосовыми семенами*, держа их в своих нежных пальчиках» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 212).

Из лотоса изготавливали настойку:

«Прислал свиную тушу, жбан *лотосовой настойки* собственного приготовления, два бочонка маринованных пузанков да еще два куса узорной парчи и атласа» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 351).

Из лотосовых стеблей делали лепешки. В корейском переводном произведении встречается рецепт приготовления этого старинного блюда:

«Госпожа Сюй спросила Хун о рецепте приготовления чудесных лепешек. – Их делают *из стеблей лотоса*, – начала Хун. – Сперва стебли измельчают, полученную муку замешивают на сахарной воде и гранатовом соке, потом месят тесто и делают из него лепешки в форме *лотоса*, а их бросают на сито, чтобы стек сок *лотосовых стеблей*. Под конец лепешки нужно пропитать еще раз гранатовым соком и погрузить их в сахарную воду. Вот и весь рецепт» («Сон...» 1982, 525).

Лотос – узор на занавеске:

«С деревьев внешний вид опал, // И тень от них на землю опустилась. // За занавеской, на которой вышит // Цветущий *лотос*, я сижу одна» («Бамбук в снегу» 1978, 243).

На сиденье в форме *лотоса* восседали будды и бодхисатвы:

«Посмотрел, а сбоку появилось сиденье в форме *лотоса*» («История цветов» 1991, 34).

Лотосы часто встречаются в образных сравнениях. Считается, что «*лотос* – цветок чистый и нежный, он символ женственности» («Сон...» 1982, 523), поэтому с *лотосом* соотносится красота женщин:

«Мне эти девушки напоминали *лотосы в Яшмовом пруду*» («Роза и Алый лотос» 1974, 66); «Ян встал, поклонился и на мгновение задержал на ней взгляд. Ему почудилось... будто *лотос* распустился в голубой воде» (Ким Ман Чжун 1961, 97); «... красавицы, что *лотосы*, попарно кружатся в танце» («Верная Чхун Хян» 1960, 301); «Ян внимательно ее оглядел: легкие пушистые волосы, красивое чистое лицо, она похожа на белоснежный *лотос* в голубой озерной воде...» («Сон...» 1982, 692).

Лотосу уподобляется не только весь облик женщины, но и отдельные части тела, например, лицо: «... *лотосовые лица* нарумянены...» («Книга прозрений» 1997, 358); щеки: «... Лицо ее прекрасно... на щеках, подобных *цветам лотоса*, блестели капельки пота – будто красные *лотосы* пили утреннюю росу!» («Записки...» 1985, 56); губы: «...her half-open lips like *the lotus flower* in the pond...» (Kim Tae-kil 1990, 65); «Алые губки полуоткрыла, как *цветок лотоса* в воде» («Верная Чхун Хян» 1960,46); грудь: «Now his queen of beauty and love haunted him all the time – her moonlike face... her short indigo jacket that allowed her *lotus-breasts* to peep out when she stooped to give him the rice...» (Ha Tae Hung

1968, 264); ноги: «... крохотные ножки, нежные, словно *ростки лотоса*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 115).

С лотосовыми стеблями сравниваются волосы девушки:

«Длинные косы Чхун Хян, похожие на водоросли, намотали, словно *лотосовые стебли* в новогодний праздник» («Верная Чхун Хян 1990, 77).

Даже изменения в настроении девушки отражено в корейской литературе через сравнение с *лотосом*: грустное лицо красавицы уподобляется «*прекрасному лотосу, покрытому инеем*» («Сон...» 1982, 75).

С лотосом соотносится и красота лица мужчины:

«У юноши был высокий лоб, лицо, словно *лотос*» («Ссяньчхон кый-бонь» 1962, 28); «... он имел лицо, подобное *лотосовому цветку*, глаза провидца и высокий лоб мудреца» («Повесть о Чон У Чхи» 1960, 284).

Лотос входит в состав РФХ, которое означает прекрасную женскую походку. Это РФХ часто встречается в средневековых корейских и китайских произведениях:

«Повинуясь приказанию матери, девушка вошла, *будто по лотосам ступала*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 327); «Как женственны и изящны эти крохотные ножки – *золотые лотосы*», мелькающие из-под юбок» (Би Сяошэн 1992, 121); «Я ведь не дух, что насыпает любовные чары, не обольстительница с *ножками-лотосами*» (Ким Си Сып 1972, 61).

Этот образ навеян историей, записанной в хронике Южной династии 265-583 гг. По преданию, в правление династии Ци дуньхуньский ван, вырезав из золота *цветы лотоса*, рассыпал их по полу и приказал своей фаворитке Пань Фэй пройти по ним. При этом он говорил: «Каждый ее шаг рождает *цветок лотоса*» («Верная Чхун Хян» 1960, 635).

Лотос отмечен в составе пословицы:

«А ты подумай, что скажет монахиня, – возразила ей Мё Хе. – *Зеленые листья лотоса и его белый цветок различаются по цвету, но корень у них один*. Так и Шакьямуни с Кун-цы не похожи друг на друга, но по святости равны. Хоть ты и не постигла буддийского учения, но, если бодхисатву прославишь конфуцианскими стихами, будет превосходно» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 327-328).

Пион

Пион в Китае и Корее заслужил титул «Царя цветов» и считается воплощением чистого ян, мужского начала (см. Малявин 2000, 334; «Корейские предания и легенды...» 1980, 263). Подтверждения этому находим в художественной литературе:

«Жил некогда *Царь цветов*. Его вырастили в благоуханном саду под зеленым шатром. Вот настал третий месяц весны, и он пышно расцвел. *Царь цветов* высился один, прекраснее всех цветов» («Корейские

предания и легенды» 1980, 123); «Так же улыбаешься ты нежно, // Как король цветов, *пион*, который // За ночь под дождем едва раскрылся» («Верная Чхун Хян» 1960, 65).

Пион также означает свет, любовь, удачу, весну, молодость, счастье. *Пион* – цветок императора, поскольку считалось, что его касаются только пчелы. Из-за своей эффектной красоты *пион* связывается с богатством, славой:

«*Пион* – яркий и пышный, он к лицу дочери или жене знатного вельможи» («Сон...» 1982, 532).

Пион также входит в набор элементов, из которых конструируется идеальная картина весны:

«В таволге весь день звенят пичуги, // Над *пионами* жужжит пчела... // Это ли не образ красоты?» («Бамбук в снегу» 1978, 281); «*The peonies were in full bloom and fragrant as were the magnolias, still covered by the morning dew*» (Samuel Kimm 1998, 41).

Пионы – предмет эстетического наслаждения:

«... служанка Чхун Бан почтительно заметила: – В цветнике возле беседки распустились *пионы*. Вы бы взглянули на них разок. Господин еще не вернулся из дворца, сходите в цветник, полюбуйте *пионами*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 338).

Пион – эталон совершенства, в нем нет изъяна, поэтому красота молодой женщины соотносится с *пионом*:

«В цветущей возрасте она подобна солнцу, сияющему в небесах, и луне, проливающей с высоты свой бледный свет, и нет в ней изъяна, как в свежем цветке персика или пышном *пионе*, а поэтому неизменно возбуждает она сильные чувства» (Малявин 1999, 355); «Лянь Юй подобна окропленному росой *цветку пиона*...» («Сон...» 1982, 543); «Вся она создана небом, словно идеал; среди женщин она – совершенство, как феникс среди птиц или *пион* среди цветов!» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 196).

С *пионом* отождествляется лицо прекрасной девушки:

«На ее лицо, подобное *пиону* под весенним ветром, минувшая ночь наложила печать счастья»; «Ян, улыбаясь, разглядывал прелестное лицо женщины, которое напоминало... раскрывший свои лепестки *пион*» («Сон...» 1982, 65; 115).

Пион связан с любовной ситуацией: любовь уподобляется *пиону*:

«Прекрасная и пышная любовь – // *Пион* с восточных гор, где дождь цветов» («Верная Чхун Хян» 1960, 63).

Известно, что в Восточной Азии ценились *пионы*, цветущие белым цветом и благоухающие, подобно розам. *Пион* – цветовой образ, за ним закреплены белый, красный, пурпурный цвета:

«Ганский император Тай-цзун прислал ей в дар картину, где были нарисованы *пионы* трех цветов: красный, пурпурный и белый...» (Корей-

ские предания и легенды...» 1980, 144); «Вокруг без конца и без края – // Пурпурное поле *пионов!*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230); «... Среди гор, прильнув друг к другу, два коккаля // Кольшутся над травами густыми, // Похожие на белые *пионы!*» («Бамбук в снегу» 1978, 226).

Хризантема

В Корее и Китае *хризантема* – символ даосского совершенства, осени (точно так же, как цветы сливы являются символом весны), осеннего спокойствия и изобилия (Тресиддер 2001,398). *Хризантема* представляет в цветочном царстве начало инь – лучший осенний цветок, символ покоя и долголетия, а также душевной чистоты (см. Малявин 2000, 334).

Хризантема, как и слива мэхва, сосна и бамбук, может выступать как символ стойкости, неподвластности обстоятельствам. Обычно она противостоит непогоде, наделена постоянством, неизменностью. Она проявляет себя как цветок, причастный к вечному (см. об этом Никитина 1994, 236).

«Скажи мне, *хризантема*, почему // Ты ветерка весеннего не любишь? // Наверно, лучше замерзнуть одной // В холодный день осенний у ограды, // Чем с прочими цветами отцветать // И вместе засыхать под ярким солнцем?»; «Ответь мне, *хризантема*, почему // Ты не цвела при ветерке весеннем, // Когда ж деревья голы, небо мрачно, // Во всей красе раскрылся твой цветок? // Я знаю, в одиноком постоянстве // Ты можешь противостоять зиме!» («Бамбук в снегу» 1978, 190;169).

Хризантема – символ осени:

«Где осенние ветры // тоску нагоняют и страх? // Под дождем увядают // кусты *хризантем* во дворе, // Опадают под инеем // лотосы в старых прудах» (Ду Фу 2000, 430).

Хризантема – символ благородства человеческой души. В китайском трактате XV века «Слово о живописи из сада с горчичное зерно» *хризантемы* отождествляются «с одинокими вершинами с их чувством собственного достоинства и покоем, они словно благородные люди с их чувством долга» (см. об этом «Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 805).

Поэты часто воспевают *хризантему* в своих стихах, отождествляя ее с родиной:

«*Хризантема* – цветок и прекрасный и гордый – // Тяо Цяня великой души воплощенье! // Ты на праздники осени с нами ликуешь, // Это день твоего, *хризантема*, рожденья. // Не напомнишь ты нам сладострастную розу, // Незаметной фиалке с тобой не сравниться. // Прославляли тебя поколения поэтов, // Ты – великой истории нашей частица. // О цветок благородный! Ты – сердце поэта!.. я желаю воспеть – нет пре-

краснее темы! – // *Хризантему* – красу моей милой отчизны, // И отчизну, прекрасную, как *хризантема!*» («Китайская классическая поэзия» 1977).

Хризантеме приписывается такое человеческое качество, как целомудрие, а сосне – верность:

«Высоко целомудрие одинокой *хризантемы*, зеленая сосна в снегу хранит в себе верность на тысячу лет. Я, как зеленая сосна, а мой любимый, как *желтая хризантема*» («Верная Чхун Хян» 1960, 101).

Наряду с другими представителями растительного мира *хризантемы* выращивались в садах:

«Повсюду цветут *хризантемы*, завезенные из столицы, раскинули ветви столетние сосны, коричные деревья, рододендроны – все необыкновенно красивы» («Роза и Алый Лотос» 1974, 322).

Хризантема в корейской и китайской литературе – цветовой образ. За ней в основном закреплены белый и желтый цвета, реже красный цвет:

«В его саду росли еще белые, желтые и красные *хризантемы*...» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230).

Цветами сливы и *хризантемами* женщины украшали прическу:

«Хочу украсить прическу цветами сливы и *хризантемами*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 257).

В виде *хризантем* делали различные предметы: «маленькие золотые чарки-*хризантемы*»; «Пуговицы были в виде *хризантем* с сидящими на них золотыми пчелками» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 351; 167).

В девятый день девятой луны – осенний праздник, Чунъян, на *лепестках хризантем*, настаивали вино, которое, по преданиям, отвращало злых духов и продлило жизнь. Это вино принято было пить в горах. Этот праздник упоминается в художественной литературе:

«Князь Ян улыбнулся. – Я настолько рассеян, что даже забыл, какой сегодня день. Однако моя наложница приготовила вино с *лепестками хризантем*, и я сразу вспомнил о вас!» («Сон...» 1982, 568).

В литературе встречается и краткий рецепт приготовления этого вина:

«Когда раскрываются *цветы хризантемы*, их срывают вместе со *стеблями и листьями*, заквашивают, смешав с просом и рисом; вино созревает к наступлению девятого дня девятой луны, и тогда его пьют. Вот это и называют «вином из *хризантемы*» (Гань Бао 2000, 50).

Орхидея

В корейской и китайской символике *орхидея* – это совершенный человек, изящество, гармония, изысканность, любовь, красота и женское обаяние (Тресиддер 2001, 260; Малявин 2000, 336).

Красоту и совершенство этого цветка воспевали поэты:

«Зовут ее среди цветов царицей, // Творенья нет под солнцем совершенней, // Разносится по ветру дивный запах. // Надменная и гордая *орхидея* // Припудрена цветочною пылью... // И вовсе не нуждается в признании» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 61).

В поэзии *орхидея* – символ красоты на земле:

«В долине *орхидея* расцветает // Вдыхаю запах – в мире лучше нет» («Бамбук в снегу» 1978, 66); «*Орхидеи* в долине цветут, // Их вдыхать – мне одно наслажденье; // Облака на вершине лежат, // видеть их – мне одно наслажденье...» («Классическая поэзия...» 1977, 430).

Орхидеи – временной образ. Они цветут лишь краткое время, с наступлением морозов приходит пора увядания:

«Куст *орхидей* под окном взрос. // Зелени запах нежен, густ. // Западный ветер, первый мороз, – // Грустя, увял под инеем куст» («Классическая поэзия...» 1977, 447).

Даже *орхидеи* могут служить пищей животным, например, зайцу:

«И вот художники, собравшиеся в круг, рисуют портрет зайца, каждый дополняя понемногу. Рисуют глаза... рисуют рот, поедающий *орхидеи*, ароматные цветы и травы» («Повесть о зайце» 1960, 294).

Лепестки орхидей использовали для ароматизации воды:

«Тогда Мяонян велела принести таз с умыванием и положить в воду *лепестки орхидей*» (Би Сяошэн 1992, 32).

Аромат мускуса и *орхидей* в китайской литературе неизменно сопровождает приход красавицы:

«Они еще вели разговор, как вдруг раздался мелодичный звон укорашений, повеяло нежным ароматом мускуса и *орхидей*, и появилась красавица...» («Цветы сливы...» Т.1.1998, 91).

Орхидея – узор на веере:

«... инспектор обратил внимание на крапленный золотом бамбуковый веер, который держала певица. На нем был изображен ручей, а вдоль ручья – *орхидеи*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 98).

Метафорическое обозначение спальни красавицы также связывается с *орхидеями*: «... ее спальня – *орхидейные покои*» (Би Сяошэн 1992, 10).

Орхидея часто встречается в образных сравнениях. Так, внешний облик красавиц отождествляется с *орхидеями*:

«Сперва ему думалось о благоуханных, *орхидеям* подобных подружках...» (Би Сяошэн 1992, 71); «Когда ты танцевала под музыку... ты казалась *орхидеей*, омытой росой в долине» («История цветов» 1991, 432).

Красота женских волос соотносится с *орхидеями*:

«Ее волосы, прекрасные, как *орхидеи*, красиво лежат, закрывая уши...» («Верная Чхун Хян» 1960, 41).

Иногда сравнение вызывает недоумение, русскоязычному читателю может быть не совсем понятно, что легло в основу сравнения с *орхидеей*, скажем, сердца: красота душевных качеств человека или что-либо другое.

«Сердце, словно *орхидея*, источает аромат...» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 132).

Орхидея часто встречается в сравнительных конструкциях:

«Обещания прекрасные, словно *орхидея*» («Корейские предания и легенды...» 1980,117); «Она нежно взяла в руки свирель, похожую на распустившуюся *орхидею*, поднесла к устам и заиграла» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 125).

Орхидея встречается в составе крылатого выражения, значение которого ясно из контекста:

«Вы, молодая госпожа, забываете о большой доброте старшей невестки, слова ваши слишком несправедливы. *«Если орхидея сгорает во огне, – говорили древние, – то даже кумаруна вздыхает с сожалением. Если умирает заяц, то даже лиса печалится»* («Записки...» 1985, 159-160).

Итак, все растения, входящие в так называемую группу «Благородные растения», входят в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина мира природы. Эти растения выступают в качестве: 1. знаков разных времен года: *слива* – весна, *мэхва*, *персиковое дерево*, *пион* – знаки весны, *лотос* – лета, *хризантема* – осени, зеленые *сосна* и *бамбук* – зимы; 2. разного рода эмблем: *бамбук* – эмблема буддизма, *сосна* – конфуцианства, *слива* – даосизма; 3. эталонов морально-нравственного поведения: *бамбук* – совершенный, негибачаемый, решительный человек; *сосна* – верный своим убеждениям и принципам человек; *слива* – мудрец, находящийся в вечном поиске истины; *лотос* – высоконравственный, чистый душой человек; 4. различных символов: *бамбук* – символ постоянства, хорошего воспитания, долголетия; *слива* – символ стойкости, отшельничества, чистоты и красоты и т. д. В корейском и китайском стереотипном мышлении одни растения олицетворяют женское начало инь (*ива*, *хризантема* и др.), другие мужское начало ян (*кипарис*, *пион* и др.).

Практически со всеми растениями рассматриваемой группы образованы речения фразеологического характера, они входят в состав образных сравнений, пословиц, поговорок и крылатых выражений. Как показал анализ, все эти растения имеют в корейской и китайской ментальности свою символику, которая национально-специфична по своей сути, в ней нашли отражение наивные представления корейцев и китайцев об окружающем их растительном мире.

Л и т е р а т у р а

1. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
2. Би Сяошен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
3. Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990. С.113-190.
4. Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990.
5. Гань Бао. Записки о поисках духов. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.
6. Ду Фу. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
7. Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.
8. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд.), 1985.
9. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
10. История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд.), 1999
11. Ким Герман. История религий в Корее. Ранние формы религий. Алма-Ата: КазНУ им. аль-Фараби, 2002.
12. Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1961.
13. Ким Си Сып. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худ. лит., 1972.
14. Ким Со Воль. Цветок багульника. М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
15. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит., 1977.
16. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худ. лит., 1975.
17. Книга прозрений. / Сост. В. В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
18. Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худ. лит., 1956.
19. Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
20. Ли Ги Ен. Земля. Роман. М.: Изд-во иностр. литер., 1958.
21. Никитина М. И. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
22. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
23. Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худ. лит., 1974.
24. Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1966.
25. Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.288-322.
26. Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.179-244.
27. Повесть о Чан Хва и Хон Нён // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.605-629.
28. Повесть о Чон У Чхи // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.245-287.
29. Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. СПб.: Изд-во Азбука», 1999.
30. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
31. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
32. Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
33. Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.
34. Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худ. лит., 1982.

35. Сяньчхон кыйбонь (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
36. Тресиддер Джек. Словарь символов. М.: Изд-во торг. Дома «Гранд» и др., 2001.
37. Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
38. Хан Сер Я. Сумерки. Роман. М.: Гос. изд-во иностр. литер., 1961.
39. Цветочница. Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. на языках, 1986.
40. Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
41. Черепаховый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худ. лит., 1970.
42. Ha Tae Hung. Guide to Korean culture. Seoul: Younsei University Press, 1968.
43. Kimm Samuel. The pure hearted lady, Ch'un-hyang. Seoul: Il Ji Sa Publishing house, 1998.
44. Kim Tae-kil. Values of Korean people mirrored in fiction. Seoul: Dae Kwang Munwhasa, 1990. Vol.1.
45. Pratt Keith, Rutt Richard. Korea. A Historical and Cultural Dictionary. Great Britain: University of Durham, Curzon Press, 1999.

**Символика растений в переводных произведениях.
Растения-«простолюдины»
(на материале переводов с корейского и китайского языков)**

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2003

Представители растительного мира являются неотъемлемой частью поэтических и прозаических произведений Кореи и Китая. *Цветы, деревья и травы* выступают не только как живые краски для создания идеальной картины природы в ее сезонных изменениях, портрета «идеального» человека, но и как отражение традиционной образности, предрассудков и поверий, веками существовавших в двух странах. Человеческие чувства, отношения в художественной литературе двух стран прочно срослись с природой, их изображение совершенно невозможно вне ее меток и поэтому для их расшифровки неподготовленному русскоязычному читателю необходим специальный комментарий: например, *встреча в тутах* – 'любовное свидание', *ломать ветви сандала* – 'недозволенное любовное свидание', *вязать травы* – 'отблагодарить на том свете за услугу' и т. д. Так называемые растения-«простолюдины» в корейском и китайском «дендрарии» занимают более скромное место по сравнению с такими «благородными» растениями, как *сосна, бамбук, персиковое дерево* и некоторые др. (см. об этом подробнее в первой статье, представленной в настоящем сборнике). Однако для людей, выросших в системе буддийских мировоззренческих координат, *цветы тыквы, камыша или ивы*, а также *изумрудные травы* не менее великолепны, чем, скажем, такие «благородные» и почитаемые в Корее и Китае цветы, как *пион, лотос, хризантема, орхидея*, так как не существует иерархии среди созданий природы, все обладают самоценной красотой и очарованием. В системе дальневосточных представлений *фрукты и овощи* в большей мере предмет эстетики, чем у русских. В системе русских культурных координат *абрикосы, мандарины, дыни и тыквы* и т.п. вызывают бытовые ассоциации о незамысловатой еде, чрезвычайно далекой от категорий высокой эстетики, однако в корейском и китайском стереотипном мышлении они выступают в качестве эталонов красоты, высоких моральных качеств человека, а также символов. В группу растений-«простолюдинов» вошли: *утун, коричное дерево, шелковица, клен, мандариновое, грушевое, абрикосовое, банановое, финиковое и гранатовое деревья, каштан, цветы, травы, камыш, тростник, рис*, а также *дыня, тыква-горлянка, бобы и женьшень*.

Утун (одон, павлония)

Утун – часть опозитивированной идеальной картины природы:

«... с голубого *утуна* звонко капает прозрачная роса, словно журавль проснулся» («Верная Чхун Хян» 1960, 55).

Утун (одон) выступает как знак осени. В переводах часто используется другое название – *утуна (одона)* – *павлония*.

«С *утунов* листья облетели, значит, настала осень...» («Верная Чхун Хян» 1960, 51); «Я знаю, это осень наступает – // *Павлония* роняет желтый лист» («Бамбук в снегу» 1978, 92); «Последние листья теряет *утун* – совсем обнажился сад» (Ли Бо 2000, 136).

Утуны – место романтических свиданий:

«Праздничной ночью, в пятой луне вы за руку взяли меня и вышли *под утуны* в сад. Посреди беседки вы, глядя на ясное небо, заставили меня поверить клятве, а теперь хотите уехать и меня безжалостно бросить» («Верная Чхун Хян» 1960, 73).

Утун – материал, из которого изготавливают предметы быта, а также музыкальные инструменты. Считалось, что музыкальные инструменты, изготовленные *из павлонии*, отличаются особым звучанием.

«Здесь и... кувшин, вырезанный *из древесины утуна...*» («Верная Чхун Хян» 1960, 59); «Положив на колени комунго *из утуна*, она стала наигрывать мелодию в тоске ожидания» («Чхунхянджон Квонджитан» 1968, 37); «Разве не приходилось вам видеть *павлонию* на скале? Овевают ее метели, покрывают иней и лед, но ствол и ветви ее тверды. Поэтому если срубить *павлонию* и сделать из нее цинь, то звуки его тронут даже металл и камень» («Записки...» 1985, 165).

С *утунами* связано предание: на нем жили мифические птицы фениксы, питающиеся семенами бамбука (см. об этом «Бамбук в снегу» 1978, 295):

«Говорят, фениксы не едят ничего, кроме *плодов бамбука*, – ответила Хун, – а гнезда вьют только *на павлонии*» («Сон...» 1982, 72).

Утун отмечен в образных сравнениях. Красивая девушка соотносена с *утуном*:

«В тот миг она была похожа *на золотое деревце утуна*, с которого слетел феникс» (Би Сяошен 1992, 155).

Коричное дерево

Цветущее коричное дерево – элемент идеальной картины природы в пору цветения:

«*На коричных деревьях* // Цветы распустились в горах...» (Ван Вэй 1979).

В Корее и Китае с *коричным деревом* связано много легенд и мифов. По древним китайским и корейским верованиям, на Луне растет

дерево корицы, под ним живет Нефритовый заяц, который круглый год толчет в ступке снадобье бессмертия (см. об этом «Верная Чхун Хян» 1990, 380). Упоминания об этом мифе в том или ином виде часто встречаются в корейской и китайской литературе:

«В дни юности я в Лунном дворце *под коричневым деревом* толчок снадобье в ступе» («Повесть о зайце» 1960, 380); «Однажды, когда блистало осеннее небо, а яшмовый свод был прозрачен и ясен, когда свет луны потоком струится на землю, я запрокинула голову и стала смотреть на лунную жабу и *коричное дерево*» (Ким Си Сып 1972, 67).

С тем же *коричным деревом* связана и другая легенда о некоем человеке по имени У Ган, который за проступки перед божествами в наказание был отправлен на Луну, приставлен с топором в руках к растущему там *коричному дереву* и осужден вечно рубить его, потому что по воле богов после каждого удара топора вырубленная древесина тотчас восстанавливалась (см. об этом Сидихменов 2000, 11). Это нашло отражение в литературе:

«В ту пору Ли Бо // подымать свою чашку любил, // И У Ган // *ствол коричный* упорно долбил...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 286).

Приход осени также ассоциировался с мифическим лунным *коричным деревом*: с наступлением осени плоды опадали с этого дерева.

«Какая удача, что сегодня куда ни глянь – на тысячи ли раскинулось безоблачное небо, катится по небу холодный круг месяца, и от блеска его побледнела Серебряная река! Опадают плоды с *корицы*, и похолодало в Нефритовом тереме» (Ким Си Сып 1972, 61).

Согласно легендам *ветку цветов корицы* держит в руках небесная фея:

«На лазоревом журавле появляется фея... *С веткой коричных цветов* в руке она входит в зал...» («Верная Чхун Хян» 1960, 35); «На голове у феи – венец из живых цветов... в руках – *веточка коричневого дерева*» («Повесть О Сим Чхон» 1960, 182).

Корица – цветовой образ. В корейской и китайской литературе за ней закреплен алый цвет:

«А как чудесно... упиваться нежным ароматом *под сенью алой корицы*...» (Ким Си Сып 1972, 68).

Коричное дерево – строительный материал, из которого делали столбы для павильона:

«... были там и столбы *из коричневого дерева*...» («Книга прозрений» 1997, 419).

Из листьев коричневого дерева делали бумагу:

«Не успел он закончить трапезу, как дева написала на бумаге *из листьев коричневого дерева* стихи, созвучные по настроению стихам молодого человека» (Ким Си Сып 1972, 62).

В корейской и китайской кухне *корица* используется для приготовления ароматных соусов и напитков:

«В коробе было восемь отделений: в одном лежали маринованные гусиные потроха, в другом нарезанное тонкими ломтиками соленое мясо, в третьем – серебрянка *в коричном соусе*»; «На расписанном золотом красном подносе слуга принес две чашки густо заваренного чая с примесью бобов и *корицы* для аромата» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 295; Т.2. 158).

Корица отмечена в составе речений фразеологического характера (далее РФХ). РФХ *сломать ветку корицы / украсить цветком корицы* восходят к традиции, существовавшей в средневековой Корее украшать шляпу *коричным цветком* того, кто первым успешно сдал экзамен на чин (см. Троцевич 1975, 182). По-китайски, *сломать ветку корицы (чжэгуэй)* звучит так же, как 'стать знаменитым; счастливое предзнаменование', поэтому в Китае данное выражение также употреблялось для поэтического обозначения сдачи государственных экзаменов, что открывало путь к высшим постам на административной лестнице (см. об этом «Записки...» 1985, 455):

«Вы уезжаете... *украситесь цветком корицы*, устройтесь в академии, и слава ваша засияет»; «Он *сломал ветку коричных цветов*, которые достались ему так неожиданно...» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 33; 36).

Тутовое дерево (шелковица)

Тутовое дерево выступает как элемент идеальной картины жизни в деревне. Сбор *тутовых листьев и ягод* – часть деревенского труда, домоводства, вольной сельской жизни, где люди живут счастливо и в достатке:

«Да, я вкусил в деревне родной // аромат осенних садов. // Всю жизнь хотел бы здесь разводить *шелковичные деревья*» («Классическая поэзия...» 1977, 470); «Кончив петь, госпожа Те отложила палочку и сказала: – Эту песню циньские девушки поют обычно, когда обрывают *листья с шелковицы*, я ведь родилась в деревне и по сей день помню, чем занималась в детстве»; «Я, например, люблю заниматься разведением шелкопрядов, собирать *тутовые листья*, делать вино и варить рис»; «Ближе к павильону огородные гряды и стук крупорушек напоминали о вольной сельской жизни. У обочины девушки рвали *тутовые ягоды*, молодые парни рубили на холме хворост, откуда-то доносились звуки свирели, – сразу видно, что люди здесь живут мирно и в достатке» («Сон...» 1982, 565; 584; 586).

Тутовые деревья – спутники отшельника:

«Мир вечной суеты и пустословья // Покинул и вновь пришел туда,
// Где восемь сотен *тутовых деревьев* // среди озер и брошенных полей»
(«Бамбук в снегу» 1978, 197).

Ягоды шелковицы считались лакомством в Китае:

«Были здесь и... свежие зерна лотоса, и водяные орехи, и свежие
ягоды шелковицы» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 295).

Шелковица – материал, из которого делают музыкальные инстру-
менты:

«Она взяла лютню, сделанную *из корня шелковицы*, и пропела вот
что...» («Сон...» 1982, 123).

В древности *шелковица* была предметом серьезных споров между
государствами. Эти исторические события упоминаются в художест-
венной литературе:

«Так, препираясь друг с другом, уподобились они княжествам У и
Чу, оспаривавшим *шелковицу*, что росла на границе. Ссорились они,
будто Юй и Жуй из-за пограничной грядки» («Классическая проза
Дальнего Востока» 1975, 275).

В тутовом лесу, Санлинь, находился главный алтарь иньцев, где
совершались моления, приносились жертвы и «кузвалась воля Неба»
(см. «Сон...» 1982, 746-747). Эти исторические события нашли отраже-
ние в художественной литературе:

«Вспомните *тутовые деревья* династии Инь – зловещие предвестни-
ки беды! Однако со временем потомки прежних правителей перестали
пугаться невзгод, а раболепствующие вельможи принялись по любому
поводу благовестить одни счастливые события...» («Сон...» 1982, 571).

С тутовыми деревьями связана легенда о первом министре дина-
стии Шан Чэн Тане, который правил с 1766 по 1753 г. до н.э. При Чэн
Тане страну постигло бедствие – семилетняя засуха. Тогда он, считая
себя виновником несчастья, босиком, в простой холщовой одежде от-
правился в Санлинь (*Тутовую рощу*) и стал молиться. По легенде, Небо
вняло молитвам императора и послало обильный дождь (см. об этом
«Верная Чхун Хян 1960, 678). Ссылки на эту легенду встречаются в
корейской литературе:

«Вспомните, как бывало в старину! Во время знаменитой семилет-
ней засухи хотели принести небу человеческую жертву. Тогда добрый
император Тан сказал: «Я молюсь о благе народа, но если нужна жерт-
ва, возьмите меня!» И он пожертвовал собой, обрезав волосы и ногти и
окутавшись ковылем. Он молился *в тутовой роще*, и вот по всей земле,
на тысячи ли хлынул дождь! Вот как бывало в старину!» («Повесть о
Сим Чхон» 1960, 210).

Тутовые деревья зарегистрированы в составе РФХ:

«У вас излишне блестят глаза, как будто вы пьяны или вернулись с тайной встречи в тутах»; «Свиданье в тутах гонит прочь тоску, унылый вид» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 307; Т.2., 207).

РФХ *тайная встреча в тутах* означает 'любовное свидание'. Это РФХ восходит к текстам древних песен «Шицзина» (XI – VII вв. до н.э.) (см. об этом «Цветы сливы...» Т.2. 1998, 418).

РФХ *пусть тutowые посадки превратятся в синее море* имеет значение: 'оставаться неизменным':

«Пусть тutowые посадки превратятся в синее море, но сердце моей дочери останется прежним!» («Верная Чхун Хян 1990, 42); «А помнишь, что ты говорил, когда сидел вон там, а я тут? Пусть, мол, синее море станет тutowой роццей, пусть тutowая роца превратится в синее море, но мы не расстанемся» («Корейские повести» 1954, 102).

Клен

Клен – элемент идеальной картины природы:

«А на кленах // у развалин стены // Сверкает роса, // все сильнее блещит под луной...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 288).

Багряный клен выступает как знак осени:

«Я встретил странника, он шел неспешно // От Кэгольсана вниз на Сораксан. // «Красивы ль клены там? – его спросил я, // И он ответил: «Иней пал в горах, // Вся в багреце осенняя листва – // Как раз пора пойти полюбоваться!»; «Багряная листва осенних кленов // Прекрасней, чем весенние цветы» («Бамбук в снегу» 1978, 170; 172).

Клен – цветовой образ, за ним закреплен красный цвет:

«Красный клен так нежно красен» («Корейская классическая поэзия» 1956, 168).

Абрикосовое дерево

В корейской и китайской литературе цветущие *абрикосовые деревья* – неотъемлемый элемент при конструировании идеальной картины весны:

«И ранняя весна настала вновь. // Смотрю, как персики и абрикосы // Уже в лучах заката расцвели» («Бамбук в снегу» 1978, 239); «Вся всю ночь, // На рассвете ветер притих, // И расцвели // Абрикосовые сады» (Ван Вэй 1959).

Абрикосовые деревья украшали сады богатых корейцев. Здесь *цветы абрикоса* – цветовой образ: за ними закреплен красный цвет.

«С первого взгляда было ясно, что это дом большого вельможи: искусной резьбой украшены перила, круговая терраса обрамлена зелеными ивами и красными цветами абрикоса» («История цветов» 1991, 418).

Зерна абрикоса употребляли в пищу:

«Сначала сладости: очищенный корень болотного растения, жареные грецкие орехи, *абрикосовые зерна*, пастила из мороженых яблок и многое другое» (Сидихменов 2000, 306).

Абрикосовое дерево – материал, из которого делают стропила:

«Узорные *абрикосы* // Срубил и сделал стропила» (Ван Вэй 1959).

Наравне с *цветами* и *плодами персикового дерева* *цветы* и *плоды абрикоса* издавна считались эталоном красоты, грации, поэтому они часто встречаются в образных сравнениях:

«Красавица, нежнее *персика*, прелестней *абрикоса*, своими чарами манит» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 258); «Она была прекрасна, как *цветок абрикоса*, увлажненный легким туманом» (Пу Сун-лин 1999,8); «Итак, старшая жена оглядела Цзинь-лянь с головы до ног и была поражена: красавица сверкала, словно жемчужина на хрустальном подносе, могла поспорить грацией с *веткой алых абрикосовых цветов*, озаренной восходящим солнцем» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 111).

Неожиданным для русскоязычного читателя является сравнение женского лица с *абрикосом*. Ему, возможно, не совсем понятно, на чем акцентируется внимание при сравнении: форме, цвете, нежной и матовой коже *плодов абрикосового дерева*:

«Лицо как *абрикос*, как персик – щечки, гибкий, словно ива, стан» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 132).

Еще более удивительным может показаться отождествление мужского лица с *цветущим абрикосом*. Однако из контекста понятно, что в основу образного сравнения лег яркий цвет *цветов абрикоса*, так как с *цветами абрикоса* сравнивается лицо нетрезвого мужчины. Тем не менее, сравнение с *цветами абрикоса*, с точки зрения русскоязычного читателя, относится, скорее всего, к разряду «женских»:

«Лицо его стало походить на *цветущий абрикос*» (Би Сяошен 1992, 47).

Для русскоязычных читателей может показаться странным и отождествление женских глаз с *плодами абрикосового дерева* и *абрикосовыми косточками*. Русскоязычному читателю, возможно, трудно будет принять за эталон красоты женских глаз *плоды абрикосового дерева* и *абрикосовые косточки*, а сравнение лица красавицы с блюдом может показаться ошибочным и даже смешным:

«... смотрит в одну точку прекрасными, точно *абрикосы*, глазами...» (Би Сяошен 1992, 118); «Лицо ее удивляло необыкновенной чистотой, как серебряное блюдо, глаза напоминали *абрикосовые косточки*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 112).

Цветок абрикоса встречается и в других сравнительных конструкциях:

«Как *цветок абрикоса* на весеннем ветерке – закружится у тебя голова при виде умопомрачительных красавиц!..» («Корейские повести» 1954, 105).

Грушевое дерево

В Корее и Китае *грушевое дерево* – символ долговечности, так как *грушевые деревья* живут долго (см. Тресиддер 2001, 68).

Грушевое дерево – элемент идеальной картины весеннего пейзажа:

«*Цвет груши* с дерева стряхнуло ветром – // И всюду разлетелись лепестки. // Им не подняться до своих ветвей, // Они повисли в нитях паутины» («Бамбук в снегу» 1978, 168); «... землю покрыли *груши цветы*. // Сколько их здесь – справа и слева» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230).

Плоды грушевого дерева идут в пищу людям:

«Тут же разложены сонпхён и замечательное на вкус медовое печенье, хлебцы... Рядом с *грушами* лежали чищенные каштаны, сливы» («Роза и Алый Лотос» 1974, 324).

Грушевое дерево выступает как материал, из которого изготавливают лодки:

«Разбойники плавают в лодках *из грушевого дерева* и гребут веслами из магнолии...» («История цветов» 1991, 318).

Белые цветы груши являлись символом печали и непостоянства:

«*На цвет* весенний *груши* капал дождь // Не уезжать тебя я так просила!»; «*Цвет грушевый* роса уже покрыла // Что ж все не шел ты? Кто тебя держал?» («Бамбук в снегу» 1978, 200; 231).

Не очень привлекательные с точки зрения европейца *цветы груши* выступают в Корее и Китае эталоном красоты и нежной прелести, поэтому часто встречаются в образных сравнениях:

«Ее тонкая талия походила на гибкую иву, готовую вот-вот надломиться, а лицо можно было уподобить разве что *грушевому цветку*» (Би Сяошен 1992, 56); «Если *по грушевому цветку* струятся капли дождя и слышится жалобный стрекот сверчка, это значит, что она плачет» (Маявин 1997, 353); «Третья жена, Мын Юй-лоу, лет тридцати, была высокой и стройной, как *ива*, с овальным лицом нежнее *грушевого цветка*» («Цветы сливы» Т.1. 1998, 112).

Груша входит в состав пословицы:

«... пощадив меня и приняв подарок, вы и тайное благодеяние совершите – спасете человеческую жизнь, и деньгами сможете воспользоваться. Очень хорошо, если бы вы так сделали, одним поступком совершили сразу бы два добрых дела. Как говорится, *и грушу съели бы, и зубы почистили*» («Записки...» 1985, 57).

Гранатовое дерево

Гранат – символ обильного потомства (см. Тресиддер 2001, 63-64). Красный *цвет граната* означал спокойствие, радость, счастье и благополучие. Ими наполняли вазы на столах, а в бедных семьях они изображались на картинках, которые развешивались во время свадьбы (Сидихменов 2000, 379; 23).

Цветущее гранатовое дерево – элемент идеальной картины весны:

«Слышал – ночью сильный ливень шумел. // Вышел – все *цветы граната* раскрылись. // Блестит завеса из капель хрустальных // На ветках над лotosовым прудом...» (Классическая поэзия...» 1977, 451); «*Лепестки гранатовых цветов* усеяли всю землю...» («История цветов 1991, 509).

Красоту *гранатового дерева* воспевали поэты:

«У соседки моей // Под восточным окном // Разгорелись *гранаты* // В луче золотом. // Пусть коралл отразится // В зеленой воде – // Но ему не сравниться с *гранатом* // Нигде. // Столь душистых ветвей // Не отыщешь вовек – // К ним прелестные птицы // Летят на ночлег» (Ли Бо 2000, 91).

Традиционно *гранатовые деревья* высаживались в корейских садах:

«Мимозы, *ветви гранатовых деревьев*, разные сорта пионов, гортензий, камелий, листья бананов, тонкие, как бумага, сливы весенних и поздних сортов, виноград, красные и желтые азалии, лилии и туты – все это перепуталось и переплелось» («Роза и Альый Лотос» 1974, 324-323).

Плоды гранатового дерева люди употребляют в пищу:

«Стол ломился от плодов – зеленого и черного винограда, смородины, лимонов, хурмы, яблок, *гранат*, дынь и арбузов» («Роза и Альый Лотос» 1974, 324).

Цветущей гранатовой веткой женщины украшали прическу:

«Сестрица Юй-лоу научила меня разным любовным песням, – сказала она и, отломив *ветку граната*, пышно распустившегося после дождя, воткнула ее в прическу» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 294).

Цветы гранатового дерева – узор на одежде:

«Быстро скинула накидку зеленого шелка с *узорами цветов граната*» («Верная Чхун Хян» 1960, 41).

Китайский финик (жужуб)

В дальневосточных странах *финик (жужуб)* – важный пищевой продукт. *Финиковое дерево* символизирует плодородие, особенно мужское (Тресиддер 2001, 393).

В Корею по-прежнему распространен старый обычай, когда в юбку новобрачной ее свекр и свекровь бросают *жужубы*, символизирующие мужское потомство, выражая ей таким образом пожелание иметь больше сыновей. Часто встречается на свадьбе и другой обычай, основан-

вающийся на той же символике: жених кладет в рот невесте *жужуб*, а потом они вместе выпивают по чарке вина (см. об этом Ланьков 2000, 385).

Наряду с другими растениями *жужуб* – элемент идеальной картины природы в летнее время:

«Кругом цветут необыкновенные цветы и яшмовые травы... У входа в зеленую беседку – *жужуб*, а в горах – виноград, смородина и крушина» («Верная Чхун Хян» 1960, 47).

Созревшие финики – примета осени:

«А когда в благодатные дни сентября//всюду груши и *финики* зрели...» (Ду Фу 2000, 451).

Китайские финики (жужубы) служат пищей простым людям. Корейцы также полагали, что их подают на пиру у Небесного повелителя:

«Перед Ли Моннёном поставили покосившийся столик с отломанными углами, на котором стояла миска лапши, кусок хлеба, кусок говяжьей грудинки, *жужуб* и *каштан*» («Роза и Алый Лотос» 1974, 355); «... на алмазном блюде – *китайские финики*...» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 226).

Издавна *жужубу* приписывались волшебные свойства: будто бы он надолго утоляет голод, а также продлевает жизнь. Эти *финики* упоминались в древнекитайских памятниках. В трактате философа Янь-цзы, например, рассказывается, что в давние времена циньский князь Мяогун, путешествуя на драконе, нашел такие *финики*. («Корейские предания и легенды» 1980, 216).

«Я пустилась в путь, поплыла морем в далекие края за чудесными *финиками*» («Корейские предания и легенды» 1980, 57); «Ань Ци-шэн с улыбкой вынул из рукава *красный плод* и протянул императору. – Это небесный *жужуб*. Стоит вкусить его – вы забудете о чувстве голода и проживете пятьсот лет» («Сон...» 1982, 374).

Здесь *жужуб* выступает как цветовой образ: за ним закреплен красный цвет.

Зернышко финика, а также сам *финик (жужуб)* встречаются в сравнительных конструкциях:

«Вы изготовили еще одно страшное оружие – тоненькую палочку с приклеенным клочком мягкой шерсти, напоминающим *финиковое зернышко*, длиной не более одного чхи» («История цветов» 1991, 535); «Глянула Ке Хва на Лун Гу – морда, как перезрелый *жужуб*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 537).

Каштан

Цветущий каштан – элемент идеальной картины весны:

«... в этом году // такая ранняя оттепель и *каштан* расцвел в одночасье, // хотя обычно ему на цветение положено несколько дней» (Хён-жонг Чонг 2000, 119).

Сосновые и *каштановые роци* – место отдыха горожан:

«Между Сахеном и Мохвагваном справа и слева – *роци* высоких сосен и *каштанов*. Деревья растут густо и создают затемненные места. Горожане устраивают здесь встречи и проводы, а также тренируются в стрельбе из луков» (Сон Хён 1994, 40).

Наряду с жужубами и кедровыми орешками *каштаны* служат пищей человеку:

«Были поданы вареные и сырые *каштаны*, кедровые орешки, жужубы» («Верная Чхун Хян» 1960, 59).

В Китае и Корее *каштаны* дарили на свадьбу с пожеланиями, чтобы будущий ребенок рос здоровым и крепким (см. Сидихменов 2000, 379).

В корейских преданиях и легендах *каштановое дерево* занимает особое место: под ним родился Мудрейший наставник Вонхё, основавший монастыри Чхоге и «Пхара». В письменных источниках сохранилась легенда, связанная с плодами *каштанового дерева*:

«Плоды этого дерева необычны. Их по сию пору называют *каштанами* Пхара. В одном старом жизнеописании говорится: «Некогда настоятель монастыря разрешил службе каждый день брать на ужин два *каштана*. Служка возблагодарил настоятеля за щедрость. Настоятель удивился, взял у него *каштаны*, и оказалось, что один такой заполнил всю чашу для милостыни. Тогда он уменьшил долю службы наполовину: велел ему брать на ужин только *по* одному *каштану*. Отсюда и пошло название Юльгок – *Каштановая долина*» («Корейские предания и легенды...» 1980, 119).

Каштан встречается в сравнительных конструкциях. В основе этих образных сравнений лежат природные качества этого плода: малый размер, колючая оболочка и т. д.

«Свернулся Еж шариком, подобно колючему *каштану*, и сказал...» («История Цветов» 1991, 334): «Про Ежа скажу так: хоть он и мал и подобен *каштану*, зато коварен и мелочен» (Лим Чже 1964, 80).

Мандариновое дерево

Цветущее мандариновое дерево – примета весны:

«... цвели *мандарины*, цитроны, персики, вишни, яблони и сливы...» («Корейские повести» 1954, 88).

Созревшие *мандарины* – элемент идеальной картины осени:

«Зреют *мандарины* близ речной волны – // Золотыми слитками берега полны» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 219); «На пышных деревьях // Под солнцем блестят *мандарины*» (Ду Фу 2000, 204).

Поэты воспевают красоту и стройность *мандаринового дерева*, связывая его с комплексом представлений о постоянстве, несгибаемости, благородстве души как свойствах человека:

«О, как пышен убор твой – // блестящие листья и ветки. // Высоко поднимаешься ты, // никогда не сгибаясь, // На прекрасной земле, // где раскинуты южные царства. // Корни в землю вросли. И никто тебя с места не сдвинет, // Никому не сломить // вековое твоё постоянство. // Благовонные листья // цветов белизну оттеняют, // Густотою и пышностью радуя глаз человека. // Сотни острых шипов // покрывают тяжелые ветви, // Сотни крупных плодов // среди зелени свежей повисли, // Изумрудный их цвет // постепенно становится желтым, // Ярким цветом горят они // и пламенеют на солнце. // А разрежешь плоды – так чиста и прозрачна их мяготь, // Что сравню я ее // с чистотою души благородной! // Но для нежности дивной // тончайшего их аромата, // Для нее, признаюсь, // не могу отыскать я сравненья! // Я люблюсь тобою, // о юноша смелый и стройный, // Ты стоишь – одинок – // Среди тех, кто тебя окружает. // Высоко ты возвысился // и, никогда не сгибаясь, // Восхищаешь людей, // с мандариновым деревом схожий» («Китайская классическая поэзия» 1977).

Плоды мандаринового дерева используются в китайской кухне для приготовления различных блюд, например, соусов:

«На изящных, расписанных цветами блюдах из тонкого фарфора лежали баклажаны под ароматным соусом, сладкая вареная соя, ароматный *мандариновый соус*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 62).

Мандариновое дерево – материал, из которого делали домашнюю утварь:

«Еще когда Мунмё жил в Восточном дворце, он послал в дар «Палате собрания Мудрых» золотого цвета блюдо, изготовленное из *мандаринового дерева*. В середине блюда полускорописью были написаны стихи о *мандариновом дереве*, высочайше сочиненные Мунмё: «Но особенно приятно – //и для носа, и для уст – // *Мандариновое блюдо*, // что из дерева с озера Дунтин!» (Сон Хён 1994, 48).

С *плодами мандаринового дерева* отождествляются женщины «бальзаковского» возраста:

«Когда ее лучшие годы проходят, к ней подступает старость, любовное чувство в ней ослабевает и силы оставляют ее, тогда к ней приходит мудрость и покой души. В такие годы она подобна выдержанному вину, или *мандариновому плоду*, тронутому инеем, или же многоопытному полководцу, постигшему все тайны военного искусства. Она в эту пору может наслаждаться жизнью» (Малявин 1997, 335).

Мандарин отмечен в составе крылатого выражения, которое имеет значение: ‘однажды узнав, невозможно забыть о ком-л. или о чем-л.’:

«Кто отведал хоть кожицу мандарина, не забудет озера Дунтин» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 64).

Банановое дерево

Наиболее популярные в Китае и Корее деревья, были окутаны густой картиной зрительных, звуковых и чисто литературных ассоциаций, которые придавали опозитизированному бытию декоративных растений еще большую конкретность. *Банановое дерево*, например, ассоциировалось с шумом дождя в густой листве (см. Малявин 2002, 335).

Банановое дерево – элемент идеальной картины весны:

«А на посаженных перед домом *бананах*, орхидеях, папоротниках показались свежие листочки» («Верная Чхун Хян» 1960, 52).

Желтеющие *листья бананового дерева* – знак осени:

«Лотос отцвел в пруду, // *банановый лист* пожелтел» («История цветов» 1991, 260).

Банановые листья служат пищей животным:

«Он срывал *банановые листья* и кормил ими оленей» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 273).

По преданию, *банановый лист* мог служить лодкой бессмертному:

«Сёный поднял глаза и видит – на *банановом листе* плывет бессмертный в зеленом платье и играет на комунго...» («Повесть о Чёк Сёны» 1996, 77).

Сандаловое дерево

Вечнозеленое дерево *сандал* с супротивными кожистыми листьями и красными, нежно благоухающими цветами – постоянный элемент весеннего пейзажа:

«Цветущая пора густых теней и благоуханных трав! Пьянящая картина персиков, пионов, кориц и *сандалов!*» («Верная Чхун Хян» 1990, 25).

Сандал – материал, из которого изготавливают домашнюю утварь и т. д. Здесь *сандал* выступает как цветовой образ: за ним закреплен красный цвет.

«Ступеньки, что спускались вниз от башни, – красного *сандала*, оправлены червонным золотом» («Книга прозрений» 1997, 358); «И *сандаловое блюдо* // для еды вполне годится; // Хорошо для обонянья // пищу жирную вкушать» (Сон Хён 1994, 48).

Алоэ и *сандал* использовались для ароматизации домов:

«Из дорогих курительниц струится нежный аромат *алоэ* и *сандала*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 225).

Сандаловые деревья могут выступать как предмет купли-продажи:

«В землях (Саньфоцы) много *сандалового дерева* и мастики, это китайцы покупают... А в последнее время в Саньфоци также объявили монополию на *сандал* и купцов обязали продавать это дерево тамошнему правителю» («Нефритовая роса» 2000, 78).

С *сандаловым деревом* связана легенда о мифическом основателе корейского государства Древний Чосон, родоначальнике корейцев Тангуне. Согласно легенде сын верховного небесного владыки спустился на вершину горы Тхэбэксан к *священному сандаловому дереву* (дерево Тан) – жертвеннику духам. Женщина-медведица приходила также к этому дереву молить о ниспослании ей ребенка (см. об этом Самозванцев 2000, 284-285; «Корейские предания и легенды...» 1980, 15-16; 37-38).

Сандал встречается в образных сравнениях, выражениях, содержащих «скрытое» сравнение, а также метафорических выражениях:

«Лица их раскраснелись, страсть и желание любви охватило студента, или, как в таких случаях говорят, *«сандалового господина»*, то есть благородного и благоуханного, как *сандал*, гостя» (Би Сяошэн 1992, 32).

Благоуханный рот любимой называют *сандаловым*:

«Он... коснулся *сандалового рта...*» (Би Сяошэн 1992, 126).

Сандал отмечен в составе РФХ *ломать ветки сандала*, которое имеет значение: 'недозволенное любовное свидание':

«Дело ясное, как роса: залез в чужой сад да *ломаешь там ветки сандала*» («История цветов» 1991 262; 638).

Цветы

Цветы в корейской и китайской культурах символизируют весну, молодость, красоту, природную невинность и духовное совершенство (см. Тресиддер 2001, 402).

Цветы в корейской и китайской литературе – знак весны. Наряду с такими обязательными элементами, как ива, иволга и бабочки, *цветы* образуют картину идеального состояния природы в пору цветения:

«*Цветы* у каждой хижины цветут. // Над берегом пруда склонились *ивы*. // И слышу я, как *иволги* поют, // И вижу я, как *бабочки* танцуют» («Бамбук в снегу» 1978, 190); «Ветер подул весенний, // И за ночь *цветы* раскрылись» («Светлый источник» 1989, 414).

Радость от пробуждения природы непосредственно связывается с началом цветения *цветов*:

«Утром замолчал весенний дождь. // Я проснулся, встал и огляделся. // Почки приоткрытые *цветов* // Стали, соревнуясь, распускаться, // И, весенним ликованием полны, // Птицы всюду пляшут и поют» («Классическая поэзия...» 1977, 462).

Цветы могут выступать как образ, несущий идею временного, проходящего. *Цветы*, распускающиеся весной, не вечны. Их пышное цветение естественным образом кончается вместе с весной:

«Как были хороши *цветы* весной! // Зачем они так скоро облетели?»; «Я высадил *цветы*, чтобы всю жизнь // Весеннюю красоту любоваться. // Но на рассвете ветер налетел, // Мороз ударил – и они поникли» («Бамбук в снегу» 1978, 132; 178); «Каждый год та же картина. Приходит весна – распускаются *цветы*. Но вот *цветам* конец – и весне смена...» (Ли Бо 2000, 217).

Образ опадающего *цветка* используется для выражения идеи быстротечности молодости человека, быстрого увядания его красоты, наконец, самой его жизни:

«Гордясь своей весенней красотой, // *Цветы*, не прогоняйте мотыльков! // Пора расцвета – слишком быстротечна – // Неужто это не понятно вам? // Лист развернется и плоды созреют – // А мотыльки назад не прилетят!»; «Так надо ли печалиться о том, // Что как *цветок*, лицо твое увянет?» («Бамбук в снегу» 1978, 199; 215).

Грусть от скоротечности цветения *цветов* легла в основу следующего образного сравнения:

«Красавица с готовностью взяла лютню в руки, тронула струны, и полилась грустная мелодия. Ян вздохнул. – Что за чудо! Напоминает *лепестки* осыпающихся *цветов* или яшму, брошенную в пыль» («Сон...» 1982, 115).

Однако *цветы*, *роняющие лепестки*, по-своему грациозны:

«Их танец напоминал *цветы*, *роняющие лепестки*, и *ветви ивы*, качающиеся на ветру, игру красок в весенний день...» (Ким Ман Чжун 1961, 301).

Конец поры цветения связывается в корейской поэзии с уходом любви:

«Что толку в грусти бабочек и пчелок, // Когда *цветы* роняют лепестки? // Как ни сильна, ни горяча любовь, // Что сделаешь, когда уходит милый?» («Классическая поэзия...» 1977, 442).

В трактате Лим Дже «История цветов» автором утверждается превосходство *цветов* над людьми. *Цветы*, по мнению автора, обладают такими высокими моральными качествами, как терпение, благородство, гуманность и многими другими. Они совершенны:

«Человек – это всего лишь одно из существ, которые во множестве живут между небом и землей. *Цветов* – сотни, тысячи сортов, и человек действительно уступает в долголетию. Человек умирает и не возвращается к жизни, а *цветок* осенью увянет, весной же опять вырастет. *Цветы* расцветают по сезонам, но иногда не увядают даже под инеем и снегом. Поистине человеку не сравниться с *цветами* в долголетию!

Небо при помощи *цветов* производит смену четырех времен года – человек различает их по выросшим *цветам*. А кому из людей можно доверять так же, как *цветам*?

Когда *цветы* распускаются, они не благодарят весенний ветер за цветение, а когда опадают, то не ропщут за это на осеннее небо. А кто из людей обладает таким благородным сердцем?

Одни *цветы* рождаются на каменных ступенях лестниц, другие в отхожем месте, но они никогда не спорят друг с другом, чье положение выше, а чье ниже, кто знатен, а кто низок. Раз они все равнодушны к расцветам и опалам – сердца их иные, чем у людей.

Значит, *цветы* обладают высшей гуманностью, заслуживают полного доверия и совсем не знают страстей. К тому же они многочисленны и долговечны – это небо даровало им совершенную природу.

Цветы многочисленны. А что мы наблюдаем в царстве людей?

Цветы гуманны, заслуживают доверия и чужды всех страстей – а какими из этих качеств обладают правители?

Люди, способные разобраться в одной классической книге и хоть мало-мальски талантливые, всегда начинают бахвалиться перед всем светом и хотят непременно оставить свое имя грядущим поколениям. Поэтому они постоянно спорят друг с другом из-за своих заслуг и хвастают записями на скрижалях истории.

Не таковы *цветы*. Их природа, дарованная небом, прекрасней, чем у других, она подобна природе благородного мужа среди людей. Недаром перед двором сунского наставника из Лянсьи *трава* не была выполота. Он говорил: «И *трава* вольно растет, и мои мысли текут естественно» Если уж благородный муж хотел быть таким же, как *цветы*, значит, по природе он был совершенным и цельным. А те, что удовлетворяют свое честолюбие на поприще произнесения речей перед тронem и сочинения изящных трактатов, усердствуют, чтобы преуспеть на службе, – разве могут они при этом вернуться к совершенному образцу» («Черепaxовый суп» 1970, 191-192).

Корейские и китайские женщины, как и женщины других национальностей, украшали волосы *цветами*:

«Его матери было лет семьдесят, но волосы она украшала *цветами*...» («История цветов» 1991, 478).

Цветы в художественной литературе – цветовой образ. За ними закреплены белый, синий, красный и другие цвета:

«Белые и алые, синие и красные – всюду пестрели *цветы*» («Корейские повести» 1954, 79).

Мотивы цветения *цветов* украшали одежду, обувь:

«Императрица в одеждах, украшенных изображениями *цветов*... сошла с возвышения и расположилась в восточном углу залы» («Сон ...»

1982, 547); «... на ногах – пара сапожек, расшитых *цветами*...» («История цветов» 1991, 478).

Цветы в корейской и китайских произведениях являются эталоном совершенной красоты, а также молодости и природной невинности. Сравнение с *цветком* кого-либо или чего-либо считалось высшей похвалой.

С *цветком* отождествляется: внешний облик девушек и молодых женщин: «Девушки походили на *цветы*, раскрывшие чашечки только что распустившихся бутонов...» (Би Сяошен 1992, 177); "Suddenly he caught sight of a maiden, fairer than a flower..." (На Tae Hung 1968, 330); стройная фигура, грациозность девушки: «К двенадцати годам в ней гармонично сочетались красота яшмы, стройность *цветка* и нравственная чистота» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 494); «Она была до того грациозна, что походила то на стройную свечу в подсвечнике, то на на колеблемую ветром *ветку цветов*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 104); лицо: «Очень хороша! Как говорится, облик – луна, лицо – *цветок*» («Верная Чхун Хян» 1990, 30); «Лицо как *цветок*, луноподобная красота...» (Ким Ман Чжун 1961, 79); щеки: «... он пригляделся: брови взлет, ясные глаза... щечки – *цветы*...» (Ким Ман Чжун 1961, 162); губы красавиц: «Алых губ *бутоном* влечет к себе шмелей, смущает мотыльков» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 111).

С *цветком* соотнесены внешний облик и улыбка молодого человека:

«Юноша был подобен распускающемуся *цветку*, молодому месяцу» (Ким Ман Чжун 1961, 163); «В дыханье весны распустились *цветы*, // С улыбкою милого схожи они» («Корейские повести» 1954, 112).

Цветы символизируют и духовное совершенство, нравственную красоту человека:

«Да, она любит, очень любит *цветы*. Покойный отец нарек ее Кот Пун (цветочная девочка), желая ей быть красивой, подобно *цветку*. Однако сельчане привыкли считать имя девочки, одаренной милым лицом и прекрасной душой, словно яркий *цветок*, подарком самой природы, – так, мол, нарекла ее сама природа» («Цветочница» 1986, 10).

Цветы встречаются в сравнительной конструкции: красота поэтических произведений отождествляется с *цветами*:

«Стихи похожи... на образ *цветка* в зеркале» («Сон...» 1982, 43).

Цветок, *цветы* входят в состав многих РФХ. Так, РФХ *цветы и ивы*; *цветок под луной*; *цветок, над которыми стелются туманы*; *цветок расцветший у ворот* (см. «Верная Чхун Хян» 1990, 59; 75; Би Сяошен 1992, 31; 17; 24) имеют значение 'певички; женщины легкого поведения'. РФХ *желтый цветок* означает 'девственница', а РФХ *сорвать цветок* может иметь значения: 'лишить кого-либо невинности' или 'выйти замуж за кого-либо' (Би Сяошен 1992, 96; 35). РФХ *не сло-*

мать зеленой ивы среди цветов означает 'не знать женской любви' («Верная Чхун Хян» 1990, 38).

Цветы отмечены в составе пословицы:

«Говорят, молодые цветы красотой манят, а старые, поблекшие – плодами дарят» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 81).

Рододендрон

Наряду с соснами и кленами *рододендрон* выступает как элемент идеальной картины природы в пору цветения:

«А была в самом разгаре весна. Деревья, травы и все живое радуется жизни. Источает аромат буйный *цвет рододендронов...*» («Верная Чхун Хян 1960, 296); «На вершине скалы расцвели *рододендроны*» («Корейские предания и легенды...» 1980, 186).

Рододендрон (чиндалле) – цветовой образ в корейской литературе: за ним закреплены белый и красный цвета:

«Щеки ее были без единой кровинки, белые, как лепестки *чиндалле*» (Пак Ун Голь 1962, 164); «Озерко затеняется высокими, соприкасающимися друг с другом соснами. А выше него скалы сплошь покрыты *цветами рододендронов* и листвою кленов. Поэтому весной и осенью отражается в воде красный цвет» (Сон Хён 1994, 39).

Весной девушки и юноши украшали *рододендронами* свои прически:

«Она рвет *рододендроны*, закалывает их в прическу» («Верная Чхун Хян» 1960, 39); «Волосы Хана были украшены *веточками цветущего рододендрона*» («Корейские предания и легенды...» 1985, 197).

Считалось, что *рододендроны*, как и хризантемы, клены, а также другие растения, растут в мифических садах Сына Неба:

«Хэ Цин словно во сне вернулся на то место и с сожалением вздохнул: пропали вчерашние желтые хризантемы и красные клены, обильно цвели лишь *рододендроны*» («Записки...» 1985, 197); «В его саду росли... орхидеи, банановые, гранатовые и помеловые деревья, японские и корейские *рододендроны*, и еще великое множество разных цветов, трав и деревьев» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230).

С *рододендронами* связано предание. Оно зафиксировано и в художественной литературе:

«Эти скалы называют Яшмовым Лотосом, а напротив них, взгляните, – скала Лужайка Фей. Есть предание: когда в стране воцаряются мир и благодать, на вершине Яшмового Лотоса расцветают *рододендроны*. Эти цветы уже распускаются десять лет подряд, а в третью и четвертую луну красная тень от них ложится на воды реки» («Сон...» 1982, 627).

Рододендроны встречаются в сравнительной конструкции:

«... затем красиво расположила испеченные на свежем масле хлебцы из белой муки, похожие на цветы рододендрона...» («Повести страны зеленых гор» 1966, 224).

Рододендрон связан с любовной тематикой: красота первой любви отождествляется с росой на *рододендроне*:

«Росой на *рододендроне* любовь // Сверкает под весенним ветерком...» («Верная Чхун Хян» 1960, 63).

Трава

Трава является одним из основных элементов идеальной картины весны:

«Были дни первой четверти четвертой луны. Ивовые заросли звенели от волшебных трелей соловьев, на берегу реки пестрели яркие цветы, зеленела сочная *трава*...» («Сон...» 1982, 66).

Как и цветы, *трава* – временной образ. *Травы* не вечны, жизнь их быстротечна, приходит осень, и они желтеют:

«Отчего цветы цветут, // А потом увянут, // *Травы* зелены сперва, // А потом желтеют?»; «Что ни день – доносится с западным ветром // увядающих *трав* аромат» («Корейская классическая поэзия» 1956, 86; 452); «Но, *травы* ароматные! Люблю вас и жалею. Жалею так, как будто острый нож вонзается мне в сердце! Ведь это последние дни весны...» (Ли Бо 2000, 216).

Дикорастущие съедобные *травы* служат пищей человеку:

«Когда же сходил снег, она собирала в горах съедобные *травы*...» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 124); «Из горьких горных *трав* хлебку ем – // И кажется она вкусней, чем мясо» («Бамбук в снегу» 1978, 88).

Некоторые *травы* обладают лечебными свойствами:

«В пятую луну на пятый день, // Ай, все пью целительные *травы*, // Выпьешь – проживешь ты сотню лет!» («Корейская классическая поэзия» 1956, 22).

Одежда из трав – примета отшельника:

«Вдруг из горной долины появился какой-то старик в *травяной одежде*, подпоясанный соломенной веревкой» («Записки...» 1985, 243); «Соломенной шляпой накрылся наискосок, // Облачился в *плащ травяной*, // Не мерзну, согрет» («Классическая поэзия...» 1977, 423).

Некоторые виды *трав* использовали в качестве ароматизаторов: мешочки с ароматными *травками* вшивали в пояс:

«Сплетенный из красных нитей пояс на блестящей подкладке из зеленого шелка был украшен благовещими облаками и символами «восьми сокровищ», в пояс был вложен мешочек с ароматными *травками* и лепестками роз» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 104).

В Китае и Корее получила распространение легенда о волшебных островах в Восточном море, где растет *чудодейственная трава*, которая делает человека бессмертным. Но достичь этих островов никто не мог, так как ветры не позволяли к ним приблизиться. На этих островах находятся священные горы Пэнлай, Фанчжан, Инчжоу. По представлениям древних корейцев и китайцев, в этих горах обитали даосы. Вера в их существования была так велика, что при императоре Цинь Ши-хуан-ди (правил в 246-209 гг. до н.э.) была снаряжена экспедиция для розыска этой страны бессмертных (см. об этом Сидихменов 2000, 165; «Повесть о зайце» 1960, 289 и др.). Это нашло отражение в литературе:

«Когда-то Цинь Ши-хуан-ди, объединивший шесть царств, пожелав достать *траву бессмертия*, что растет на Трех священных горах, послал за ней пятьсот юношей и девушек, но вестей не получил»; «*Траву даосов и траву вечной жизни* горою наложите – все без толку, глотайте хоть день и ночь женьшень и панты – конец один. Несметными сокровищами не откупиться от болезни, и даже сила и отвага не преградят ей путь» («Повесть о зайце» 1960, 289; 290); «Ах, уйду я! Ах, уйду я! Остаться на людях больше не вмоготу. Там, в волшебной стране Пхынлай, я буду себе рвать *траву бессмертия*» (Ли Бо 2000, 223).

Трава встречается в образных сравнениях. С ароматной *травой* отождествляется красавица:

«С целомудренной красавицей, невиданной на свете, как жестоко поступили! Словно ярко светящуюся белую яшму с горы Цзиншань погребли в пыли, словно ароматную *траву* с горы Шаншань смешали с сорняками, будто фениксов, резвящихся среди утунов посадили в терновник» («Верная Чхун Хян» 1960, 101).

Оживленная девушка уподобляется *траве* под весенним солнцем:

«Инь и Хуан тут же наполнили бокалы и предложили их Лотос – та опорожнила оба. Вскоре девушка оживилась, как *трава* под весенним солнцем...» («Сон...» 1982, 526).

С покрытой инеем *травой* сравниваются без времени поседевшие волосы некогда красивой женщины:

«И стала так глубока печаль, // Так горести велики, // Что, словно в заморозки *траву*, // Иней покрыл виски» (Ли Бо 2000, 167).

Волосы неопрятной женщины соотнесены с *травой*:

«Бао-дай разозлилась, перестала следить за собой и нарядами, ходила в рваном платье и грязных туфлях; голова у нее была вроде *ключевых трав*...» (Пу Сун-лин 1999, 137).

Травы входят в состав РФХ *вязать травы*, которое имеет значение 'отблагодарить на том свете за услугу'. Это РФХ имеет высокую частотность употребления в средневековых повестях и рассказах:

«А вам за вашу доброту, за теплые и ласковые слова я буду на том свете *вязать травы*» («Подвижница Сим Чхон») 1990, 221); «Я очень ценю вашу заботу, – дважды поклонился Дун Хун, и готов *вязать для вас травы*» («Сон...») 1982, 364).

В основе этого РФХ лежит предание о человеке по имени Вэй, который жил в Китае. Умирая, он выразил желание, чтобы его наложница вышла замуж. Когда он умер, его сын Вэй Кэ выполнил его желание, выдав наложницу замуж. Через несколько лет Вэй Кэ преследовал в схватке своего врага Доу Ху. Внезапно появился дух отца наложницы и стал связывать в пучки *траву*, росшую на пути бегства Доу Ху. Тот споткнулся и упал. Победа досталась Вэй Кэ (см. «Верная Чхун Хян» 1960, 638).

Трава встречается в пословице и поговорке:

«*Небо не рождает человека без дохода, земля не рождает травы без названия*» («Братя Хынбу и Нольбу» 1990, 120); «Наша первая хитрость... удалась нам: халлим забеспокоился. Но в старину говорили: *«Срезал траву, так вырви и корень!»* Что будет потом? Са с тетушкой Ту уверены, что разыщут кольцо. Если все это раскроется, весь гнев падет на нас» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 352).

Камыш

Цветущий камыш – часть идеального состояния природы в пору цветения:

«Виден остров, // Где густые цветут *камышы*, // ... звучит // Затаенная песня в тиши. // Красота этих мест // в изумленный вторгается взор...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 286).

Камыш – элемент осеннего пейзажа:

«Ветер шумит в *камышках*, // Стаи снежинок кружатся...» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 219); «Осень шуршит в *камышках* возле берега» («Сон...») 1982, 114).

Следует отметить, что в буддийских странах почитается красота не только таких «благородных» цветов, как пион, орхидея, хризантема, но также и таких простых и с виду непритязательных, как *цветы камыша*.

«... госпожа Сюй ответила так: – Я ведь рыбачка из Цзяннани, поэтому и люблю больше всех *цветы камыша*. – В этом нет ничего удивительного, – улыбнулась госпожа Сюй, – ведь *камыш* славится как «поющая трава» («Сон...») 1982, 522).

Камыши окружают жилище отшельника:

«Пока луна, что встала над сосной, // Не спустится до *камышей* у речки, // На камне у воды сидеть я буду, // Держа в руках безмолвный каягым...» («Классическая поэзия...») 1977, 474).

Камыш – цветовой образ, меняющийся в зависимости от времени года:

«*Камыш* изумрудный искусною вышит иголкой» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 285); «Желтизну *камышей*//на лету взволновал ветерок, // Небосвод // над волшебной страной широк» («Классическая проза Дальнего Востока 1975, 288).

Камыш – материал, из которого делают различные предметы быта, музыкальные инструменты; отшельники строят *из камыша* дома:

«Пока в разгаре жаркий летний день, // *На камышовой* я дремлю *циновке*; «С *камышовым веером* в руке // Выхожу на каменистый берег»; «В долине Хвагэдона под горой // Стоит мой дом *из камыша* сплетенный» («Бамбук в снегу» 1978, 129; 94;163); «Вдруг *камышовой дудки* слышу свист...» («Корейская классическая поэзия» 1956, 124);

Камышовая шляпа – примета отшельника:

«Я *шляпу камышовую* надену, // Одеждою послужит плащ-нуёк» («Бамбук в снегу» 1978, 50).

Камыш – узор на веере:

«Цинь-лянь достала из рукава веер с изображением речушки и *зарослей камыша*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 285).

С *камышом* образована поговорка:

«В старину говорили: «*И на камышинке можно переправиться через реку*» («Повесть о зайце» 1960, 306).

Тростник

В корейской языковой ментальности *тростник* стойко переносит бурю и дождь – это дает возможность сопоставить его с нестигаемым, сильным духом, верным своим идеалам человеком:

«Even in the crazy wind and the storming rain, // *The wild reed and water reed* // Have reared upright spirit, // Enduring unspeakable pains» (Park Young-man 1999, 74).

Тростник – элемент идеальной картины весны:

«Last spring when walked on the river bank, // *The buds of reed* whispered in pure and gentle words, // Stirring the fragrance of soil» (Park Young-man 1999, 73); «Плещет струя, // Колышет орех водяной, // И *тростники*, // Дрожа отражаются в ней» (Ван Вэй 1979).

Тростник в переводных произведениях является цветовым образом: девушки мечтают о платьях цвета «*цветущего тростника*» («Книга прозрений» 1997, 350). Однако образ этот для большинства русскоязычных читателей размыт. У русских этот цвет, скорее всего, не вызывает никаких ассоциаций, и он вряд ли будет для них эталонным. Подавляющему большинству русскоязычных читателей трудно будет вспомнить, как выглядят и какого цвета *цветы тростника*.

Тростник – материал, из которого изготавливают различные предметы:

«У врагов, которых я разгромил в этих краях, – ответил Чжугэ Лян, – были *тростниковые щиты*» («Сон...» 1982, 163); «Тут загремел барабан у ворот управы, и послышались трели окаймленной золотом *тростниковой свирели*» («Книга прозрений» 1997, 408).

Шляпа и плащ из тростника – приметы отшельника:

«В это время с горы не спеша спустился чхоса в *тростниковой шляпе и плаще*, опираясь на дягилевый посох» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 28).

Цветы тростника – узор на одежде:

«Появилась Цзинь-лянь в кофте из шаньсийского шелка цвета алоэ, расшитой дикими утками с *цветами тростника* в клювах» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 167).

Тростник встречается в образных сравнениях:

«С *тростником*, который колышется от ветра» сравнивали китайских женщин из богатых семей, которым настолько бинтовали ноги, что они почти совсем не могли ходить самостоятельно» (Сидихменов 2000, 354).

В корейской и китайской языковой ментальности стройная девушка отождествляется с *тростником*, для русскоязычного читателя же стройная девушка, наверное, будет ассоциироваться с *березкой, тростник*, скорее всего, вызовет ассоциации, связанные с худобой и хрупкостью тела.

«Стройная, как *тростинка*, ножками не налюбуйешься» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 16).

Тростник отмечен в пословице и поговорке:

«Из *корня тростника* вырастает *тростник*, из *корня бамбука* – *бамбук*» («Золотая птица Гаруда» 1994, 3); «Не зря говорят: «*Даже если есть шелк и конопля, не выбрасывай осоку и тростник*». А потому благородный муж всегда держит наготове то, чем можно заменить недостающее» («Корейские предания и легенды...» 1980, 124).

Рис

Рис – основной продукт питания в Корее и Китае, в материальном и символическом значении соответствует хлебу в России. *Рис* входит в число пяти злаков, почитаемых в двух странах. Среди них: *пшено, просо, рис, горох* и *бобы* (см. об этом Сидихменов 2000, 5; «История цветов» 1991, 578 и др.). Хотя, по мнению Т. Симбирцевой, *рис* проник на Корейский полуостров около двух тысяч лет назад, он стал важным продуктом питания только в VII веке, в период Объединенного Силла. Простой народ же северных районов ел просо, на юге ели ячмень. Око-

ло V-VI веков нашей эры *рис* распространился среди зажиточных слоев населения. В период Корё *рис* стал стандартом потребительских цен, зарплату платили, или, по крайней мере, начисляли, в мерах *риса*. Но и тогда производство *риса* не превышало производства проса. Лишь в период династии Чосон *рис* действительно стал «продуктом номер один» (см. об этом Симбирцева 2000, 206).

Уважительное отношение к *рису* проявляется и в наличии в корейском языке нескольких лексем для обозначения *риса* в зависимости от его предназначения: *саль* используется для обозначения зерен риса, *чук* – жидкой рисовой каши, *пан* – рисовой рассыпчатой каши и т. д. Это нашло отражение в литературе:

«Вареный *рис*!.. Какая драгоценность! А вы опрокинули столик с *рисом*! Когда *рис* подают королю, его называют «сура», когда его вкушает янбан – это «чинджи», когда *рис* ест слуга – он называет его «инси», промеж друзей ему имя «пан» – когда предлагают духам предков, его называют «чинме». Вот в каком почете, этот *рис*!» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 152).

Крестьянские мечты о счастливой и сытной жизни связывались непосредственно с посадкой этой основной зерновой культуры, *рису* поклонялись как божеству – все это нашло отражение в песнях крестьян:

«Оёро Сансадийо! // Вспахать бы нам поля и *рис* посеять, // Пожить бы нам и сытно и спокойно!» («Верная Чхун Хян» 1960, 112); «Радость и бог наш, *рис*, // уже стоит на корню!» («Сон...» 1982, 590).

Рис – элемент идеальной картины деревенской жизни:

«Набрала молодая редька сок, // А скороспелый *рис* колосья клонит. // И рыба стала хорошо клевать, // И ловятся легко большие крабы. // Наверно, лишь в таком житье-бытье // Крестьянин радости свои находит!»; «Иногда по дорожкам вдоль нивы брожу, / /где цветущий *рис* духовит» («Классическая поэзия...» 1977, 470).

Рис – цветовой образ, за ним закреплен белый цвет:

«Живут в хоромах, наслаждаются богатством и славой, в шелка одеты, на столе *рис* белее белого нефрита» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 116).

Рис является основным блюдом жертвенного стола:

«Женщины собираются во множестве, выставляют жертвенный *рис*, призывают души покойных родителей» (Сон Хён 1994, 56); «... она готовила *рис* для подношения духам» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 182).

Во время трапезы *рис* и *рисовую кашу* подавали в качестве основных блюд:

«В оправленных серебром чашках дымился *рис*, на тарелочках... сладкая *рисовая каша*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 249).

Рис – сырье, из которого изготавливали водку, вино и даже пудру для умывания:

«*Водка рисовая* – чудо, // и вкусна сырая рыба» («Классическая поэзия...» 1977, 464); «В один налито виноградное вино Ли Бо... а там – *рисовое вино... вино из белого риса...*» («Роза и Альый Лотос» 1974, 324); «Еще там стояло старинное бронзовое зеркало... кубок с зеленой *рисовой пудрой* для умывания...» («Книга прозрений» 1997, 390).

Рис входит в состав РФХ, значение которого четко прослеживается из контекста:

«Рос он, как говорится, в *шелковых одеждах да на белояшмовом рисе*» («Черепашовый суп» 1970, 110).

Рис отмечен в пословице:

«Как говорит пословица, *монах мантры бубнит, а сам о жертвенном рисе думает*; так и сейчас, казалось Чин Ён, монашка думала не о службе, а ее, Чин Ён, поведении – в храм, дескать, пришла, а сама стоит как истукан» («Золотая птица Гаруда» 1994, 132).

Бобы

Созревающие бобы – примета осени:

«*Красных бобов* // Много в южном краю: // Осень придет – // Новых побегов не счесть» (Ван Вэй 1959).

Плоды в том или ином виде идут в пищу людям, а *листья бобов* – животным:

«Решил угостить тебя жареными *бобами*» («Сказки народов мира» 1987, 100); «Конечно, трудное детство, семеро по лавкам росли на *бобовой похлебке*, а теперь вроде в люди выбился, дело свое имеет» («Золотая птица Гаруда» 1994, 151); «Как ни гони ты черную корову, // Что втихомолку в поле забралась // И объедает у *бобов листочки*, – // Уйдет ли прочь она, оставив их» («Бамбук в снегу» 1978, 219).

Бобы в корейской и китайской литературе цветовой образ. За ними закреплен красный цвет:

«Вдруг откуда ни возьмись лежит на дороге красное круглое *бобовое зернышко*» («Повесть о фазане» 1960, 135).

Бобы отмечены в составе РФХ и пословиц. Как правило, значение их понятно их текста произведения:

«Что же это он вдруг про меня вспомнил, отчего в *холодном котле бобы стали лопаться?* А, понимаю. Место покойницы жены пустует, вот он и хочет, чтоб я кого-нибудь ему сосватала» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 206); «Зять этот настолько глуп, что, как говорится, *не мог отличить бобов от ячменя*» («История цветов» 1991, 112); «Ведь всегда найдутся такие, кто на *пожаре у соседа ухитрится сварить свои бобы*. Так и тогда: страна пухла от голода, но было немало людей, сколотив-

ших на войне и сотрудничестве с японцами немалое состояние» («Золотая птица Гаруда» 1994, 55).

Бобы встречаются в сравнительной конструкции:

«Словно *проросшие бобы*, выглядывают из рогожи головы детей...» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 117).

Дыня

Дыня нередко выставлялись в качестве жертвоприношений. Это имело определенное символическое значение: большое количество семян сулило большое потомство семье, причем, что очень важно для Кореи и Китая, состоящее из сыновей; зеленый цвет – цвет юности; круглая форма – символ полного согласия в семье (см. об этом Сидихменов 2000, 64).

«На вершине горы стояла кумирня Гуаньди. Говорили, будто она чудотворная... Некоторые даже купили *дыни*, чтобы принести их в дар...» («История цветов» 1991, 521).

Дыня и арбуз соотнесены с любовной ситуацией:

«Ох, эта любовь, любовь, // Завязанная узлами, // Сплетенная, словно сети, // Те, что бросают в море, // Вьющаяся, как в поле // *Плети дынь* и арбузов, // Что через межи ползут! Она у меня такая!» («Бамбук в снегу» 1978, 214).

Дыня встречается в сравнительных конструкциях:

«Чуть ли не до плеч свисали похожие *на дыни* серьги» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 341); «Твои слова, мой друг, как *дыня*, сладки» («Бамбук в снегу» 1978, 220).

Красивые женские ноги отождествляются с *семечками дыни*. Подобное сравнение может вызвать у русскоязычного читателя недоумение, так как ему трудно принять за эталон красоты женских ног *дынные семечки*.

«... ты вскочила на качели ножками-*дынными семечками* и стала качаться среди белых облаков...» («Верная Чхун Хян 1990, 29).

Тыква-горлянка

Тыква-горлянка – особый вид *тыквы*, обычно в виде бутылочки, суженной посередине. Наряду с цветком лотоса, бамбуковой дудкой и веером *тыква-горлянка* считалась одним из неперменных атрибутов «восьми бессмертных» (Малявин 2000, 498). Примечательна символика *тыквы-горлянки*. *Тыква-горлянка* в китайской традиции есть универсальный символ и символ универсума как «мира в мире», то есть мира в целом и мира особого, другого, или, по-китайски, «*тыквенных небес*». Очень древние корни связывали *тыкву* с понятием первозданного Хаоса в Китае. Эти связи сохранились и в эпоху Средневековья, когда *тыква-*

горлянка считалась прообразом пустотно-вместимой Утробы Мира. Фольклор средневекового Китая изобилует легендами о «*тыквенных старцах*», живущих в *тыкве-горлянке*. В этих легендах узкое горлышко *тыквы*, подобно отверстию пещеры в Божественной горе, оказывается входом в потусторонний мир, в блаженную страну небесных небожителей. Кроме того, необычная форма *тыквы-горлянки*, как бы составленной из двух вкладывающихся друг в друга сфер, представляла символом недвойственной природы реальности как единения матери и ребенка. В Китае это сосуд для хранения жидкости послужил традиционным прототипом ваз и чайников. В минское время двери домов изготавливали в виде восьмиугольника и *тыквы-горлянки* – знаков космического цикла перемен и полноты Хаоса (Малявин 1995, 149; 216).

Цветы тыквы – элемент идеальной картины весны в пору цветения:

«The early morning starts with the wind, // *The pumpkin opens his day with many flowers*» (Park Young-man 1999, 63).

В буддийском мире считается, что *цветы тыквы*, как и всякие другие, достойны восхищения. Однако большинство русскоязычных читателей не сразу-то и вспомнит, как выглядят эти *цветы*, им и в голову не придет восхищаться ими. Невзрачные *цветы тыквы*, огурцов, картофеля, гороха и т. д. – это нечто повседневное, обыденное, которое не может расцениваться как предмет эстетики.

«Я родилась в провинции, – начала госпожа Сюй, – и прожила в глуши чуть не всю жизнь. У нас было заведено сажать возле плетня *тыквы*, вот мы и любовались их *цветами*, ну а потом лакомились *плодами*, наверно, поэтому больше всего я люблю *цветы тыквы*» («Сон...» 1982, 523-524).

Тыква – одна из бахчевых культур, традиционно выращиваемых в сельской местности:

«Северный дворик был ровным и широким. В нем – строгие квадраты грядок с луком и чесноком, уступами ниспадают, цепляясь за рейки и затеняя двор, *плети* огурцов и *тыкв*» («История цветов» 1991, 481).

Как и в других странах, в Корее и Китае *из тыквы* традиционно готовили различные блюда:

«В доме нет даже *тыквенной похлебки*, а вы чего захотели» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 117); «Служанки принесли «гостевой рис», салат из зелени, только что срезанную *тыкву*, барашка» («Сон...» 1982, 588); «На другой день навестить Пин-эр пришла монахиня Ван, принесла отборного риса, два десятка молочных лепешек и коробочку с соусом *из ароматной тыквы* и баклажанов» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 167); «A piece of *pumpkin-glutten candy* wrapped in newspaper» (Park Young-man 1999, 73).

Тыква выступает как цветовой образ, за ней в художественной литературе закреплены красный и желтый цвета:

«Волосы на макушках повылезли и виднелась кожа, красная, как *тыква...*» («История цветов» 1991, 509); «На ивах мох, и желтые *тыквы* здесь продают» («Китайская классическая поэзия» 1977).

Тыква-горлянка – материал, из которого изготавливали различные предметы быта. Высушенные *плоды тыквы бутылочной (горлянки)* выдалбливались и использовались для перевозки воды или лекарств; половинки *тыквы*, элементарная принадлежность хозяйства корейца, употреблялись как черпаки для воды или для вина:

«Бедная! Колени у нее обмотаны лоскутьями холста, от драного халата остались, казалось, одни завязки, на голове – вылянявшая зеленая шляпа, дырявые соломенные туфли одеты на босу ногу, в руках – пустой *тыквенный ковш*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 194-195); «Затем подали вино *в тыквенных чашах*, полных до краев...» («Сон...» 1982, 588); «А в дорогу он нарядился вот так: старая рваная шляпа ценой в семь грошей на рваной подкладке, к подшляпнику старым шнурком привязаны колечки, вырезанные *из тыквы-горлянки...*» («Роза и Альби Лотос» 1974, 342).

В старину в Корее бродячие актеры использовали сушеную *тыкву* в качестве музыкального инструмента:

«Как-то он раздобыл огромную сушеную *тыкву*, на которой играют во время танцев бродячие актеры» («Корейские предания и легенды...» 1980, 121).

Сушеная *тыква* была постоянным спутником Мудрейшего наставника, проповедника учения Будды Вонхё. С ней он ходил по стране, распространяя идеи буддизма. Это нашло отражение в литературе:

«И он дал названия своей *тыкве* «Муэ» – «Не надо мешать». Как и раньше, он слагал песни и пускал их по свету. Он обращал мирян в учение Будды» («Корейские предания и легенды...» 1980, 121).

Тыква-горлянка часто встречается в образных сравнениях при описании внешнего вида красавиц. Белизна кожи красавицы отождествлялась с нутром *тыквы-горлянки*:

«... кожа твоя сверкает белизной среди белых облаков, как нутро *тыквы-горлянки*» («Верная Чхун Хян» 1960, 44).

Хрупкое тело девушки уподобляется *тыкве-горлянке*:

«Ее хрупкое тело походило на плывущую по воде и колеблемую волнами *тыкву-горлянку*» (Би Сяошен 1992, 83).

Лицо, а также зубы красавицы соотносятся с *тыквенными зернышками*:

«Лицо овальное, как *тыквенное зернышко*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 158); «С этими словами она с осенней волной глаз послала неж-

ность, а затем вдруг раскрыла рот, и *тыквенные семена* еле-еле обозначились» (Пу Сун-лин 1999, 136).

С тыквой, правда незрелой, может отождествляться лицо не очень красивой и не очень опрятной женщины:

«Белила и пудру Юй-цзань накладывала как попало, так что лицо ее напоминало незрелую *тыкву*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 342).

Тыква встречается и в других сравнительных конструкциях:

«Затем они захотели разделить между собой, как *тыкву*, по частям старый дом Вана» (Пу Сун-лин 1999, 313).

Форма *тыквы-горлянки* считалась эталонной, поэтому многие предметы быта изготавливались по ее подобию:

«... кувшины в виде *тыквы-горлянки*, наполненные кипячеными сливками и вином-росой...» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 226); «Когда с Цинь-туна начали стаскивать штаны, у него из пояса выпал парчовый мешочек с благовониями, формой похожий на *тыковку-горлянку*» («Цветы сливы...» Т.1.1998, 141).

Тыква отмечена в составе известного древнего крылатого выражения «*тыквы и сливы*», которое имеет значение 'не желает, чтобы люди думали, что он крадет *тыквы* или прихорашивается после кражи *слив*':

«Я знаю, – сказала она, – что вы талантливый ученый, с одухотворенным и подвижным умом, и хочу поручить вам наш дом. Вот почему я и преступила боязнь, как говорится, «*тыквы и сливы*» (Пу Су-лин 1999. 245; 371).

Женьшень

На Востоке *женьшень* считается символом мужества. В Корее *женьшень* подразделяется на два вида: «*женьшень*, разводимый искусственно, называется *инсам*; *женьшень*, растущий в диком состоянии в глухих дремучих ущельях, называется *сансам*» (Паукер 1904, 67).

Корень женьшень стоит на первом месте среди растений, наделяющихся в корейской и китайской ментальности совершенно исключительными свойствами, в течение столетий считалось, что лекарства, изготавливаемые из *женьшеня*, обладают «божественной способностью обеспечивать физическое и психическое равновесие. Вера в волшебные свойства *женьшеня* находит отражение в литературе:

«... *инсам*, это святая, чудодейственная *трава*...» («Цветочница» 1986, 40).

Довольно подробную информацию о *женьшене* находим в книге В. В. Малявина «Китайская цивилизация» (2000, 336). В книге описывается форма *корней женьшеня*, его целебные свойства, приводится одна из легенд о *женьшене*:

«*Женьшень* значит «подобный человеку», ибо этот загадочный корень своей формой неотразимо напоминал человеческое тело. *Женьшень* слывет в Корее и Китае настоящей панацеей, он может помочь там, где другие снадобья уже бессильны. Согласно китайским медицинским справочникам, *женьшень* обладает свойствами «исцелять» пять внутренних органов, приводить к покою дух, рассеивать страхи, улучшать зрение, повышать чувствительность и просветлять ум, а, если принимать его продолжительное время, он укрепит жизненные силы и продлит жизнь.

Выкапывали *женьшень* весной или осенью. Для того чтобы проверить, действительно ли найденный корень относится к семейству *женьшеней*, два старателя быстро шли по лесу несколько километров кряду, и один из них держал чудесный *корень* во рту. Если к концу этого марша тот, кто держал во рту *корень*, не чувствовал усталости, можно было не сомневаться, что он настоящий. Употребляли *женьшень*, как правило, в виде настойки или отвара, который пили из серебряной посуды».

Иногда в тексте художественного произведения содержится информация о местах, где произрастает лучший в мире *женьшень*, описываются его формы, цвет и даже размер, а также приводится связанное с ним поверье:

«Лучший в мире *женьшень* водится в местечке Начжу провинции Чолла: у него совершенная форма, красноватый цвет, его «руки» и «ноги» длиной четыре чи, на «голове» маленькие рожки – такой *женьшень* называют «малышом». А есть еще «корень жизни», называемый «дерезником», он похож на собаку. Говорят, если хранить его тысячу лет, он начинает лаять на человека» («История цветов» 1991, 578).

Панты, медвежья желчь, *женьшень* и т. д. – дорогостоящие товары:

«А в свертках панты, *женьшень*, медвежья желчь и разные сорта киновари. Если все эти снадобья прикинуть на деньги, то наберется более десяти раз по сто миллионов лянов. Пожалуйста, торгуйте ими себе на пользу» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 141).

Итак, как показали исследования, практически все растения этой группы участвуют в создании идеальной картины мира природы в художественных произведениях двух стран. Каждый сезон имеет свой собственный набор «растительных» поэтических образов: весенние символы – *цветы, рододендроны, цветы тыквы, цветущие коричные, абрикосовые, грушевые, гранатовые и сандаловые деревья*; постоянные образы лета – *ароматные травы, созревающие огурцы и тыквы*, а также *рис*; осенние символы – *утун, роняющий листья, багряный клен*; приметы зимы – *покрытые инеем плоды мандаринового дерева*.

Некоторые «растительные» образы одновременно выступают как знаки разных времен года: *камыш, банановое и финиковое деревья*.

Растения-«простолюдины» выступают как эталоны женской и мужской красоты (*абрикосовое и грушевое деревья, утун, тростник, тыква-горлянка*), высоких морально-нравственных качеств человека (*мандаarinное дерево, цветы*). Некоторым приписываются лечебные свойства (*женьшень, лечебные травы*). С некоторыми из них образованы речения фразеологического характера, пословицы и поговорки. Дальневосточный фольклор изобилует растительными образами. Растения – часть мифов, легенд и поверий (напр., *коричное дерево, утун, тыква-горлянка* и др.).

Все растения, встречающиеся в корейских и китайских художественных произведениях имеют свою символику, которая придает национальный колорит этим произведениям.

Л и т е р а т у р а

1. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
2. Би Сяошен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
3. Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990. С.113-190.
4. Ван Вэй. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1959.
5. Ван Вэй. Стихотворения. М.: Худож. литер., 1979.
6. Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990.
7. Ду Фу. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
8. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худ.лит. (Ленингр. отд.), 1985.
9. Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
10. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
11. История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд.), 1999.
12. Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
13. Ким Си Сып. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худ. лит., 1972.
14. Китайская классическая поэзия. М., 1977.
15. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит., 1977.
16. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худ. лит., 1975.
17. Книга прозрений./ Сост. В. В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
18. Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худ. лит., 1956.
19. Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
20. Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худ. лит., 1980.
21. Ланьков А. Н. Корея: будни и праздники. М.: МО, 2000.
22. Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
23. Лим Чже. Мышь под судом. Повесть. М.: Худ. лит., 1964.
24. Малявин В. В. Китай в XVI-XVII веках. Традиция и культура. М.: «Искусство» 1995.
25. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
26. Нефритовая роса. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.
27. Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худ. лит., 1974.
28. Пак Ун Голь. Отечество. Роман. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.

29. Паукер Е. О. Корея. Бесплатное приложение к журналу «Живописное обозрение». СПб.: АО «Слово», 1904.
30. Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1966.
31. Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.179-244.
32. Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.288-322.
33. Повесть о фазане // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.131-147.
34. Повесть о Чёк Сёные (Чёк Сёный Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
35. Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. СПб.: Изд-во Азбука», 1999.
36. Самозванцев А. М. Мифология Востока. М.: Изд-во «Алетейа», 2000.
37. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
38. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
39. Симбирцева Т. М. Корея на перекрестке эпох. М.: ИД «Муравей-гайд», 2000.
40. Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
41. Сказки народов мира. М.: Изд-во «Правда», 1987.
42. Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.
43. Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худ. лит., 1982.
44. Сон Хён. Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып. 5. С.25-109.
45. Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
46. Тресиддер Джек. Словарь символов. М.: Изд-во торг. дома «Гранд» и др., 2001.
47. Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
48. Хён-жонг Чонг. Так мало времени для любви. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.
49. Цветочница. Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. на языках, 1986.
50. Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
51. Черепеховый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худ. лит., 1970
52. Чхунхянджон Квонджитан. («Краткая повесть о Чхун Хян»). Факсимиле ксилографа. М., 1968.
53. Ha Tae Hung. Guide to Korean culture. Seoul: Younsei University Press, 1968.
54. Park Young-man. The Scent of Flowers. Seoul: Hankang publishing Company, 1999.
55. Pratt Keith , Rutt Richard. Korea. A Historical and Cultural Dictionary. Great Britain: University of Durham, Curzon Press, 1999.

«Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии)¹

© И. В. Захаренко, 2003

В настоящее время в филологической науке признается мысль о том, что образ фразеологизма может интерпретироваться в пространстве культурного знания. В этом случае «вычленяется» культурный смысл предметов из мира «Действительное» или «Идеальное», которые участвуют в создании образа. Под *культурным смыслом предмета* подразумевается «совокупное», «кумулятивное» представление об этом предмете, сформировавшееся в процессе его существования в данной культуре (с древнейших времен до сегодняшнего дня), зафиксированное в языковом сознании и проявляющее себя в языке. Культурные смыслы кодируются кодами культуры, задающими и предопределяющими категоризацию, структуриацию и оценку материального мира. Таким образом, предмет, обладающий культурным смыслом, становится знаком «языка культуры» (эталоном, символом, стереотипным представлением и др.), говорящим не о мире, но об «окультуренном» мировидении.

Не случайно, что в составе многих русских фразеологизмов присутствуют компоненты, принадлежащие соматическому (телесному) коду культуры, поскольку тело человека издревле является источником познания и осмысления мира: знания и наблюдения человека о себе самом переносятся на окружающую действительность (Ср.: «Человек – мера всех вещей». *Протогор*). Наименования частей человеческого тела, специфичные для них свойства, характеристики, пространственные и временные их «измерения», которые, помимо «называния», несут в себе значимые для культуры смыслы, и образуют соматический код культуры.

Культурные смыслы слова «но́ги» в составе образа фразеологизмов можно свести к трем «базовым» представлениям, которые тесно связаны между собой, восходят к древнейшим формам осознания и моделирования мира-хаоса.

I. Прежде всего, *ноги* воспринимаются как крайняя *нижняя* точка в вертикальном положении человеческого тела. Подобное восприятие

¹ Тезисы написаны с опорой на материалы «Словаря живых фразеологизмов русского языка. Значение. Употребление. Культурный комментарий», создаваемого в настоящее время под руководством и редакцией В. Н. Телия, и в рамках научного проекта «Русское культурное пространство: Человек и Мир».

ног восходит к архетипической оппозиции «верх – низ»², которая применительно к телу человека реализуется в противопоставлении головы, символизирующей верх, главенство, интеллектуальное начало, и *ног*, которые связываются с нижним хтоническим (подземным) миром, поскольку соприкасаются с землей, и принадлежат *материально-телесному низу*³. Эти представления о ногах находят отображение в образе многих фразеологизмов.

Так, идиома **ставить / поставить <перевернуть / переворачивать> с ног на голову** содержит метафору, в которой искажение, запутывание ситуации, подмена идей или понятий уподобляются пространственной «перестановке» местами крайних точек в вертикальном измерении тела человека – ног и головы. Такая «перестановка» влечет за собой и противопоставление их «сущностей»: подмена «верха» как духовного и интеллектуального начала «низом» как материальным началом служит поводом для негативной оценки в образе фразеологизма. Например: *Резвая журналистка Хайкина истолковала слова Томилиной абсолютно превратно, все поставила с ног на голову, все исказила. (А. Маринина, Я умер вчера). Первоначальная идея такого праздника забыта, переименована, перевернута с ног на голову. Соответственно, и само празднование носит противоречивый характер. (МК, 2002).*

Подмена «верха» «низом» может повлечь за собой и более серьезные «последствия» – нарушение целостности окружающего мира, сопровождающееся психологическим ощущением хаоса, дисбаланса, разлада, нестабильности, что отображает образ фразеологизма **встать <становиться, переворачиваться/перевернуться> с ног на голову**. Например: *В давние времена этот праздник отмечали с размахом... Считалось, что жизнь замирает, люди приходили в смятение, все в мире людей смещалось, становилось с ног на голову, и начиналось то, что сейчас любят называть «беспредел». (Путешествие вокруг света, 2001). По себе помню, как это страшно, если мир с ног на голову переворачивается. Только у меня наоборот было: я с детства верил, что миром владеет дух, и когда впервые заподозрил, что Бога никакого нет,*

² Заметим, что архетипическая оппозиция «верх – низ» является одной из определяющих в мифопоэтической модели мира. В древнейших представлениях о структурировании пространства вселенная мыслилась и описывалась как система пар сбалансированных противоположностей, служащих для упорядочения хаоса, в которой всё предстает на своих местах и наполняется определенным содержанием: так, верх (небо) символически ассоциируется с божественным, духовным, а низ (земля) – с материальным [3].

³ В древнейших народных представлениях принадлежностью ног к материально-телесному низу мотивированы некоторые запреты, например, ложиться ногами к иконам, дабы не оскорблять их, или запрет расставлять ноги, стоя на молитве, чтобы между ними не проскочил бес. Кроме того, связь ног с производительным началом отображается в ряде магических действий, направленных на стимулирование воспроизводства (например, в святочных песнях при «вождении козы») [4: 325].

а есть одна только материя, то-то мне тоскливо, то-то бесприютно сделалось. (Б. Акунин, Пелагия и Черный Монах). В России нынешняя система ценностей перевернулась с ног на голову. (АиФ, 2001).

Опосредованное соотнесение образа фразеологизма с древнейшей оппозицией «верх – низ» наблюдается и в некоторых других идиомах с компонентом «ноги». При этом восприятие *ног* как материально телесного низа актуализирует «производные» от этого представления культурные смыслы, в которых *ноги* символически связываются с моральным унижением, психологическим подавлением, и как следствием этого – покорностью, зависимостью и под., что обуславливает определенные коннотации и оценки, «привносимые» данным компонентом в образ той или иной идиомы. Покажем это на примерах.

В образе фразеологизма **падать/упасть <кидаться/кинуться> в ноги <в ножки>** оппозиция «верх – низ» «проявляется» в сфере межличностно-социальных отношений. Как правило, при использовании идиомы подразумевается, что у участников ситуации разный социальный статус и что обращение просящего к другому человеку, который выше его по социальному положению, является крайним средством в решении его проблемы. В метафоре, лежащей в основе образа, мольба о выполнении просьбы уподобляется готовности просящего «с-низ-иться» (*кинуться, упасть*) до уровня ступней потенциального «благодетеля», опустить себя (свою голову) до уровня пыли, грязи. Данный образ мотивируется также древнейшими представлениями, в которых опускание головы к ногам воспринимается как символ смирения и покорности. Так, многим народам был присущ обычай падать ниц перед господином и ставить его ногу себе на шею или на голову, выражая этим свое повиновение и смиренное подчинение [2: 515]. Ср. также целование носка туфли папы, преклонение колен перед царской особой и под., что свидетельствует о социальной, «духовной» иерархии и неравенстве статусов участников ситуации. Например: *Ради Федора и его спокойной жизни она готова была не только кинуться в ноги ставшему чужим и взрослым бывшему однокласснику Потапову, она могла бы землю копать. (Т. Устинова, Большое зло и мелкие пакости). Приехали три блюстителя порядка: заявление писать будете? Теща, ясное дело, пишет, а дочь ее в ноги им упала: не губите моего сердечного! (АиФ, 2001).*

С рассмотренным фразеологизмом по типу образного осмысления компонента *ноги* сходен и фразеологизм **валяться в ногах <в ножках>**. Кроме того, данная идиома отображает стереотипное представление (за счет глагольного компонента *валяться*) о мольбе какого-л. лица, сопровождаемой потерей своего собственного достоинства, что в духовном коде культуры, понимаемом как совокупность нравственных установок и представлений, всегда оценивается негативно. Например:

Как ему не стыдно **валяться в ногах** у нее [Лары] и умолять... (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Если не обманет, то очень скоро у нее появятся деньги для Володи. Их хватит на то, чтобы он смог сам финансировать свой театральный проект, а не **валяться в ногах** у продюсеров. (А. Маринина, Когда боги смеются). Ситуация резко переменялась. Дежурный выскочил из-за перегородки и чуть ли не **валялся в ногах**, прося пощадить его и его детей, которых у него, может быть, не было. (В. Войнович, Москва 2042).

Идиома **вытирать/вытереть ноги** содержит метафору, основанную на символической функции *ног* как «средства» морального унижения, психологического «подавления», изначально связанного с агрессивным физическим воздействием на человека (ср.: *бить ногами; топтать ногами*). Ср. также древнейший образ победителя, который ставит ногу на поверженных врагов, символически закрепляя свое превосходство над ними и их покорение. В образе фразеол. противопоставление верха и низа выражается в пространственном «положении» участников ситуации: унижаемый человек находится (лежит) на уровне ног субъекта, пространственный низ же воспринимается как «средоточие» пыли, грязи, что находит также отображение в архетипической оппозиции «грязный – чистый», в которой грязь символически соотносится с нравственной нечистотой человека. В данном случае намеренное унижение другого человека, демонстрация пренебрежительного превосходства над ним уподобляются процессу его пачканья грязью – *вытиранию* о него *ног* – и воспринимаются как низменные, нечистоплотные поступки, оцениваемые в духовном коде культуры, безусловно, негативно. Например: *Зажигая сигарету, Кирилл искоса глянул на ссорящуюся парочку, и все стало ясно. ...Кирилл не любил, когда позволяют вытирать о себя ноги, а она [девушка] позволяла, да еще публично.* (Т. Устинова, Хроника гнусных времен). *На весь мир прогремела история, когда глава нашей делегации в знак протеста против нападков на Россию увел коллегу из зала: «...Я понял, что не хочу, чтобы об меня вытирали ноги, и предпочел вывести всю делегацию».* (МК, 2002). *В тебя до одури был влюблен твой одноклассник. ...Ты вытирала об него ноги, исследуя на нем прелести своих женских чар.* (Х/ф «Мусорщик»).

Культурные смыслы, присущие ногам, могут быть выражены и через наименования предметов обуви, что можно наблюдать на примере идиом **под каблук** <**каблук**, **башмаком**>, **под сапогом**; а также через «части» ног – **под пятой**⁴. Образ рассматриваемых фразеологизмов

⁴ Мы отдаем себе отчет в том, что сами наименования предметов обуви несут свои культурные смыслы, восходящие к тем или иным древнейшим мифологическим представлениям. Так, с древнейших времен обувь связывается с материально-телесным низом, в частности, женская обувь (каблук) воспринимается как *символ соблазнения*. В русской

мотивирован древнейшим метонимическим отождествлением части и целого: *ноги*, *пятки* как неотделимая часть целого (тела человека) и обувь как неотъемлемый их атрибут замещают самого человека – обладателя власти. В основе образа лежит метафора, в которой психологическая, политическая, военная зависимость извне уподобляется «физическому давлению» тела человека на опору, максимальный вес которого приходится на нижние точки соприкосновения с поверхностью – пятки, башмак, сапог, каблук. При этом *пята* как максимально широкая, крепкая, устойчивая часть ноги человека ассоциируется с тяжестью, гнетом, порабощением; *сапог* как разновидность военной обуви символически связывается с военной зависимостью, а *каблук* выступает как символ господства жены над мужем, которого в этом случае иронически называют подкаблучником. Например: *Асмита одержима жаждой власти, она умеет подавлять чужую волю, умеет нащупать ту точку, на которую надо нажать, чтобы влиять на человека. Сварго [ее муж] очень быстро оказался у нее под каблуком. МК, 2002. Побывав под сапогом всех мыслимых завоевателей, Мальта только к концу XX века обрела независимость. (Меридиан, 2001). [Американский кинорежиссер Филипп Нойс] решил снять картину о чеченской войне. ...Сейчас на Западе модно защищать право чеченского народа, стонущего под сапогом русского солдата. (Спецназ России, 2000). Еще полвека назад многие африканские страны были под пятой у колониальных захватчиков. (реч.) Иностранец, влюбленный в Россию, написал целый роман... Жители глухого рязанского села прозывают под пятой сталинского режисера. Здесь и дед Соломон, и русалки с языческими богами. (АиФ, 2002).*

II. Вторая группа культурных смыслов, носителем которых являются *ноги*, связана с представлением о том, что они служат «точкой» опоры вертикального (самого естественного для жизнедеятельности человека) положения в пространстве и выступают в роли символа «крепости», опоры и устойчивости в окружающем человека мире⁵. При этом

народной традиции существовал ряд «эротических» гаданий с обувью, которые сохраняются и в современном фольклоре (например, ложась спать, девушка клала под подушку башмак, приговаривая, чтобы суженый пришел во сне за ее обувью). Кроме этого, башмак с глубокой древности являлся *символическим знаком власти*. (Ср. также: в славянской народной традиции существовали свадебные обычаи – каждый из молодых пытался первым наступить на ногу друг другу или на постеленный ковер перед алтарем, что символизировало о главенстве «победившего» в доме) [1]. Однако описанные культурные смыслы предметов обуви являются в какой-то степени «производными» от тех, носителем которых являются *ноги* (поскольку обувь изначально связана с ногами), к тому же в рассматриваемых фразеологизмах отмеченная выше символика ног проявляется достаточно явно.

⁵ По-видимому, этим объясняется то, что огромное значение придавалось ногам в системе обычаев и запретов, связанных с процессом воспитания и «вращения» ребенка,

образы ряда фразеологизмов мотивированы древнейшим метонимическим отождествлением части и целого: *ноги* как неотделимая часть целого – тела человека – замещают человека как такового в совокупности тех или иных его проявлений.

Так, в образах идиом [**прочно <крепко, твердо>**] **стоять на [своих] ногах** и **вставать/встать <становиться/стать, подниматься/подняться>** [**прочно, крепко**] **на ноги** описанная выше символическая функция ног «усиливается» компонентами *крепко, прочно, твердо*; *ноги* же замещают самого человека – жизнеспособного, самостоятельного в своих поступках и решениях деятеля. Оба фразеологизма содержат метафору, в которой независимое, надежное положение человека в жизни уподобляется его «физической» устойчивости в пространстве. Фокус данной метафоры распространяется на сферу деятельности человека (социальную, экономическую, политическую и т. д.). Например: «*Самостоятельность*» – самому **стоять на ногах** в жизни, без подпорок и подсказок – вот что это значит. (В. Распутин, *Век живи – век люби*). В наше время женщины делают карьеру. Это позволяет им **твердо стоять на ногах**. (Т/спектакль «Верная жена»). Он не мельтешил, **стоял на ногах прочно**, не впадал в панику, если у него что-то не получалось. (В. Еременко, *Слепой дождь*). Тебе ли жаловаться, ты **крепко стоишь на ногах** – у тебя есть профессия, свой дом и полная независимость от родителей. (С. Максимова, *Двое*). Рано нам сыночком обзаводиться. Мне еще нужно **на ноги прочно стать**. Да и тебя это связало бы по рукам и ногам. (В. Лидин, *Первый ледок*). В последнем письме [из Израиля] Маша написала, что папа все еще не **встал на ноги**, лишь готовится к экзаменам на врача, а пока изучает иврит ...и работает кем-то вроде дворника, что дает им какую-то скидку при оплате квартиры. (В. Кунин, *Кыся в Америке*). **Становившаяся на ноги** новая промышленная аристократия выдвигала своих учителей и идеологов. (В. Вишневский, *Война*).

С рассмотренным фразеологизмом по типу образного осмысления компонента *ноги* сходен и фразеологизм **твердая почва под ногами**. Образ строится на совмещении символических функций *ног* и *почвы* (земли), которая предстает как надежная основа в жизнедеятельности человека и, кроме того, выступает как духовная опора его бытия⁶. В образе

что отображается в древнейших заговорах: *Ножки, ходите, свое тело носите; Пошли тебе Бог семеро ног* [4: 324].

⁶ Образ фразеол. отображает также древнейшие мифологические представления о земле как об одной из основных стихий мироздания. Символика земли многозначна: она воспринимается как символ женского плодородного начала и материнства; наделяется признаками святости, тесно связана с понятием своего рода и Родины, т. е. «своего» пространства и др. Наряду с данными представлениями, земля олицетворяет чрево, из которого все исходит, и могилу, в которую все возвращается; она является «границей» между

идиомы *ноги* замещают самого человека в совокупности его физических, ментальных, чувственных, эмоциональных состояний и проявлений и связываются с древнейшим мифологическим представлением о том, что человеку через *ноги* передается сила и энергия почвы, на которую он ступает [1]. Например: *После развода он начал пить, забросил дела, дал волю распущенным нервам. В результате потерял хорошую работу, разуверился в женщинах и друзьях, и ему оставалось только с отчаянием вспоминать то время, когда под его ногами была твердая почва, сам он был бодр, полон сил и все у него получалось.* (С. Максимова, Двое). *У нас, как и везде, большинство людей хотят жить, имея твердую почву под ногами, удовлетворяя свои материальные и духовные потребности устойчивым и приемлемым для себя образом...* (В. Терин, Массовая коммуникация: исследование опыта Запада). *Ощущение «твердой почвы под ногами» и уверенность в завтрашнем дне, столь необходимые в наше «смутное время», теперь будут знакомы вам не понаслышке.* (Реклама, 2002).

Как видно из анализа последнего фразеологизма, психологическое ощущение человеком устойчивости, стабильности и надежности своего положения в мире связывается с наличием крепкой и твердой «физической» опоры, поэтому ее потеря может привести к стихийному повороту событий, когда ими становится трудно управлять, что отображено в образе фразеологизма **вверх** <реже – **кверху**> **ногами**. Рассматриваемая идиома восходит к архетипической оппозиции «верх – низ» (см. выше) и содержит метафору, в которой нарушение привычного образа жизни, обычного течения дел, ощущение беспорядка, нестабильности уподобляется потере опоры, устойчивости в пространстве вследствие «перестановки» верха и низа. В образе фразеологизма пространственные отношения переносятся в событийную сферу. Например: *«Я дал слово защитнику, и с этой минуты все пошло **вверх ногами**: во-первых, потому, что защитник понес страшную чушь, а во-вторых, потому, что я увидел Катю.* (В. Каверин, Два капитана). – *Что правда, то правда, – сказал Иван. – Как только дали народу понюхать волю, сразу все **кверху ногами** перевернулось, то есть какая-то туманная пошла жизнь.* (В. Пьецух, Анамнез и Эпикриз). *При мачехе все в доме пошло **вверх ногами**: закончились милые вечерние посиделки, домашние «капустники», визиты друзей и знакомых...* (Р. Епифанов, Вспоминая прапорщика).

III. Третий культурный смысл, воплощаемый компонентом *ноги*, связан с символическим восприятием ног как *основного «средства» пере-*

человеческим и хтоническим («тем», подземным, «нижним») мирами, поэтому *твердость* почвы, непоколебимость подобной границы обеспечивает устойчивость человека в этом, «верхнем», мире [4: 180-182].

движения в пространстве. Однако интересно отметить, что в «чистом» виде как «орудие» перемещения *ноги* выступают в составе фразеологизмов достаточно редко. Скорее можно говорить о том, что важнейшая символическая «двигательная» функция ног «работает» на *окультуривание мира* и на расширение границ освоенного человеком пространства (ср.: освоение земель часто фиксировалось просто установлением стопы первооткрывателя на новую землю, символически закреплявшим покорение этой земли). Освоение мира сопровождается тем, что человек вступает в контакт с этим миром и наполняющими его «вещами», в нем он осуществляет деятельность, «заполняет» его событиями и явлениями, реализуя свое внутреннее «Я» в совокупности всех своих проявлений: мысленных, эмоциональных, интеллектуально-волевых, деятельностных и под. В связи с этим совсем не случайно, что образы многих фразеологизмов с компонентом *ноги* отображают стереотипные или эталонные представления о различных состояниях человека, необходимых для осуществления его деятельности, а также о видах самой деятельности, перенося пространственные отношения в духовную сферу. Показательным в этом смысле является фразеологизм **на ногах**, который предстает в трех значениях, «аккумулирующих» цельное представление о том, что осуществлять нормальную, успешную жизнедеятельность может только активный, здоровый, бодрый человек. Так,

на ногах 1 связан со стереотипным представлением об активной жизнедеятельности человека (ср.: значение ‘в состоянии повышенной активности; без отдыха’; имеется в виду, что лицо или группа лиц постоянно пребывают в заботах, в хлопотах, в работе, в движении). Например: – *А тебе и присясть [присесть] некогда [некогда]. – А как присядешь? – с готовностью откликается Василиса. – Весь день на ногах, то одно, то другое. (В. Распутин, Василий и Василиса). А потом большая нагрузка, весь день на ногах с подъемом в гору, и к вечеру, понятно, небольшой приступ, который вы приняли за предынфарктное состояние...* (Н. Кончаловская, *Волебство и трудолюбие*). *После убийства Столыпина вся полиция была на ногах. (Э. Радзинский, Сталин).*

На ногах 2 отображает стереотипное представление о здоровом физическом состоянии человека (ср.: значение ‘здоров, не болен’; имеется в виду, что лицо или группа лиц вернулись к обычной, нормальной жизнедеятельности после болезни). Например: – *Здоров я, здоров, товарищ лейтенант! Я на ногах. (Ю. Бондарев, Горячий снег). Молодой организм, рано победив болезнь, быстро справляется с ее остатками. Недели через две Петр был уже на ногах. (В. Короленко, Слепой музыкант).* Рассматриваемый фразеологизм образует некоторую парадигму: **на ногах – вставать/встать <становиться/стать, поднимать-**

ся/подняться> на ноги – **ставить/поставить <поднимать/поднять> на ноги**, в которой *ноги* наделены тем же культурным смыслом. См. примеры выше, а также: *Я не хочу даже думать о том, что болезнь твоя усилилась и тебе плохо. Пойми, это невозможно. Напряги всю свою волю, а она у тебя есть, и скорее становись на ноги.* (П. Павленко, *Верность*). *Слава богу, в нашей семье все здоровы, но, случись несчастье, продали бы последнее, желая **поставить на ноги** любимого человека.* (Д. Донцова, *Скелет из пробирки*). *В своей жизни я вылечил неисчислимое множество больных, но Иван Акимович, наверно, самый памятный мой пациент. Я выходил его, **поставил на ноги**, он жил еще не один год.* (Н. Евдокимов, *Страстная площадь*).

На ногах 3 связан со стереотипным представлением о бодром состоянии человека (ср.: значение ‘не спать; без сна’; имеется в виду, что человек пребывает в бодрствующем состоянии, как правило, после сна; при этом подразумевается, что у него множество дел и забот, вынуждающих его рано вставать). Например: *Когда председатель колхоза в четыре часа утра **на ногах** – и бригадирам неловко на перинах нежиться.* (В. Овечкин, *В одном колхозе*). *Скинув с себя груз, Софронников умылся прохладной водой озера, выбрал поплотнее тень под елкой и прилег отдохнуть. Через полчаса он снова был **на ногах**.* (Г. Марков, *Грядущему веку*).

Кроме того, символическая функция ног как «средства» перемещения в пространстве может сопровождаться в образе фразеологизма мотивацией этого передвижения, а именно подразумеваются внутренние состояния человека, побуждающие его к действию. Так, образ идиомы **уносить/унести ноги** отображает стереотипное представление о движении объекта за пределы какого-либо пространства, связанном с наличием чувства страха, с психологическим ощущением опасности. Например: *К Ариссе возвращалось тревожное ощущение, что все это добром не кончится. Пока не поздно, нужно забирать ребенка и **уносить ноги** из этого дурдома.* (Караван историй, 2001). *Он очень спешил... Он украл драгоценности и **унесил ноги**...* (Т. Устинова, *Большое зло и мелкие пакости*). *Помните аварию на Чернобыльской АЭС? ...СМИ молчали, и киевляне – вместо того, чтоб **уносить ноги** из города – пошли с детьми на первомайскую демонстрацию.* (МК, 2001). Или в образе фразеологизма **со всех ног**, выполняющего роль эталона быстроты перемещения в пространстве, побуждение человека к действию мотивируется также страхом или испугом, желанием помочь и под. Например: *[Наталья], увидев дым и огонь, **со всех ног** бежала от бани, где она проводила целые дни и ночи в слезах.* (И. Бунин, *Суходол*). *И хотя это происходило днем, мне стало страшно, и я **со всех ног** бросилась домой.* (МК, 2001). *Петя вызвал меня после обхода – я поле-*

тела со всех ног и сказала, что Саше гораздо лучше. (В. Каверин, Два капитана).

Культурный смысл ног как средства передвижения, необходимого в освоения мира человеком, связан также с древнейшим эталонным представлением о *ногах* как о мере расстояния в пространстве, что отобразено в образах фразеологизмов **на широкую ногу** в двух значениях и **на короткой <дружеской> ноге**. В идиоме **на широкую ногу 1** описанная эталонная функция ног проявляется в деятельностной сфере человека: образ содержит метафору, в которой всеохватность, масштабность развития какого-либо дела или проявления деятельности уподобляются способности перемещаться на значительное (*широкое*) расстояние в пространстве. Например: *Возможно, создатели пролетарского государства хотели покончить с воспитанием «благородных» и поставить на широкую ногу воспитание трудящихся и эксплуатируемых. (Комсомольская правда, 1992). Появилась теория, что гораздо полезнее и вкуснее молодое вино. Оно и понятно: виноделие поставлено на широкую ногу, нужно продавать продукцию. (МКБ, 2001). Видеопираты действовали на широкую ногу. Крупный подпольный цех, выпускавший пиратскую видеопroduкцию, раскрыт в Набережных Челнах. (МК в Татарстане, 2001).* В идиоме же **на широкую ногу 2**⁷ ноги как неотделимая часть целого (тела человека) замещают самого субъекта, масштабность натуры которого проявляется в его образе жизни. Образ содержит метафору, в которой «размашистый», щедро-расточительный, не ограниченный материально образ жизни уподобляется той же способности перемещаться на значительное (*широкое*) расстояние в пространстве. Например: *В начале 30-х Навашин – уже директор банка, крупный советский финансист, автор двух книг. Жил в особняке на широкую ногу. (Куранты, 1992). Несметные богатства позволили графу Строганову не только жить расточительно, на широкую ногу... но и приумножить эти богатства. (К. Коничев, Повесть о Воронихине). День рождения «кормильца» в этой семье праздновали, как всегда, на широкую ногу: с лучшими блюдами из самых дорогих ресторанов столицы, с шумным фейерверком и нужными для дома гостями. (реч.)*

Наконец, в образе фразеологизма **на короткой <дружеской> ноге** ноги замещают самого человека, способного вступать в определенные межличностные отношения при осуществлении какой-л. деятельности. Образ содержит метафору, в которой дружеские, свойские отношения между какими-л. лицами уподобляются незначительному (*короткому*) расстоянию в пространстве между ними, позволяющему «допустить» другого максимально близко в «свой» мир. Добавим, что образ фразеол.

⁷ Данный фразеол. употребляется в разных вариантах в русских народных говорах: жить на толстую ногу – ‘богато’, жить на тонкую ногу – ‘бедно’ и т. п. [2: 406].

восходит к древнейшей архетипической оппозиции «короткий – длинный», которая условно очерчивает границу между «своим», внутренним для человека пространством (в данном случае в пределах собственного физического тела) и пространством внешним, «чужим», и тем самым опосредованно связан с древнейшим противопоставлением «свой – чужой». Например: *В полку он ни с кем не был на короткой ноге, но и не бегал от товарищей. (Ю. Тынянов, Подпоручик Киже). Да я и сам стараюсь держаться с ними [кадровыми офицерами] не на короткой ноге, а в пределах служебного приличия. (С. Сергеев-Ценский, Утренний взрыв). Как вы сами понимаете, всю эту информацию я получал от Тимура, который в этом [полицейском] участке был со всеми на дружеской ноге. (В. Кунин, Кыся в Америке). Дама была на дружеской ноге с тогдашним президентом Франции и, пользуясь своим положением, передала ему письмо. (МК, 2002).*

Подводя итоги, повторим, что в русской языковой картине мира *ноги* могут восприниматься как материально-телесный низ, как символ крепости, опоры и устойчивости в окружающем человека мире, а также выполнять символическую «двигательную» функцию, неразрывно связанную с освоением мира человеком. При этом практически все культурные смыслы, носителем которых являются *ноги*, актуализируются в деятельностном пространстве человека или сфере межличностных отношений. Кроме того, отметим, что описанные выше культурные смыслы во многом определяют представления, стоящие за компонентами *шаг* и *след* в составе образа фразеологизмов. Рассмотрению данного вопроса мы надеемся посвятить наши последующие статьи.

Л и т е р а т у р а

1. Бидерманн Г., Энциклопедия символов. М., 1996.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. В. М. Мокиенко. СПб., 2001.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Гл. ред. С. А. Токарев. М., Рос. энциклопедия, 1997.
4. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.

Национально-культурная специфика ценностных доминант рекламного дискурса

© кандидат филологических наук И. В. Привалова, 2003

Аксиологическая природа текстового сообщения достаточно ярко проявляется в текстах рекламы, содержащих некоторую совокупность знаний о системе оценочных значений, принятых в определенном обществе.

Схема, описывающая процесс трансмиссии информационных сообщений: «адресант – текст – адресат», приобретает определенные особенности при проецировании ее на рекламные тексты. В качестве адресанта выступает не отдельная языковая личность, а коллектив авторов: редакторы, текстовики, дизайнеры, технические работники, а также представители PR-отдела фирмы-производителя, предоставляющие рекламному агентству информацию о своем товаре. Так рекламный текст является продуктом не индивидуального, а группового (коллективного) этнокультурного языкового сознания. При этом субъектом речевого воздействия выступает также не индивидуальное, а, в первую очередь, групповое, или коллективное сознание.

Рекламные тексты отличаются разнообразием жанров: печатная реклама, радио- и телевизионная реклама, электронная (I – net), постерная реклама. Но всех их объединяют стилистические (лаконизм, конкретность, общедоступность) и структурные (заголовок – текст – финал – слоган) характеристики этого вида дискурса.

Другой особенностью медиа текстов является определенное соотношение в них вербальной и невербальной информации. Воздействие языковых средств усиливается за счет включения фотографий, рисунков, карикатур, образов и т. д.

Наконец, главной целью рекламного сообщения (в отличие от нарративного текста) является воздействие на адресата с целью побуждения к совершению им выгодных для адресата действий. Таким образом, язык в рекламном сообщении реализует в первую очередь не коммуникативную, а вольнтативную и кумулятивную функции.

В современном рекламном тексте прослеживаются взаимодействие и взаимосвязь языка и культуры: современные рекламные тексты во многом отражают особенности коммуникативного поведения представителей определенного лингвокультурного сообщества. Культурные ценности проецируются в языковых единицах текстов массовой коммуникации, а с другой стороны, появление новых языковых единиц в рек-

ламе может привести к формированию определенных аксиологических тенденций в языковом сознании¹.

Реализация валонгитивной функции возможна через использование языковых средств, выбор которых в свою очередь обусловлен совокупностью ценностных ориентиров и норм данного общества. Рекламные тексты являются значимой составляющей массовой коммуникации и обязательно включают в свой операционный состав такие функциональные единицы когнитивного и культурного пространств как образы, представления, концепты, концептосферы, культураны, символы, мифологемы, пропущенные через призму определенных социально-культурных установок и ценностей. Анализ около 300 примеров рекламных текстов в печатных экономических изданиях: «Newsweek», «U.S. News», «Forbes», «Business Week», «The Economist» (2000-2002) позволяет проиллюстрировать вышеизложенное конкретными примерами.

Время – одно из самых больших американских ценностей: «Time is for the average American, of utmost importance. To the foreign visitor, Americans seem to be more concerned with getting things accomplished on time (according to a predetermined schedule) than they are with developing deep interpersonal relations... It may seem to you that most Americans are completely controlled by the little machines they wear on their wrists, cutting their discussions off abruptly to make it to their next appointment on time»². Лексическая единица «time» выступает в качестве опорного понятия в различных рекламных текстах:

«Banking on benches». Internet services, such as banking or booking flights, using the WAP browser. That's also a convenient time to check my email. On the large display I reply and write a reminder for the next day in the calendar. My time is my own to use as I like. With the Nokia 9110i Communicator I connect on the move».

(Newsweek, August 2002)

HSBC Your World Financial Services. At HSBC we want to help you manage your money and your time. By providing our services at branches, over the phone, through your television or PC, you have access to us when it's convenient to you.

(Newsweek, September, 2002)

Оптимизирующей формой воздействия на адресата является использование в рекламном тексте лексических единиц, которые номини-

¹ См.: Привалова И. В. Константная вариативность (опыт лингвистического исследования национально-культурных ценностей) // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 22. С. 5-14.

² Kohls R. The Values Americans Live By // Tason K., Posner A. Explorations in Modern Culture. Heinle – Heinle Publishers, 1994, p. 3.

руют сами американские ценности: «mobility /change/ new opportunities; practicality (save); future orientation» и т. д.:

«As a leading car manufacturer, Daimler Chrysler offers countless solutions for mobility...».

«Xerox supplies the perfect digital solution and saves \$ 1.000.000. There is a new way to look at it».

«Swess Re – solutions beyond the obvious ... As one of the world's foremost managers of capital and risk, we are constantly searching for solutions that lie beyond the obvious.

(The Economist, April-May, 2002)

В текстах американской рекламы достаточно часто содержатся ссылки и аллюзии на так называемый «американский миф», один из тезисов которого гласит, что нет ничего невозможного для того, кто готов трудиться и упорно идти к своей цели («мечты сбываются в Америке – стране равных возможностей»). Обращение к национально-культурной символике, мифологии позволяет создать эффект влияния на неосознаваемую аудиторией подсознательную информацию:

«Neuberger Berman (Private Asset Management): Money management is what we do. Technically speaking, we can also make dreams come true».

(The Economist, June, 2002)

Пожалуй, наиболее сильно воздействующими опорными понятиями – аргументами, используемыми в рекламных текстах, являются: «save money», «stop wasting money», «be richer». Валютативная цель рекламного текста может считаться достигнутой, если производителю удастся внушить, что приобретение его товара является прежде всего хорошим вложением денежных средств. Например:

«We are the premiere Global System for Mobile Communications (YSM) Wireless network in the US., the standard used in Europe, Asia and over 70 countries worldwide. You can now have the convenience of wireless service in America – and stop wasting time and money dealing with U.S. payphones and hotel switchboards».

(Forbes, September, 2001)

«CNBC is the only global business television news channel to offer you live, up -to -the second, real -time market data and analysis 24 hours a day. The more you watch, the richer you'll be.

CNBC. Profit from it».

(News week, December, 2002)

Обращение к универсальным ценностям, типа «Home, sweet home», – еще одна характерная особенность американских текстов массовой коммуникации:

«Four Seasons» (Hotels and Resorts): Is it possible to become homesick for a hotel? Far from home there in a place just as warm and welcoming».

(The Economist, May, 2002)

Вышеизложенные примеры позволяют заметить, что механизм воздействия на адресата осуществляется с помощью выраженной вербально аргументации. Апеллирование к национально-культурным ценностям и установкам можно рассматривать как эмоциональный аргумент.³ Эмоциональные аргументы, в отличие от рациональных, апеллируют к чувствам и подсознательной информации адресата, в них наиболее ярко проявляются категории оценочности и эмотивности. При этом оценочный компонент значения ключевых единиц типа: «mobility», «dream», «benefit», «opportunities», имплицитно связан с соответствующим эмоциональным компонентом. К группе эмоциональных аргументов относятся аргументы от общения, от личного опыта, от угрозы, от осуждения, от чужого авторитета. Интересно, что доводы от чужого авторитета нетипичны для американской печатной бизнес-рекламы и используются, как правило, для рекламы товаров международных фирм:

«To commemorate the 225th anniversary of its foundation, Montres Brequet is pleased to announce the issue of an exclusive, limited-edition wristwatch, created for the occasion. For 225 years, Brequet time-pieces have thus fascinated many of the world's leading writers, not least Balzac, Stendhal and Pushkin, along with such distinguished patrons as Marie Antoinette, Queen of France (1782), General Napoleon Banaparte (1798), Empress Josephine (1806), Tsar Alexander I of Russia (1809), Sir Winston Churchill (1946)...»

(Newsweek, September, 2001)

Рекламные тексты, являясь социальным продуктом, с одной стороны, отражают экономические особенности развития общества, а, с другой, несомненно, оказывают влияние на сознание потребителя (языковую личность) и, далее, на массовую культуру в целом. Эффективность механизма воздействия рекламных текстов зависит в том числе и от степени фиксации в них аксиологических доминант. Рекламный текст может быть показателем не только с точки зрения общепринятой в

³ Дудина М. Г. аргументация как одно из средств речевого воздействия (на материале текстов рекламы) // Проблемы прикладной лингвистики 2001. М., РАН, 2002, С. 19-26.

данном обществе системы ценностей, но и при исследовании социального характера нации. Э. Фромм считал, что социальный характер – это промежуточное звено между социально-экономической структурой и господствующими в обществе идеями и идеалами, а также посредник, действующий в обоих направлениях: от экономического базиса к идеям и от идей к экономическому базису⁴. По рекламным текстам можно проследить экономические тенденции, происходящие в обществе, а также составить представление об идеях, идеалах и ценностях, которыми оно живет.

⁴ Фромм. Э. Душа человека. М., 1992. С. 335.

Произведение изобразительного искусства как текст

© кандидат филологических наук Е. А. Елина, 2003

Этимологическое значение термина «текст» (ткань, связь, сплетение) отсылает нас к широкому пониманию термина, которое трактует текст как определенным образом устроенную совокупность знаков, обладающую формальной связностью и содержательной цельностью. Понятие текста не обязательно касается только языковых структур. Всякая знаковая структура, передающая определенное целостное значение, есть текст. «... текст можно рассматривать как произведение, как нечто сконструированное, специально созданное человеком»¹ Таким образом, текстами в широком значении можно считать совокупность имеющих знаковую природу социальных феноменов, составляющих культуру, иначе говоря, любые созданные человеком семиотические системы. Анализируя широкое и узкое понимание текста в герменевтике, Г. И. Богин отмечает: «Самая широкая трактовка понятия «текст» заключается в том, что текст выступает как общее название для продукта человеческой целенаправленной деятельности, т. е. как материальный предмет, в генезисе которого принимала участие человеческая субъективность»². Именно из-за «фрукторности» художественных текстов как культурных артефактов представляется слишком широким, выходящим за социально-культурную область толкование художественного текста как всего, что может заметить рефлектирующий человек, включая природу (что согласуется с известной формулой Ж. Деррида: «Внетекстовой реальности вообще не существует»³).

В качестве текстов рассматриваются и исследуются различные культурные артефакты, в частности кино, музыка, фотография, архитектура и др. Изображенный объект (объект изобразительного искусства) для выявления его знаковой структуры правомерно также рассматривать как текст с его цельностью, связностью его элементов и формально-содержательным единством. По определению Ю. М. Лотмана, текст мыслится как отграниченное, замкнутое в себе конечное образование, одним из основных признаков которого является наличие специфической имманентной структуры, влекущей за собой высокую значимость категории

¹ Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994. С. 161.

² Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982. С. 20.

³ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 313.

«границы» – рамы, и также тяготение к панхронности⁴ – все эти признаки свойственны тексту-изображению.

По Э. Бенвенисту, всякая семиотическая система характеризуется четырьмя отличительными признаками (операторным способом, сферой действия, природой и числом знаков, типом функционирования⁵, которые мы применяем к системе изобразительного искусства следующим образом:

- 1) операторный способ – способ, посредством которого система воздействует, то ощущение (зрение), через которое она воспринимается;
- 2) сфера действия – область (культура, искусствознание), в которой система признается и является обязательной;
- 3) природа и число знаков (материальное выражение цвета, линии, формы в бесконечных вариациях) – производное от вышеназванного;
- 4) тип функционирования – иконичность, континуальность, пространственность.

Перечисленные признаки текста как семиотической системы изобразительного искусства непосредственно связаны с типологией и функционированием знаков, образующих данную систему. Принимая общее определение знака как создаваемый двусторонний объект, репрезентант, замещающий другой предмет, используемый человеком для восприятия, передачи, хранения и преобразования информации об обозначаемом предмете, дополним его следующим, важным для нашей сферы, уточнением: знак «отражает и преломляет другую действительность, поэтому-то он может исказить эту действительность или быть верным ей, воспринимать ее под определенным углом зрения и т. д.»⁶.

Из трихотомии знаков Ч. Пирса (изображения – индексы – символы) выделяются *иконические* знаки (icon, или знаки-изображения) как составляющие, в частности, тексты изобразительного искусства. В основе иконического знака лежит такой тип репрезентации, когда знак обладает общими качествами со своим объектом, иначе говоря, «похож на него». В этом случае отношения между знаком и его объектом (формой и денотатом, означающим и означаемым) будут отношениями той или иной степени сходства, аналогии. Принципиальное отличие иконического знака от других типов знаков (символов, индексов) состоит в том, что форма его берет на себя функции значения – она сама по себе есть информация о денотате. Именно потому Ч. Пирс считал иконические знаки (а не символы и индексы) знаками *par excellence*, т. к., являя собой «непосредственный образ», эти знаки способны накладываться на свои объекты и даже до определенной степени совпадать с ними, их замещая; это тот единст-

⁴ Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 тт. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 149.

⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 76.

⁶ Бахтин М. М. Марксизм и философия языка. М., 1993. С. 14.

венный тип знаков, который не только обозначает свой объект, но и непосредственно отражает его⁷. Иконический знак является самым «простым, понятным», он в максимальной степени мотивирован «благодаря тому, что знак обнаруживает в себе самом свойства, которыми должен обладать его объект как денотат»⁸.

Отличием иконического знака, представляющего эстетический объект, от двух других типов знаков является также наличие достаточно значимой материальной субстанции, которую условно называют иногда «телом знака», совмещающим в себе собственно форму и материал. Если для восприятия конвенциональных знаков (индекса, символа) материал, из которого изготовлен знак, безразличен (пока он не мешает оптимальной передаче информации), то в изобразительном искусстве «тело знака», т. е. его физические функции, определяет данный тип изображенного объекта, в аннотации же к изображенному произведению обязательно указывается техника исполнения, основанная на определенном материале (масло, пастель, темпера, карандаш, акварель и др.). «Не меньшее значение для живописца, – отмечает С. М. Даниэль, – имеет сам материал... у каждого вида живописи – особая плоть: густая и вязкая фактура масляной краски, красноречивая плотность темперы, нежная, матовая поверхность пастели, прозрачность акварели»⁹. Употребление понятия «форма знака» применительно к эстетическому знаку должно предполагать совмещение в нем двух составляющих внешней стороны знака – конфигурации и материала. Иначе говоря, форма знака несет в себе не только «видимость», но и материальную основу, создающую эту «видимость».

Оперирование понятием «знак» применительно к изобразительному искусству закономерно вызывает вопрос: что именно считать знаком в изображении? В отличие от других семиотических систем, упорядоченно комбинирующих знаки ограниченного набора, вычленение в изображенном объекте этой составляющей значимой единицы оказывается более чем проблематичным, на что справедливо указывает Э. Бенвенист: «...лежит ли в основе всех этих искусств нечто большее, кроме расплывчатого понятия «изобразительное»? Можно ли в каждом или хотя бы в одном из них обнаружить формальный элемент, который можно было бы назвать *единицей* рассматриваемой системы? Но что такое единица живописи или рисунка? Фигура, линия, цвет?»¹⁰ Э. Бенвенист считает, что художник организует свою собственную семиотику, так как сами по себе цвета ни с чем не соотносятся однозначным способом, не имеют референ-

⁷ Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. Иваново, 1994. С. 251.

⁸ Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 57.

⁹ Даниэль С. М. Искусство видеть: о творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л., 1990. С. 130.

¹⁰ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 81.

та, и только в композиции, в результате отбора и аранжировки, они определенным образом организуются и приобретают значение. Сходным образом рассуждает Р. О. Якобсон, различая речевые единицы, которые конструируются для данной конкретной цели, но строго по определенным моделям, и зрительные знаки, в наборе которых нет таких компонентов, «и даже если какая-либо иерархия элементов существует, она не является ни обязательной, ни систематической»¹¹. Таким образом, искусство всегда предстает не «вообще», а как отдельное произведение, художник же в расположении мазков на холсте создает свои оппозиции, которые он сам делает значимыми (кстати, именно создание каждый раз «своей семиотики» дает повод существованию мнения об отсутствии семиотики искусства как таковой).

Отсюда следует, что изобразительное искусство принадлежит к уровню изображения, где линия, цвет, движение сочетаются друг с другом и образуют *единое целое*, подчиняющееся своим собственным закономерностям. Это «единое целое», т. е. весь нечленимый текст-изображение, мы понимаем как знак с его двухуровневой структурой (означающая сторона – низший уровень, означаемая – высший). Но не членимый на знаки текст разложим, тем не менее, на отдельные компоненты, которые В. В. Иванов, используя терминологию Л. Ельмслева, именует «фигурами». «Живописное полотно все целиком представляет собой текст, который не членится на отдельные знаки, в нем можно выделить отдельные элементы-“фигуры”, но они не являются самостоятельными знаками»¹². Под «фигурой» понимается такая единица, которая может быть условно выделена на основе формальных отношений, но сама не имеет значения. Введение понятия «фигура», доводящее до логического завершения мысль Э. Бенвениста о несовпадении единицы и знака, является и ответом на два его взаимосвязанных вопроса: 1) Можно ли выделить предельные единицы во всех семиотических системах? 2) В тех системах, где такие единицы существуют, являются ли они знаками?

«Фигурами» могут быть отдельные цветовые пятна, фрагменты линий, участки изображения, словом, все те элементы, которые в той или иной комбинации формально вычленимы, но имеют значение только в связи друг с другом и составляют целостный знак-изображение. Связанные заданными ограничениями в сочетаемости, каждая из «фигур» эстетического объекта имеет единственно возможное место на плоскости изображения и уникальное значение для знака в целом.

Текст-изображение как знак и фигуры, его составляющие, функционируют и описываются в трех измерениях, характеризующих в семи-

¹¹ Якобсон Р. О. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Семиотика и искусствометрия. М., 1972. С. 85.

¹² Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 210.

озисе три типа бинарных отношений Ч. Морриса: отношение знаков к объектам действительности и понятиям о них – *семантика* (условно этот тип отношений можно обозначить как «знак – объект»); отношение знаков друг к другу – *синтактика* («знак – знак», но применительно к тексту-изображению правильнее обозначить как «фигура – фигура»); отношение знаков к человеку, который ими пользуется (интерпретатору) – *прагматика* («знак – интерпретатор»). Синтактика – внутреннее свойство текста, семантика и прагматика – внешние его аспекты.

Синтаксический аспект эстетического объекта представляет собой множество элементов восприятия, на сочетаемость которых наложен ряд ограничений, упорядочивающий эти элементы. Синтаксическая упорядоченность основана на соединении элементов в единое целое на основе как эквивалентных, так и иерархических отношений между ними, причем это «целое» не является результатом простой суммы входящих в него элементов, а представляет собой качественно новое образование. Прагматическая сторона текста задана уже самим его социальным функционированием, иначе текст не существует как знак: «быть знаком» не есть качество изначально присущее вещам или явлениям, знаками они действительно становятся тогда, когда используются и понимаются субъектом в качестве знаков.

Синтаксические и семантические измерения, являясь, с одной стороны, неотъемлемыми сторонами семиотических отношений в искусстве, периодически превалируют друг относительно друга, характеризуя различные стилистические направления в изобразительном искусстве. Крайние оппозиционные отношения «синтаксис/семантика» характеризуют изображение, которое либо представляет собой неинтерпретируемую форму (крайний случай – абстрактная живопись), либо наряду с формой содержит ее интерпретацию.

Мы можем получить представление об изобразительной синтактике и семантике, объясняя семантическую способность «черточек, крючков, точек», подобных мозаике и не имеющих собственного миметического значения, приобретать значение, передавать какие-то характерные свойства объекта, когда они входят в определенные комбинации, когда они повторяются большое число раз в соответствующем контексте, «а их свойства как свойства меток добавляют что-то к внешнему виду изображаемого объекта»¹³. Если же система меток, мазков, пятен и определенных способов их сочетания и распределения в поле изображения начинает использоваться произвольно, а не в функции знаков определенных объектов, налицо синтаксическое построение изображения.

¹³ Шапиро М. Некоторые проблемы семиотики визуального искусства // Семиотика и искусствознание. М., 1972. С. 161.

«Преобладание» семантики свойственно реалистическому искусству. Семантика определяет возможность интерпретирования; Ю. К. Лекомцев, например, считает, что для семантического реалистического искусства характерна «почти однозначная интерпретация произведения»¹⁴. Как нам представляется, преобладание семантики свойственно также антиподу реализма – сюрреализму, изображающему субъективные состояния, подсознание, память и алогично сближающему удаленные друг от друга предметы реалистической стилистики – необычная семантика, представленная стилистически традиционно, реалистично или даже натуралистично, «поглощает» синтаксис.

Относительное «равноправие» синтактики и семантики можно отнести к импрессионистическому направлению в искусстве, поскольку импрессионистическая живопись, в которой отдельные части произведения не подчинены правилу детального соответствия частям объекта, является определенным шагом в сторону современной абстрактной живописи. «Знак дерева в целом распознается как дерево из контекста, но отдельные его части весьма мало напоминают листья и ветви... Перспективное видение различает такие объекты благодаря их общим силуэтам, тону и контексту, не различая деталей»¹⁵ – т. е. при частном преобладании синтактики сохраняется семантичность (наличие референции) художественного образа в целом.

«Усиление» синтактики наблюдается в развившихся в первое десятилетие XX века тогда новых направлениях искусства (кубизм, дадаизм, экспрессионизм – «кубизм в живописи искусствоведы метко называют “синтаксисом”»¹⁶. Синтаксичность в указанных художественных направлениях действует следующим образом: «При введении нового способа видения наступает такой момент, когда форма изображения превращается в сложный орнамент, но при этом оставляется интерпретируемый объект, который нужно «увидеть», т. е. своего рода принцип “найди человека в кустах”»¹⁷.

Однако полное вытеснение семантических отношений в пользу исключительно синтаксиса характеризует абстракционизм («нефигуративное искусство»), демонстрирующий полный отрыв от предметности и представляющий собой внутренне гармоничную комбинацию цветовых пятен и линий на картине. Таким образом, исключительно синтаксически организованный «текст» приближается к одноуровневому (где имеется

¹⁴ *Лекомцев Ю. К.* Процесс абстрагирования в изобразительном искусстве и семиотика // Труды по знаковым системам 11. Тарту, 1979. С. 137.

¹⁵ *Шапиро М.* Там же.

¹⁶ *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1985. С. 181.

¹⁷ *Лекомцев Ю. К.* Там же.

только означающее) искусству, с наименее сложной структурой художественного образа.

Таким образом, текст-изображение, являясь знаком, имеет, безусловно, свои собственные уникальные семиотические свойства. Накладывающаяся на данную систему словесная семиотическая система искусствоведческих текстов-интерпретаций рассматривается, естественно, как совершенно особенная знаковая система, построенная на конвенциональном функционировании знаков-символов. Однако обе знаковые системы, каждая из которых имеет 1) набор основных единиц (словарь); 2) правила их сочетания (грамматику), сближаются друг с другом по следующим критериям:

- и в языковой, и в изобразительной системах основополагающей структурной единицей является материальный *знак* (субзнак, фигура), различна только его природа;
- обе семиотические системы социальны, они создаются в социуме и предназначены для членов социума;
- языковая и изобразительная системы являются средствами передачи сообщения;
- и языковой, и изображенный объекты представляют собой систему только тогда, когда составляющие их элементы взаимодействуют, соотносятся друг с другом синтаксически: равноправно и соподчиненно (структурно и системно);
- и в системе языка, и в системе искусства знак связан с означаемым (предметом, денотатом), и эта связь позволяет системам быть семантическими, смыслообразующими;
- обе системы существуют только тогда, когда находятся в парадигматическом измерении (относятся к говорящему, слушающему, смотрящему субъекту-интерпретатору);
- базой для построения как языковой, так и изобразительной систем является действительность в той или иной форме;
- языковой код, приложенный к словесному искусству, и код изобразительного искусства представляют собой особые системы, в которых на первый план выходит их самостоятельная эстетическая ценность.

Рассматривая взаимодействие и интеграцию наук (в частности лингвистики и искусствоведения), причину сближения этих дисциплин можно отметить в *общности объекта исследования*: у языка – объекта изучения лингвистики и искусства – объекта изучения искусствоведения – обнаруживаются следующие общие черты: 1) «выделимость» объекта и его элементов; 2) знаковость; 3) «языковость», т. е. черты естественного языка как особой знаковой системы. Наличие системы знаков сближает естественный язык и язык искусства, а значит, лингвистику и искусствоведение.

Абстрактные имена в дискурсе школьников как средство отражения представлений о прецедентных именах, связанных с константами русской культуры

© Г. Г. Сергеева, 2003

Интерес современной лингвистики к разносторонним проявлениям феномена языковой личности влечет за собой взаимопроникновение различных отраслей науки и преодоление границ собственно-лингвистических исследований. В частности, вопрос о формировании дискурсивного мышления школьника тесно связан с проблемами лингвокультурологии, так как одной из важнейших составляющих этого процесса является усвоение ключевых концептов национальной культуры, ее констант. Константами русской культуры признаются «концепты, существующие постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов 2001:84] и отражающие общенациональные ценности, своего рода «коллективное бессознательное» современного российского общества» [Степанов там же: 8]. По выражению А. А. Леонтьева, «вообще процесс обучения может быть понят как процесс формирования инвариантного образа мира» [Леонтьев 1999: 273]. И поскольку образ этот национально детерминирован, ведущая роль в его формировании принадлежит обращению языковой личности в период становления к национальным прецедентным текстам.

Существуют различные подходы к определению концепта, но каждая из трактовок подразумевает единицу, призванную синтезировать элементы языка и культуры. «Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Именно человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. <...> В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание же отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей» [Слышкин 2000: 9]. Концепт вмещает в себя культурную информацию, связанную с национальной традицией, верованиями, законами, обычаями и передаваемую из поколения в поколение. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. <...> Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов там же: 43]. Объем присвоенной человеком культуры соотносится с

совокупностью распределенных им культурных предметов. А тот факт, что концепты опредмечиваются в языке, дает основание соотносить их структуру со структурой содержания слова. Как известно, современное языкознание в структуре содержания слова вычленяет *значение* и *смысл*. Под *значением* слова подразумевается прежде всего его словарное толкование. *Смысл* включает ассоциируемые со словом в сознании говорящих представления фактического и оценочного характера (ассоциации и коннотации). Поскольку в структуру концепта входят ассоциации, оценки, термин *концепт* выступает в роли синонима термина *смысл*. Овладение смыслом национальных культурно-ценностных доминант для языковой личности в процессе становления происходит прежде всего через «распредмечивающее понимание» [Богин 1993: 105] национальных прецедентных текстов.

Официально санкционированный государственными социальными институтами корпус национальных прецедентных текстов, в частности текстов русской классической литературы, представлен государственной общеобразовательной программой, усвоение которой является необходимым звеном процесса социализации личности. «Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 2002: 216]. Прецедентные тексты, в данном случае хрестоматийные тексты русской классики, выступают как «средства когнитивно - эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающие на глубину индивидуальной и групповой памяти» [Сорокин, Михалева 1993: 104], как единицы хранения культурной информации.

Рассмотрим вопрос о том, какие смыслы стоят за этими прецедентными феноменами в дискурсивном мышлении подростков и какова при этом роль абстрактных имен как знаков ключевых концептов русской культуры, за которыми стоят названные феномены. Материалом исследования послужили данные семантического эксперимента, проведенного в форме теста на свободную интерпретацию с учащимися 10-11 классов московских общеобразовательных школ. Предложенная респондентам анкета включает задания, связанные с вербальной экспликацией представлений, стоящих за прецедентными именами – символами соответствующих прецедентных текстов. Под символом понимается имя персонажа, «служащее не только обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата и все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом» [Караулов 2002: 55]. При восприятии такого имени «актуализируется так или иначе весь прецедентный текст, т.е. приводится в состояние готовности (в меру знания его соответствующей личностью) для использования в дискурсе по

разным своим параметрам – либо со стороны поставленных в нем проблем, либо со стороны своих эстетических (содержательных или формальных) характеристик, либо как источник определенных эмоциональных переживаний, либо как источник сходных ситуаций, либо как образец для подражания или антиобразец и т.п.» [Караулов там же: 218-219]. Прецедентные имена в роли символов соответствующих прецедентных текстов выполняют функцию единиц, отражающих категории культуры.

Подход к формулировке вопросов анкеты (например, *Что имеется в виду, если о человеке говорят, что он настоящий Онегин?*) базируется на методических разработках Д. Б. Гудкова, В. В. Красных и ориентирован на выявление инварианта восприятия прецедентного имени определенной социальной и возрастной группой (городские подростки старшего школьного возраста).

подавляющее большинство ответов содержит дифференциальные признаки, эксплицированные посредством прилагательного или причастия: *пассивный, уставший от всего, эгоистичный; равнодушный, бездеятельный, скучающий; разочарованный, красивый; разочарованный в жизни, равнодушный, талантливый, но неспособный применить талант; самовлюбленный, образованный, самолюбивый; благородный, романтический; умный, образованный, противоречивый; загадочный, умный, честный; резко отличающийся от основной группы людей, общества и т. п.*

Часть ответов содержит экспликацию представлений посредством имени. Среди них - номинация лица как носителя определенных качеств: *эгоист; денди; щеголь; франт; герой-любовник; ловелас; дон жуан; сердцеед; бабник; отшельник; романтик; мечтатель*; атрибутивные синтагмы с такими именами: *самовлюбленный эгоист; современный, следящий за модой любимчик дам; праздный кутила; богатый бездельник*; лексикализованные сочетания: *баловень судьбы; белая ворона*; экспрессивно-оценочные: *подлец; негодяй; наш человек; просто герой!*

Особый интерес вызывают ответы, представленные абстрактными именами, так как именно эта категория имен наиболее часто связана с ключевыми концептами национальной культуры. В культурном пространстве лингво-культурного сообщества и индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности, принадлежащей к данному сообществу, такие имена играют особую роль. «Все, что есть в языке, - достояние социума и может стать достоянием индивида, если этот индивид – личность, т.е. осознает свою причастность к культуре народа, осознает себя его частью. Абстрактные имена по структуре своей и по статусу своему делают (обеспечивают) эту причастность. Они мост между личностью и обществом» [Чернейко 1997 [11]: 51]. Прежде всего имеются в

виду имени, обозначающие этические понятия. «В именах этических понятий, в отличие от конкретных имен, прототипы – артефакты, хотя их «сырье» принадлежит действительному материальному миру. Это поступки людей, возведенные в ранг добродетели или злодеяния. Получается, что этические понятия вырастают из осмысления межличностных взаимодействий, а действия людей осмысливаются как поступки со знаком «плюс» или «минус», когда есть для этого мера – имена, вмещающие эти понятия» [Чернейко 1997 [12]: 122]. В нашем случае роль такого прототипа выполняет денотат прецедентного имени – соответствующий художественный образ (литературный персонаж).

Результаты эксперимента показывают, что количественный показатель ответов, в которых представления эксплицированы посредством абстрактных имен, стабилен – по каждому из прецедентных имен в списке он составляет 5-6% от общего числа. В чем состоит отличие этих ответов от других? Представления, стоящие за прецедентными именами, выступают в них «как эталонное воплощение абстракций» [Гудков 1999: 108]. Происходит апелляция к эталону, «представляющему собой «крайнюю точку» на шкале оценки, наиболее полно воплощающему то или иное качество» [Гудков 2003: 157]. Можно сказать, что это ответы на иной вопрос, а именно: *Что символизирует данное имя?*

Приведем примеры наиболее показательных в этом отношении ответов: *символ безмолвия (Молчалин); воплощение женственности, лучших душевных качеств (Татьяна); воплощение жадности и расчетливости (Плюшкин); символ авторитарной и тоталитарной власти (Кабаниха); олицетворение естественности, непосредственности, необычайной живости (Наташа Ростова).*

Именно в таких ответах особенно убедительно подтверждается тот факт, что прецедентное имя может являться не только способом указания на соответствующий прецедентный текст, но и символом определенных черт характера (модели поведения). Ассоциативный тезаурус русского языка [АТРЯ 1996] фиксирует такие апперцепции в ассоциативно-вербальной сети носителей языка, выражающиеся в парах стимул – реакция: *лень – Обломов; скупость – Плюшкин; сострадание – Соня Мармеладова; вранье – Хлестакова* и др. Понятия, выраженные абстрактными именами, в ассоциативном поле наполняются экстенционально, путем указания на конкретные денотаты (художественные образы), выполняющие роль эталонного воплощения данного понятия. Прецедентное имя выступает в качестве знака прецедентной ситуации, «оказываясь в теснейшем взаимодействии с соответствующим АИ, как и оно указывая на определенный концепт, являя пример тех лиц, чьи поступки «возведены в ранг добродетели или злодеяния» [Гудков 2003: 180].

По всей вероятности, денотаты именно тех прецедентных имен, которые показали в ответах респондентов более высокий процент использования абстрактных именований, наиболее полно представляют собой определенную модель поведения. Приведем отдельные примеры лексических рядов из материалов проведенного исследования с указанием на процентное содержание ответов данной категории:

Митрофанушка (8%) – лень, глупость; неграмотность, лень; лень, невежество; необразованность, лень, тупость, невежество; глупость, лень, ограниченность.

Плюшкин (8%) – скупость; чрезмерное накопительство, лицемерие; жадность; ненасытность; жестокость (люди мрут как мухи).

Коробочка (8%) – накопительство ненужных вещей; скупость, собирательство; бережливость, принимающие крайние формы; недалекость, хозяйственность.

Катерина (8%) – чистота, доброта, любовь; любовь, нежность, искренность; любовь, доброта; совестливость, благородство, нравственная чистота; правда, совесть, чистая душа; богобоязненность, совестливость, честность; протест против общества, самопожертвование.

Болконский (8%) – ум, гордость, жажда славы и жертвы, некоторый эгоизм; тщеславие, усталость, непонимание смысла жизни; сила воли, самоконтроль, ум; личный эгоизм в сочетании с самоотверженностью; развитое чувство долга; ум, гордость; красота, гордость, великодушие; патриотизм, жажда славы.

Обломов (9%) – лень, мечтательность; бездеятельность, вечное откладывание на потом; лень физическая и духовная; пассивность, отсутствие желания к чему-либо; лень, отрешенность; правдивость; «голубиная» нежность, наивность.

Кутузов (11%) – ответственность, патриотизм; верность родине, чувство долга; старческая мудрость; талант и мудрость; мудрость полководца; патриотизм, смелость; ум, талант, храбрость.

Наполеон (14%) – тщеславие и лицемерие; эгоизм и самовлюбленность; сила, надуманность, маска; безразличие к другим людям; лицемерие, самовлюбленность, жестокость; эгоистические взгляды, мания величия; тщеславие и гордость; тщеславное величие, авантюризм.

Наташа Ростова (15%) – красота, наивность; чистота, нежность, любовь; наивность, доброта; естественность, доброта, жизнерадостность, простота; источник детской радости и веселости; непосредственность, жизнерадостность; детскость; чистота, живость; легкомыслие, веселость, человек чувства; вера в чистую любовь; цельность характера; познание, молодость; становление женщины; счастье семейное.

При всем различии представлений, актуализируемых прецедентным именем, можно отметить, что в каждой группе ответов присутствует доминирующий признак (или признаки), эксплицированный посредством абстрактного имени: *невежество; жадность; накопительство; любовь, совесть; ум, гордость; лень; мудрость; тщеславие.*

Имя *Наташа Ростова*, инициировавшее наиболее частое использование абстрактных имен, имеет более многокомпонентную структуру, в которой сложнее вычленить доминанту. Это имя значительно чаще других эксплицировано вербальной единицей *идеал* (*идеал; идеал женщины; настоящий идеал; идеал Толстого; чудо, а не девушка, просто идеал*): такие ответы составляют 8% от общего числа. Можно предположить, что именно потенциальная множественность личностных смыслов, стоящих за понятием *идеал*, определяет специфику структуры данного прецедентного имени, а именно более широкий спектр его дифференциальных признаков по сравнению с другими именами. Однако признаки эти близки в смысловом и оценочном отношении.

Таким образом, абстрактные имена в роли составляющих структуры прецедентного имени фактически являются средством вербальной экспликации национально детерминированных инвариантов представлений, стоящих за соответствующими именами. Данные инварианты в минимизированном, редуцированном виде хранятся в когнитивной базе, составляя ядро знаний и представлений, общих для большинства представителей русского лингво-культурного сообщества.

Следует заметить, что вероятность использования абстрактных имен в данной функции существенно снижается, если прецедентное имя вызывает значительные противоречия в оценке своего денотата. Самый низкий показатель из 25 имен в списке выявлен в отношении имени *Чичиков* (3% от общего числа). Получены следующие ответы: *обман, алчность; изобретательность, дар убеждения; предприимчивость, мошенничество.* Анализ структуры данного имени показывает, что подобное соотношение положительной, отрицательной и противоречивой оценки сохраняется среди всех ее составляющих. Под влиянием экстралингвистических факторов имя *Чичиков* вопреки традиционным интерпретациям соответствующего прецедентного текста все реже актуализирует отрицательные коннотации. Материалы исследования позволяют сделать вывод, что причиной этого является изменение статуса понятия *предприимчивость* в ценностной шкале русского лингво-культурного сообщества. *Чичиков* перестал символизировать однозначно отрицательного героя. Школьников более не убеждают даже столь эмоциональные строки: «С гениальной художественной прозорливостью Гоголь показал <...> ту страшную угрозу, которую нес народу мир Чичиковых, мир капиталистического хищничества» [Как написать со-

чинение? Справочник школьника 1997: 159]. *Чичиков*, конечно же, не стал *героем нашего времени* (таков один из ответов), но и на роль анти-образца, эталонного воплощения каких-либо отрицательных качеств, означаемых абстрактными именами, претендует все менее, что и подтверждается данными эксперимента.

При истолковании прецедентных имен, вызывающих отрицательные коннотации, чаще всего школьники использовали следующие абстрактные имена: *жадность, лень, обман, эгоизм, лицемерие*. Положительные характеристики эксплицированы именами: *любовь, ум, чистота, доброта, искренность, благородство*. Таким образом, эти имена занимают одно из центральных мест не только в культурном пространстве сообщества, но и в индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности подросткового возраста. «Ядерное положение в коллективном языковом сознании ЛКС и в коллективном бессознательном этого сообщества» [Гудков 2003: 179] является основой системы взаимосвязей и взаимовлияния между прецедентными и абстрактными именами, выполняющими роль единиц хранения национальной культурной памяти.

Л и т е р а т у р а

- [1] Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь. Кн. 1-4. // Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. М., 1994, 1996.
- [2] *Богин Г. И.* Субстанциональная сторона понимания текста. Тверь, 1997.
- [3] *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- [4] *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- [5] *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2002.
- [6] *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
- [7] *Машинский С. О.* Художественный мир Гоголя (о Чичикове) // Как написать сочинение. Справочник школьника. М., 1997.
- [8] *Слышкин Г. Г.* От текста к символу. М., 2002.
- [9] *Сорокин Ю. А., Михалева И. М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
- [10] *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.
- [11] *Чернейко Л. О.* Абстрактное имя и система понятий языковой личности // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997.
- [12] *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени М., 1997.

Стереотипы как результат когнитивной деятельности человека. Стереотип России и русских в англоязычных СМИ

© Н. Г. Табалова, 2003

Одним из основных признаков социализации человека, группы, сообщества, нации является их личностная, групповая, и т.д. идентичность (отнесения себя к какой-либо группой, сообществом), которая формируется в результате социализации и формирования культуры. В современной науке существует множество различных трактовок понятия «идентификация», но основной является понимание ее как «процесса перенесения индивидом на самого себя качеств и особенностей его внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в данных условиях. Идентификация служит основой процесса подражания, т.е. не насильственного, а свободного выбора человеком тех качеств, умений и ценностей, какими он хотел бы обладать» [5: 131].

Выделяют несколько уровней идентичности в зависимости от субъекта идентификации (или объекта, если он идентифицируется человеком). Первый уровень – личностно-психологический – осознание кем он является («кто есть Я»). Второй уровень – социально-психологический, когда представления о себе формируются как производные от осознания человеком своей причастности к определенной группе людей.

Разновидностью социально–психологической идентичности является *этносоциологическая (национальная) идентичность – осознание личностью своей принадлежности к определенной нации*. Она удовлетворяет, с одной стороны, потребность в самобытности и независимости от других людей, с другой – потребность в принадлежности к группе и защите. Результатом процесса идентичности является появление социальных стереотипов. Причем они могут возникнуть как в результате самоидентификации и самокатегоризации самой нации, так и в результате ее стереотипизации какой-либо другой нацией. И что самое главное, социальные стереотипы в этих случаях могут быть в большей или меньшей степени различными. Это происходит из-за того, что в обоих случаях на первый план могут выходить разные особенности нации, стереотипы ее поведения, а также может отличаться количественное и качественное знание о нации.

Культурная ценность национальной идентичности очень высока, так как дает возможность самореализации личности, большую, чем любые другие социальные группы. В большинстве случаев националь-

ная идентификация происходит на основе подражания, когда индивид осознанно или неосознанно копирует стереотипы поведения и мышления той этнической общности, в которой он воспитывается и живет. В свою очередь, эти стереотипы поведения и мышления будут проявляться, опять же осознанно или неосознанно, в его поведении и реакции на все происходящие в мире. Заложенные в сознание с самого детства, эти стереотипы в последующем будут оказывать большое влияние на действия человека в той или иной ситуации, на характер его общения с представителями других групп, на способ видения мира в целом. Все это найдет выражение в различных видах деятельности индивида.

Нас, естественно, прежде всего интересует языковая деятельность человека, его речь. Ведь именно в речи часто проявляются неосознанные мотивы поведения и стереотипы мышления. Различные языковые средства, такие как метафоры, сравнения и др. как ничто другое отражают сознание индивида, его видение действительности, отношение к ней, часто не до конца осознаваемое. Хотя неосознанность и спонтанность – это скорее характеристики разговорной, или неподготовленной речи, но и подготовленная речь, к каковой относятся и публикации в СМИ, которые являются предметом нашего исследования, могут и часто содержать те подсознательные элементы нашей картины мира, которые выражаются в языке.

Но язык не только отражает наше сознание и то, как мы воспринимаем реальность, язык также способен творить реальность. Рассказывая о событиях, фактах, давая им свою оценку, интерпретацию, мы формируем более или менее устойчивые образы, как в своем сознании, так и в сознании тех людей, которым мы адресуем наши речи и высказывания.

В этой связи необходимо отметить такую особенность человеческого сознания, как стремление воспринять, осознать и объяснить новые идеи, понятия, процессы, часто имеющие абстрактный характер, через уже знакомые образы и понятия, ставшие обыденными и понятными и, следовательно, легко анализируемыми, разлагаемыми на составляющие и «собираемыми» обратно. Кроме того, мы часто склонны «образно» говорить о вполне обыденных и понятных вещах с той целью, чтобы сделать наши суждения и оценки более убедительными, тем самым реализуя не только информационную, но и эмфатическую функцию нашей речи.

Таким образом, данная особенность нашего сознания учитывается во всех сферах общения, как при обсуждении и разъяснении серьезных общественных и политических вопросов, так и в разговорах на повседневные темы.

С другой стороны, анализ того, как те или иные ситуации, события, факты представляются разными людьми или группами, может помочь в объяснении поступков, реакций этих людей и групп, а также предвидеть, угадать их действия и реакции в будущем.

Блестящим примером такого анализа является книга Джорджа Лакоффа «Моральная политика» [9], в которой автор дает подробный анализ двух систем морали, являющихся основой двух различных мировоззрений, на которых, в свою очередь, стоит американское общество. Ведь для того, чтобы быть понятыми, а самое главное принятыми обществом, нужно разделять принятые в этом обществе моральные установки и ценности.

Размышляя над тем, что же объединяет моральные приоритеты тех и других, Дж. Лакофф приходит к выводу, что существует некая общая идея, которая заставляет консерваторов выбирать один набор метафорических предпочтений, рассуждая о морали, а либералов другой. И этой общей, объединяющей идеей является семья. Проводя дальнейший концептуальный анализ, исследователь приходит к выводу, что в политическом мировоззрении либералов и консерваторов глубоко укоренились две модели семьи: это «Мораль Строгого Родителя» (“Strict Father Morality”), исповедуемая консерваторами, и «Мораль Заботливого Родителя» (“Nurturant Parent Morality”), которая является основой мировоззрения либералов. Различные ценностно-моральные векторы этих двух мировоззрений являются причиной непонимания взглядов, действий, аргументов представителей двух доминирующих в стране политических лагерей. Более того, различные моральные установки в частности и мировоззрение в целом являются причиной того, что консерваторы и либералы, говоря на одном и том же языке – английском, вместе с тем говорят на разных понятийных языках, вследствие чего не понимают друг друга и, более того, не усматривают никакого здравого смысла в действиях оппонента и считают их (действия) противоречащими их же принципам и установкам. Вследствие этого, говоря об одном и том же, консерваторы и либералы приходят к различным умозаключениям. Имеет смысл привести несколько примеров из данной книги.

Например, либералам кажется абсолютно алогичным и противоречивым тот факт, что консерваторы выступают против абортов, спасая, таким образом, жизнь еще не родившихся детей; и в тоже время они выступают против социальных программ, направленных на то, чтобы помогать малоимущим и так называемым неблагополучным семьям и призывают сократить количество таких программ. Противоречием либералы считают то, что консерваторы, защищая право человека на жизнь, хотят сохранить ее тем детям, чьи родители не хотят их рожде-

ния, но в то же время не стремятся обеспечить это право тем детям, родители которых хотят их рождения. А консерваторы не видят здесь никакого противоречия.

Еще один пример. Консерваторы выступают за увеличение бюджета на содержание армии и тюрем, так как считают, что эти государственные институты обеспечивают безопасность, и в то же время выступают за сокращение контрольных государственных органов, действие которых направлено на защиту общественных интересов, считая, что они выполняют функцию вмешательства, а не защиты. Это и многое другое кажется либералам нелогичным и противоречивым.

В свою очередь, для консерваторов существует не меньше таких концептуальных загадок в действиях и заявлениях либералов. Так, например, либералы заявляют, что они за свободный труд, и в то же время поддерживают ограничения по окружающей среде, которые препятствуют развитию бизнеса и тем самым сокращают рабочие места. Либералы выступают за развитие, расширение экономики и в то же время голосуют за законы, направленные на регулирование предпринимательства, что для консерваторов равносильно препятствованию развития последнего. Либералы провозглашают, что каждый американец должен иметь возможность достичь «Американской мечты» и в то же время карают финансовый успех, голосуя за прогрессивный подоходный налог. Находя все это нелогичным, консерваторы обвиняют либералов в непоследовательности и неясности их политического курса. Либералы же не видят в этом никакого противоречия.

Таких примеров взаимного непонимания можно привести много. Причина же всех их кроется в том, что одним и тем же моральным принципам, которые лежат в основе двух мировоззрений, придаются противоположные приоритеты. В результате одна концептуальная метафора, используемая и консерваторами и либералами, а именно «страна – это большая семья», где роль родителя играет правительство, и этот «семейный уклад» основан на определенных моральных устоях (законах), обыгрывается с совершенно противоположных сторон и придает действиям и высказываниям представителей того и другого политического лагеря противоположную направленность.

Вообще, концептуальные, или когнитивные, метафоры помогают многое прояснить и понять. Во времена перестройки, трансформации какой-либо социальной группы или всего общества в целом, когда цели кажутся неясными, и отсутствуют явные объединяющие общество идеи, анализ того, как и что мы говорим, может помочь нам разобраться в своих действиях и реакциях на происходящее, объяснить его, а так же прояснить цель, к которой мы движемся и предсказать тот результат, к которому мы можем прийти.

Интересным примером такого когнитивного анализа, но уже российской действительности, является монография А.П.Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» [7]. В этой работе автор проводит подробный когнитивный анализ политического дискурса России, относящегося к периоду 1991 – 2000 гг. Автор рассматривает когнитивную метафору как особую форму мышления, как важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Таким образом, анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуально-группового (партийного, классового и др.) и национального самосознания.

Как справедливо утверждает автор, создаваемая человеком картина политического мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует политические реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Метафора реализует представления о человеке как о центре мира.

В данной работе А.П.Чудинов представляет четыре основных разряда моделей русской политической метафоры. В каждом из этих разрядов рассматривается несколько наиболее типичных моделей. Так, политическая жизнь России рассматривается через антропоморфную метафору, источником которой является субсфера «Человек»; метафору природы, строящуюся на основе сравнения политической жизни общества с явлениями, предметами и процессами в природе; социальную метафору, основанную на таких сферах деятельности, как «Театр», «Война», «Игра и спорт» и др.; а также через артефактную метафору, базирующуюся на сравнении с предметами, созданными руками человека («Дом (здание)», «Механизм»).

Важно указать на одну особенность, которую подчеркивает автор, а именно: в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. Домены (ментальные пространства, образующие тот фон, из которого выделяются концепты) и сами концепты отражают не научную картину мира, а обыденные («наивные») представления человека о мире, которые, как утверждает Ю.Д.Апресян, «отнюдь не примитивны, а во многом не менее сложны и интересны, чем научные» [1: 39].

Нам представляется целесообразным привести пример аналитического разбора, проведенного А.П.Чудиновым, являющегося прекрасным примером анализа когнитивной метафоры и отвечающего методологическим правилам и требованиям лингвистической и когнитивной науки.

В качестве примера возьмем субсферу «Социум». На ее основе автор выделяет криминальную метафору, милитарную метафору, театральную метафору и спортивную(игровую) метафору.

Представим анализ военной метафоры. В свое время Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали значимость метафоры «Спор – это война» для американского общества [6,8]. Если применить данную метафору к современной российской действительности, то получится формула «Россия – это война». И действительно, в последнее десятилетие 20в. российскую действительность характеризовали как непрекращающуюся войну, и в представлениях многих Россия того периода – это милитаризованное общество, в котором идет постоянная борьба интересов различных политических групп. Так сложилась российская история, что на судьбу едва ли не каждого поколения приходилась война. Поэтому военная лексика – один из основных источников метафоризации российской речевой действительности.

Так, военная метафора – явный признак отечественного социального дискурса (и, в частности, текстов политического и пропагандистского характера) едва ли не всего советского периода истории России. Так, мы хорошо помним такой советский лозунг, как «Борьба за урожай», при этом мало кто задавал вопрос: «А с кем же мы в данном случае боремся?». Занимаясь вполне мирной деятельностью, мы не учились новым способам производства, не приобретали новые навыки и методы, а «брали на вооружение новый метод», не собирались с силами, а «мобилизовывали свои силы». И на этом было построено все массовое сознание советских людей: военная метафора определяла настроения людей, настойчиво насаждала образ врага, «мобилизуя» всю страну для борьбы с этим врагом, в образе которого часто выступал западный мир, причём образ этот нередко сознательно искажался или вовсе ложно создавался. Таким образом, советская государственная машина отвлекала народ от истинных проблем внутри страны (что, кстати, во многом свойственно и другим странам).

Говоря о современной России, следует подчеркнуть то, что мы уже отмечали выше, а именно: концептуализация ее с помощью военной метафоры – это широко встречающееся явление. В данной ситуации теоретически существенно то, что в соответствии с представлениями когнитивной семантики метафорическое моделирование – это отражающее национальное сознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи относящихся к совершенно иной понятийной сфере сценариев, фреймов и слотов. Военная метафора навязывает обществу конфронтационные модели поведения, стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернативных, мирных способов решения проблем. И действительно, мы часто вспоминаем поговорку «На войне как на войне» говоря о проблемах на работе, о взаимоотношениях с коллегами, вообще о проблемах наших будней.

Примечательно, что в течение последнего десятилетия 20 века российские политики по крайней мере четыре раза переходили от войны в полемике к настоящим военным действиям. Там, где слова уже не помогали, переходили к использованию военной силы, при этом реальным военным действиям всегда предшествовала информационная война, которую можно рассматривать как способ подготовки массового сознания к необходимости начала военных действий. Недаром обсуждение проблемы информационных войн в современной России является очень распространенным в специальной литературе [2,3,4].

При детальном анализе военной метафоры в описании Российской действительности выделяются следующие фреймы и составляющие их слоты:

1. Фрейм «Война и ее разновидности»:

Пока, похоже, мы проигрываем информационную войну. Никак не можем доказать миру, что наши действия в Чечне законны и справедливы. (цит. По А.Чудинову)

Демократы убедились, что междоусобицы контрпродуктивны для оппозиции. (цит. По А.Чудинову)

2. Фрейм «Организация военной службы» представлен несколькими слотами, например:

Слот 2.1 Специализация воинов

И придется Голубицкому вести свои боеспособные кадры в ряды «Единства». Причем в самом начале колонны. Ну не в партизаны же подается областной министр со своими дружинами. (цит. По А.Чудинову)

Слот 2.2. Воинские подразделения

По словам С.Шойгу, фракция «Единство» в Думе – это не высший орган движения, а его отряд, десант в Думе.

3. Фрейм «Военные действия и вооружение» состоит из, например, таких слотов:

Слот 3.1. Военные действия

1. Идет третья мировая война. Мы готовы рисковать собой и идти в штыковую.

2. Дальше – неизбежное банкротство, если страна не сумеет совершить прорыв к эффективной рыночной экономике

Слот 3.2 Виды вооружения и его использование

1. Переизбыток президентской власти – это мина замедленного действия.

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги», который состоит из таких слотов, как например:

Слот 4.1. Начало и завершение военных действий

В течение 10 лет Ельцин непрерывно капитулировал перед украинскими президентами.

5. Фрейм «Воинские символы и атрибуты»:

В такой обстановке трудно пройти в Думу торжественным маршем: парад победителей состоится в начале января.

6. Фрейм «Ранение, выздоровление и смерть», построенный на таких слотах, как:

Слот 6.1. Ранение и смерть

1. «Такое впечатление, что Вас когда-то это событие ранило?» – «Было ранение, была ампутация. Фантомные боли остались до сих пор».

На основании данных материалов автор делает вывод о том, что в сознании наших современников присутствуют сильные векторы тревожности, опасности и агрессивности, а также традиционные для русской ментальности предрасположенность к сильным чувствам и решительным действиям. Приведенный выше анализ является прекрасным примером методологически правильного и последовательного анализа когнитивной метафоры.

Возвращаясь к основному предмету нашего рассмотрения, необходимо ответить на вопрос, являются ли когнитивные метафоры средством выражения стереотипов сознания, в каких отношениях и в какой зависимости друг от друга они находятся.

Нам кажется, что когнитивные метафоры являются одним из средств выражения социальных стереотипов наряду с такими лингвистическими явлениями как *фразеологические обороты, клише, эфемизмы, эпитеты, метафоры, сравнения, аллюзии, синтаксические конструкции и морфологические схемы словообразования*. Ведь мы говорим о тех социальных стереотипах, которые выражаются не в прямой форме, а о скрытых стереотипах, завуалированных в тексте. Их цель – повлиять на сознание людей, сформировать определенное общественное мнение о каком-либо объекте или явлении, данные стереотипы не могут лежать на поверхности и быть прямо выраженными, как, например: *Все южане – темпераментны*. Если данные стереотипы просто констатируют об-

щеизвестные истины и не имеют какого-либо сложного, развернутого содержания, то стереотипы, о которых говорим мы, имеют достаточно сложную внутреннюю структуру, вызывающую множество ассоциативных связей. Кроме того, уже существующие стереотипные ситуации могут в большей или меньшей степени предсказывать или предполагать ход развития событий в ситуации со схожим сценарием. В данном случае речь идет о создании определенного общественного мнения, иногда намеренного построения хода развития событий.

Интересным примером такого феномена является статья в журнале "The Economist" от 26 апреля 2003 года. Во многом тематика и основной смысл статьи задается уже самим заголовком: China's Chernobyl? Авторы статьи сравнивают две ситуации – взрыв эпидемии атипичной пневмонии в Китае в апреле 2003 года и аварией на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года. Далее строится такая последовательность событий: взрыв на Чернобыльской АЭС, случившийся через год после прихода Михаила Горбачева к власти, не мог быть скрыт из-за масштабов катастрофы и советским властям пришлось признать произошедшее. Это послужило, по мнению авторов, импульсом для начала «перестройки» - политики открытости и гласности. Дальше возникла следующая цепная реакция: крушение «Советской Империи» в виде социалистического блока стран Варшавского договора, затем крушение самого Советского Союза и коммунистической партии. Таким образом, ситуация «Чернобыльская катастрофа» имеет такой сценарий, который авторы статьи и пытаются переложить на ситуацию с эпидемией атипичной пневмонии в Китае. Это можно интерпретировать просто как наглядный пример работы нашего сознания, а можно рассматривать и как попытку сформировать определенное общественное мнение и повлиять на дальнейший ход развития событий.

Возвращаясь к тематике нашей статьи, возникает вопрос: а какой же стереотип России в англоязычных СМИ создается сейчас, каковы мы в их представлении?

Помня о характере стереотипов, исследуемых нами, целесообразно идти от анализа форм и средств их выражения к непосредственному содержанию.

При этом важно подчеркнуть тот момент, что бытовой (или национальный) стереотип России и русских существенно отличается от социально-политического стереотипа. Это объясняется тем, что первый создается в определенной степени стихийно, бессознательно, без какой-либо определенной цели, на основе многовекового опыта общения и контактов, на основе произведений искусства и, таким образом, является продуктом истории, оставаясь в большей или меньшей степени неиз-

менным. В определенном отношении правильным будет сказать, что, создаваясь, они не имели цели влиять на сознание людей.

Так, в том, что касается национального стереотипа русских, можно отметить, что он в большой степени строится вокруг концепта «душа», который по праву считается основообразующим концептом русского национального характера. Изучению этого концепта посвящено уже достаточное количество филолого-культурологических работ, поэтому мы не ставим своей задачей филологический анализ данного явления. Но хочется привести как пример филологических наблюдений статью русиста и переводчика из США Мишель Берди (Michele A. Berdy), которая называется “The Mystery of the Russian Soul”, опубликованную в газете The Moscow Times:

The Russian soul is a mystery indeed. You start with a few soulful expressions of love and intimacy, and before you know it, you've moved into the realm of economics and murder.

That is to say, *душа* (soul) has many shadings of meaning and is the source of a great many idiomatic expressions. When you love someone profoundly, you can say: *Я любила его душой и телом.* (I loved him body and soul.) When you want to express your heartfelt generosity, you can say, *Ешь сколько душе угодно.* (Eat to your heart's content, literally, eat as much as your soul wishes.) *Душа* can also be a stand-in for "conscience": *Я покривила душой* (I went against my conscience, or I went against my heart.) If you are feeling anxious and ill at ease, you can say, *У меня на душе кошки скребут*, literally, "cats are scratching at my soul." And if you are terrified, you can say, *Душа в пятки ушла!* Out of fear, the soul departs the body through its homophone: The expression is literally "my soul left my body through the soles of my feet." In English we usually say, "I was scared to death!" or "I was scared stiff!"

When you want to describe a tear-jerker, "a weepie," or "a three-hankie movie," you call it *душещипательный фильм*. When something is heartrending, in Russian it's "*душераздирающий*" as in the phrase, *Их прощание было душераздирающим.* (Their parting was heartrending; their parting tore at my heartstrings.) Someone who is mentally ill in Russian is *душевнобольной*, literally, "ailing in his soul," which has always seemed to me to be a profound and compassionate way to describe a troubled individual. However, when you say, *болит душа*, (literally "my soul aches"), you mean that you are very disturbed by something, or, with the phrase *болит душа за него*, you feel deep compassion ("my heart goes out to him").

Душа also means "a soul" in the sense of "a living being." *Там не было ни живой души.* (There wasn't a soul there.) It can also be used in the economic sense of "per head" or "per capita": *Доходы на душу населения растут.* (Per capita income is growing). In the old days, before the great emancipation, *душа* could also refer to a serf. Gogol's *Мёртвые Души* (Dead Souls) re-

ferred to a good old Russian scam of buying up dead serfs and somehow making a profit on the deal. (And once again I maintain that you needn't blame the Wicked West for post-Soviet scams and cons; all you have to do is open a few Russian classics to see where people got their ideas.)

If we go back even further in time, to when the Russian language was being codified, *душа* and *дух* (spirit) were one word that conveyed the sense of "spirit," "breath," or "life's breath." Over time, many concepts of breathing evolved along the *дул*: line, but some still remain in the *душа* branch. *Душить* is "to strangle" (to squeeze the breath out of someone), although it can also be translated as "smother" in the lovely phrase *Он душил меня в объятиях*. (He smothered me with hugs.) Or it can have a more sinister meaning in the phrase *Его душил гнев* (he was choked with rage).

Perfume in Russian is *духи*, but to wear perfume is *душиться*. *Моя мать всегда душилась духами "Красная Москва."* (My mother always wore Red Moscow perfume.) *Душно* means "stifling" or "stuffy" (i.e., when you can't breathe): *В трамвае было так душно, что я чуть не упала в обморок*. (It was so stuffy in the tram, I almost fainted.) *Душок* can be a bad smell or a "tinge" of something in the figurative sense: *Он пишет для газеты с правым душком*. (He writes for a right-wing newspaper.)

Jumping from love to serfs to economics to asphyxiation can be wearying to us poor foreign souls, trying to make sense of Russia and Russians. Whenever you are totally at a loss, you can always say, *Это загадка русской души!* (It's the mystery of the Russian soul.)

*Michele A. Berdy is a Moscow-based translator.
(The Moscow Times, August 15, 2003)*

В отличие от национальных или бытовых стереотипов, стереотипы, рассматриваемые нами, создаются вполне сознательно и с вполне конкретной целью – влиять на восприятие людей, стимулировать определенные действия, реакции и поведение. И точно так же, как может измениться политическая ситуация, так и стереотипы меняются в зависимости от конкретных политических целей. А так как стереотипы вообще трудно поддаются изменениям и отстают от жизни, то новому наполнению часто приходится «уживаться» со старым.

Вот как характеризует стереотипы журналист газеты The Moscow Times Роберт Прокоуп в статье о России и русских, рассуждая на тему отношений между Великобританией и Россией:

If national stereotypes about the Russians are widespread and generally misguided, then those that have grown up around the English are no less persistent and pernicious. Cold, stuck-up and distant are just a few of the adjectives that crop up – all the things that national mythology tells us

the Russians are not. And yet the relationship between England and Russia is both longstanding and intimate.

The Moscow Times. April 9, 2003

Существительные “widespread”, “misguided”, “persistent” and “pernicious” передают основные характеристики стереотипов. Кроме того, как показывает данный пример, социальные стереотипы - это эксплицитное перечисление особенностей национального характера того или иного народа, выражаемых набором атрибутов.

Что касается стереотипа России, создаваемого журналистами и политиками, то здесь действуют уже другие законы. Его основные отличия состоят в том, что, во-первых, он создается намеренно с определенной целью, а во-вторых, он гораздо сложнее по форме выражения и по содержанию. Анализ публицистического материала показывает, что в данном случае невозможно выделить какую-либо одну концептуальную структуру, на основе которой строится стереотип. Стереотип России, создаваемый зарубежными СМИ, отличается сложной многоуровневой структурой, он развивается более динамично, чем национально-культурный стереотип, так как он, во-первых, создается сознательно, под влиянием существующей ситуации в мире, так и под влиянием целей и потребностей тех социальных и политических групп, которые участвуют в создании этого стереотипа. Кроме того, действия и высказывания наших общественных и политических деятелей также вносят коррективы в этот процесс, выдвигая на первый план те или иные элементы образа.

В современном стереотипе России можно выделить сразу несколько когнитивных метафор, играющих примерно одинаковую роль в создании стереотипа. В разные периоды истории та или иная метафора выходит на передний план.

Так, в публикациях в западной прессе о России все еще активно эксплуатируется военная (или милитарная) метафора. Отчасти это объясняется общей историей России, на судьбу которой, как уже отмечалось, выпало немало войн. Но помимо этого, данное обстоятельство можно рассматривать как наследство, доставшееся нам от советского прошлого, когда Советский Союз во всем несоциалистическом мире представлялся как «Империя Зла», страна «коммунистической диктатуры» и тому подобное. Помимо этого, на протяжении всей истории Россия была и остается крупнейшей военной державой, что не может не отразиться на ее восприятии как самими гражданами России, так и остальным миром. Как результат мы имеем проявления лингвистического выражения такой категоризации. Политики, социальные группы не дискутируют, а воюют, атакуя своих оппонентов (противников) и защища-

ясь, обороняясь, поскольку являются при этом не оппонентами, а соперниками и даже врагами:

1. *There is much less doubt about his* (Vladimir Gusinsky's – прим. автора) political enemies – such as Russia's president – Vladimir Putin. (The Economist, 2000)
2. *Virtually every major strand of Putin's reform agenda faces powerful opposition from entrenched interests, not least the state bureaucracy itself.* (The Observer, 2003)
3. *Yet there are limits on the extent to which a leader, even one as dominant as Putin, can govern by command.* (The Guardian, 2003)
4. *On the first anniversary of his election, Putin told a group of journalists that the biggest lesson he had learned was that "it is very hard to fight with the bureaucracy".* (The Observer, 2000)

Стоит также отметить, что в сознании российских властей наметился некоторый поворот. Если несколько лет назад в сложившейся на тот момент ситуации и согласно настроениям в стране властям было выгодно представлять Россию воюющей страной как внутри (Чеченская война), так и с внешним миром (ситуация с бомбардировками Югославии силами НАТО), то сейчас Россия усердно пытается по-другому позиционировать себя в мире: не как оппонента Запада, а как его возможного партнера и стратегического союзника. Естественно, что в такой ситуации никакая война, пусть даже и внутри страны неприемлема. Исходя из этого и осознавая значительную роль данного фактора в создании нового имиджа, войну в Чечне сначала переименовали более мягким выражением «военная кампания», а потом стали ссылаться на нее как на «антитеррористическую кампанию», что, по сути, является не ничем иным, как эвфемизмом.

Кроме военной метафоры, Россию по-прежнему часто представляют через морбиальную метафору, сравнивая ее с больным организмом:

5. *After Russia's spectacular default and devaluation in 1998, the idea that local financial markets might recover seemed wildly optimistic.* (The Economist, 2002)
6. *In Russia the banks are puny, badly regulated, and plagued by state interference.* (The Economist, 2002)
7. *Under a reform strongly backed by President Vladimir Putin, households now cough up 60% of running costs.* (The Economist, 2002).
8. *And it was that paralysis that accelerated the collapse of the whole finance system.* (The Moscow Times, 2003)

9. *Probably it would be a drastic medicine but it seems to be the only one to help this much neglected disease of the Russian political system – corruption.* (The Moscow Times, 2003)

Однако стоит отметить, что за последние два года вектор этой метафоры повернулся в сторону «выздоровления»: Россия уже не смертельно больной организм, а выздоравливающий пациент, который начинает выздоравливать и идет вперед.

Интересно отметить, что кроме морбиальной и военной метафор, часто используемых в создании образа России, в публицистике появилась новая для России метафора «Россия – игорный дом». Подобно тому, как Москва, а также вся Россия наводняется казино, залами игровых автоматов и другими игорными заведениями, так и пресса изобилует выражениями и терминами, принадлежащими сфере игорного бизнеса:

10. *There is certainly a lot of shuffling of assets going on, often behind the scenes.* (The Economist, 2002)
11. *Now Mr Putin has placed his chips. He wants a strong, modern Russia, and that means money and know-how from the West,...* (The Economist, 2001)
12. *But they [Russian authorities – прим. автора] forgot that once you started gambling you cannot control the whole process and are sure to run considerable risk.* (The Russia Journal, 2003).
13. *Putin has been maneuvering between “old Europe” and the United States and Britain in a bid to maintain good relations with both sides, while defending the Kremlin’s own interests in Iraq. Both France and Germany’s relations with United States have soured over Iraq, and Putin does not want to take that risk.* (The Russia Journal, Feb. 27, 2003).

Как нам кажется, использование данной концептуальной метафоры говорит о том, что стабильность социально-политической ситуации в стране ставится под сомнение, и что Запад относится к на первый взгляд положительным изменениям в России настороженно, а некоторые действия властей считает недостаточно просчитанными, рискованными и рассчитанными на удачу. Это напрямую подтверждает заключительный отрывок из статьи “Hope Gleams Anew” из журнала The Economist от 3 ноября 2001 года:

“... Even slow and patchy economic reforms are better than none. Still, real change in Russia, and real trust from the West, will take years, not weeks.”

Еще одна метафора, с помощью которой западные журналисты создают стереотип современной России – это метафора «Взаимоотношения России и Запада – это отношения мужчины и женщины». Эта метафора проявилась особенно сильно в последние годы, когда Россия начала по-новому строить свои отношения с Западом, избегая прямых конфронтаций, проявляя гибкость во внешней политике, стараясь не портить отношений с мировыми партнерами даже при отстаивании своих интересов. Но общая настороженность западного мира по отношению к нам, а также доставшиеся нам по наследству от советского прошлого недоверие и подозрительность с их стороны придали именно такой вектор характеристике западными журналистами нашего поведения на мировой арене.

14. *Mr Putin has learned to woo foreign politicians and journalists alike. Harangues and bluster have given way to a relaxed, articulate, convincing manner, backed by a formidable command of detail, and even salted with occasional dry joke. He is winning some new friends at home too.* (The Economist, 2001)
15. *Since September 11th, Vladimir Putin has done a lot to make the West like him. He has embraced the American-led anti-terrorist coalition, calling the air-strikes on Afghanistan “measured and appropriate”* (The Economist, 2001).
16. *Though the relations between Russia and NATO have never been warmer it is still too early for Russia to propose to it as this marriage is still impossible under the current circumstances. It would be a misalliance.* (The Newsweek, 2001)

Подводя итог всему вышесказанному, современную Россию можно представить страной пока еще не до конца оправившейся от череды политических и экономических потрясений, все еще не вызывающей полного доверия западного мира, но пытающуюся его завоевать, а также построить новые, более гибкие отношения с остальным миром.

Таким образом, мы видим, что стереотип России, создаваемый западными журналистами, является сложным и многоуровневым образованием и построен на основе сразу нескольких когнитивных метафор, каждая из которых то выдвигается на первый план, то уступает место другим - в зависимости от того, как складывается ситуация в мире, а также от того, какие шаги предпринимает Россия в ответ на те или иные события в мире.

Л и т е р а т у р а

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания//Вопросы языкознания. 1995. №1.
2. Грешневиков А. Информационная война. М., 1999.
3. Крысько В.Г. Секреты психологической войны. Минск, 1999.
4. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000
5. Садохин А.П. Этнология. Москва, 2000
6. Теория метафоры. Под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. Москва, 1990.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago & London, 1980.
9. Lakoff G. Moral Politics. Chicago, 1998.

С л о в а р и

1. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1998.
2. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1995.
3. Oxford Dictionary of Sociology. Oxxford, 1998.

ЛИНГВИСТИКА

О теоретических основах изучения и перевода древнеиндийской медицинской терминологии

© кандидат филологических наук И. И. Богатырева, 2003

Данная работа посвящена исследованию санскритских медицинских терминов, выяснению их специфики по сравнению с терминами других областей научного знания в том смысле, как они традиционно понимаются в современной лингвистике. Мы исходим из того, что всякое восточное медицинское знание (и интересующее нас древнеиндийское в том числе) является органической частью научного Знания Востока, знания целостного, синтетического, единого по своей природе, отдельная часть которого может и должна быть понята лишь в соотношении с другими. Так Аюрведа не мыслима без ее философской основы, ибо это, прежде всего, определенная философия жизни, особое миропонимание и мировоззрение, в отличие от узко прикладной, чисто физиологической медицины современного Запада. Исследование, описание и перевод интересующих нас аюрведических терминов оказываются возможными лишь в том случае, если будет принят *комплексный* подход к решению поставленных задач:

- устанавливать подлинное значение отдельных древнеиндийских медицинских терминов следует на основе знания содержания основных древних трактатов Аюрведы и непременно с учетом места каждого отдельно взятого термина в терминосистеме Аюрведы;
- поскольку термин именуется некое понятие, и место термина в терминосистеме соответствует месту этого понятия в системе понятий данной отрасли научного знания, то оказывается необходимым знание концепции Аюрведы, понимание ее принципиальных отличий от европейской традиционной медицины;
- так как Аюрведа – это органичное соединение медицины и философии, и, более того, ее терминология была создана на базе философской терминологии (решающую роль в становлении и развитии категориального аппарата и терминологической системы Аюрведы сыграла философская школа санкхья), необходимо также осмысление философских оснований древнеиндийской медицинской традиции: за многими медицинскими терминами стоит философский смысл, причем эти смыслы органично связаны друг

с другом и не могут быть поняты иначе как в этом органичном единстве.

Прежде, чем перейти к непосредственному рассмотрению терминов Аюрведы, следует определить, что же такое термин вообще. В современной лингвистике нет единого, обобщающего определения термина, но при определении понятия “термин” чаще всего встречаются следующие его признаки:

- термин - это слово или словосочетание;
- термин выражает специальное понятие;
- термин употребляется в специальной сфере.

Многие лингвисты отмечают специфику термина, сравнивая его с обычным словом, нетермином. Так, например, Г.О. Винокур¹ выделяет в семантике термина специализированность его значения, точность его семасиологических границ (1); его интеллектуальную чистоту, т.е. его отрешенность от образных и эмоциональных переживаний (2). Термин должен нести в себе строго интеллектуальное содержание, исключая эмоционально-экспрессивные моменты. Он должен быть нейтральным языковым знаком, который в пределах специального общения лишь содержит некоторую информацию о предмете речи, а не включает в себя элементов его оценки. Вообще же, считает Г.О. Винокур, *термины – это не особые слова, но слова в особой функции.*

Что же это за особая функция терминов? На этот вопрос можно найти ответ в работах В.В. Виноградова, которому принадлежит в отечественной лингвистике идея о *дефинитивной функции* как главной особенности слов-терминов: термин, по мнению В.В. Виноградова, не называет понятие, как обычное слово, а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему. Значение термина – это определение понятия, дефиниция, которая ему приписывается. По мнению А. Рея, “дефиниция является, возможно, центром проблемы термина”². Обычно различные трактовки дефиниции связаны с такими качествами термина, как определенность, однозначность (в идеале), четкость его значения. Несколько неожиданный поворот делается в работе Б.Ю. Городецкого, где дефиниция рассматривается в связи с нечеткостью термина как одним из его сущностных свойств. По мнению Б.Ю. Городецкого, нечеткость термина имеет многообразные проявления, и это связано с неполнотой любой дефиниции. В дефиниции “не может быть отражено все хотя бы потому, что знания постоянно развиваются и обогащаются, Приблизительность содержания термина связана с неисчерпаемостью материального мира, с взаимопереходами понятий,

¹ Г.О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ, филологический факультет. Т. 5. М., 1939.

² А. Рея. La terminologie: noms et notions. Paris, Presses univ. de France, 1979.

с ростом информационной емкости термина, с разработкой единых терминов для разных наук”³.

Специфика термина состоит не только в его систематичности, стилистической нейтральности, в его особых функциях, но и в его зависимости от определенного терминологического поля, вне которого слово теряет свою характеристику термина. По мнению А.А. Реформатского⁴, контекстом для термина является не ситуация или текст, а только терминологическая система, через которую он и приобретает свою однозначность. Термин нельзя рассматривать и оценивать изолированно. Чтобы его понять, надо понять всю теорию, определить его место в рамках этой теории. Стройная терминологическая система – это своего рода модель знаний в этой области науки, отражающая ее внутреннюю логику. Термины являются важными элементами научного аппарата теорий и концепций. С помощью терминов в материальной форме закрепляются результаты познания, обеспечивается преемственность научного знания. Термин не просто называет какое-то научное понятие, но и классифицирует его в данной системе научной терминологии, отражая в своей смысловой структуре важнейшие признаки объекта терминования и взаимосвязи этого объекта с другими. Более того, термин является своеобразным *инструментом* познания: он призван не только предельно точно выразить научное понятие, но и служить “орудием” выявления нового в той отрасли знания, которую он обслуживает: ведь от того, как мы определим понятие, какие свойства ему припишем, в дальнейшем будут зависеть и классификации теории, и область применения формулируемых законов. Следует также отметить, что терминология имеет сложную внутреннюю организацию и является многоуровневой системой.

Обобщая все вышесказанное, можно сказать следующее. *Термин – это слово в дефинитивной функции. Он однозначен в пределах определенной терминологии, которая связана с отдельной областью научного знания, детерминирована ею. Научная терминология – это не простая совокупность слов, а многоуровневая системная организация, где всякий термин имеет свое место, которое обусловлено местом соответствующего ему понятия в системе понятий данной области знания и своеобразным инструментом научного познания. Строгая терминологическая система – это модель знаний в данной области науки и одновременно критерий правильности построения научной теории, ее логичности и непротиворечивости.*

³ Б.Ю. Городецкий. Термин и его лингвистические свойства // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 55.

⁴ А.А. Реформатский. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., Наука, 1986.

Посмотрим же теперь на древнеиндийские медицинские термины и попытаемся выяснить, в чем состоит их специфика, их “непохожесть” на научные термины в том смысле, как они понимаются в современной европейской лингвистике. Древнеиндийское слово вообще и аюрведическое слово-термин в частности может быть понято и осмыслено лишь в рамках ведийской концепции божественной природы Речи, концепции Слова как воплотившегося в звуке и смысле Абсолюта, т.е. Брахмана. Уже в Ригведе встречаются гимны, в которых Речь (Vāk) отождествляется с Брахманом как первопричиной всего сущего. По мнению А.С. Бархударова⁵, Речь и Слово в древнеиндийской культурной традиции понимались как путь приобщения смертных к высшей, божественной сущности. Правильное употребление Слова становилось средством соблюдения дхармы (нравственного и религиозного закона, добродетели) и мокши (спасения души). Таким образом, санскритское Слово понималось как слово истинное, несущее в себе некий высший, сокровенный смысл, выражающее сущность именуемой им вещи. Древнеиндийское Слово (и аюрведический термин в том числе) является синтетическим, мифически-магическим словом-символом.

Невозможно не заметить глубинной связи ведийской концепции слова с философией и диалектикой имени А.Ф. Лосева, а также с учением П.А. Флоренского о “слове созревшем”, где органично сливаются воедино собственно лингвистические и философские аспекты.

Учение А.Ф. Лосева об имени как бы пронизывает все его основные сочинения, но в виде целостной концепции оно представлено в одной из его ранних работ – в “Философии имени”. Это учение несомненно впитало в себя многие представления античности. В его основу положено имя и его отношение к миру вещей, причем имя связано не просто с вещью, но и с сущностью последней. Суть процесса именования состоит в закреплении сущности вещи, причем сущность по самой своей природе безусловна и неслучайна. Анализ диалектики имени у Лосева начинается с разбора диалектической категории единого и от нее идет к отдельной вещи, а затем – к отдельному слову, к его “живой и трепещущей стихии”. Вещь и именуемое ее слово связаны с философской категорией сущего, в них присутствующего, а следовательно, и с категорией не-сущего (= “меон”). Всякое слово содержит в себе некий смысл и “иное” этого смысла. Это иное, или меон, есть начало иррационального, которое необходимо присутствует в самой рациональности сущего. Данный момент чрезвычайно важен: органичное соединение рационального и иррационального начал – характерная черта восточно-

⁵ А.С. Бархударов. Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция. М., Наука, 1988.

го миропонимания, находящая непосредственное отражение не только в художественных текстах, но и в научных построениях Востока.

Учение А.Ф. Лосева об имени включает в себя не только учение о сущности, вещи, понятии, но охватывает все главные семантические назначения имени, вплоть до слова как формы символа и мифа. Согласно Лосеву, мифичен *способ изображения* вещи, а не сама вещь, но тогда мифично также и ее именование. Именно в этом смысле слово признается мифом. “Только в мифе я начинаю знать другое как себя, и тогда мое слово – магично. Я знаю другое как себя и могу им управлять и пользоваться. Только такое слово, мифически-магическое имя, есть **полное** пребывание сущности в ином, и только такое слово есть вершина прочих слов”.⁶ Именно магическое слово, слово-символ, слово-миф “есть точная и точеная идея, **несмотря** на присутствие иррациональных глубин сущности и **благодаря** им”.⁷ Подлинное имя – это познанная природа, это сама жизнь, данная в разуме. Оно является не просто средством копирования жизни, но призвано, воспроизводя жизнь, ее упорядочивать и регламентировать.

С философией имени А.Ф. Лосева перекликается учение о “слове созревшем” П.А. Флоренского. По мнению Флоренского, от такого зрелого слова требуется наибольшая напряженность антиномичности (ср.: “сущее” и “не-сущее” у Лосева), оно должно быть одновременно и неизменным, и все-приспособительным, в нем имеются “малые тайны вселенского собирания и, потому, вселенской полноты”, в нем – предельная достигнутость человеческой мысли. “В этом слове человеческая словесность нашла чистейшую, выработаннейшую свою линию, которая выразила то, что требовалось выразить, и потому всякая **иная** линия в том же направлении – хуже, дряблее, менее точна”.⁸ Таким образом, именование вещи, по Флоренскому, является чрезвычайно важным моментом для постижения нами ее сущности, ибо только благодаря имени, даваемому предмету, мы вводим данный предмет в систему нашей мысли, именно имя является “точкой приложения деятельности мысли”. У синтетического слова можно выделить несколько ступеней: *углубленное имя, термин* (углубленное имя взято в свернутом виде), *закон* (имя взято развернутым). Термин (лат. terminus) рассматривается Флоренским как производное от ter – “перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону”, т.е. термин – это хранитель границы культуры, предел данной области культуры, ее предельное значение.

Именно так, в русле этих концепций имеет смысл трактовать термины Аюрведы, учитывая также особый характер древнеиндийских

⁶ А.Ф. Лосев. Философия имени. М.: Изд. авт., 1927. С. 170-171.

⁷ Там же. С. 165.

⁸ П.А. Флоренский. Термин // Вопросы языкознания, 1989, №1. С. 122.

аюрведических текстов. Санскритские тексты представляют собой сложную, многоуровневую организацию, это план выражения не только системы языка, но и других семиотических систем, надстраивающихся над ней, - систем философии, религии, мифологии. Дешифровка такой многослойной образной структуры требует не менее сложных и многоступенчатых операций. Слова языка (а значит, и медицинские термины) оказываются включенными в целый ряд смысловых кодов, которыми оперировали создатели этих текстов. Древнеиндийский термин оказывается глубоко символичным, бездонным, несущим в себе рациональные и иррациональные глубины. Он как бы расположен в нескольких плоскостях и несет в себе множество смыслов. Поэтому к нему не применимы те требования, которые предъявляются к термину в европейской лингвистической литературе, а именно: однозначность, стилистическая нейтральность, отсутствие синонимии и омонимии, находимость вне каких-либо экспрессивных характеристик. Попробуем показать это на конкретных примерах.

Многие медицинские термины Аюрведы полисемантически, неоднозначны. Явление полисемии присуще санскритскому слову вообще, является его характерным признаком, и термин в этом смысле не будет исключением. А.С. Бархударов дает этому факту следующее объяснение: “В основе санскритского полисемантизма лежит мировоззренческая концепция, в центре которой понятие **майя** – иллюзорность внешнего мира, относительность всех конкретных, материальных форм как равнозначных символов абсолюта, многообразно отражающих абсолюта. Поскольку в основании множества форм лежит единая сущность, любое слово потенциально способно принять любое значение (в принципе), подобно тому, как единая сущность выявляется в бесчисленном количестве форм”⁹. Интересно, что в ряде случаев санскритское слово может объединять в себе совершенно противоположные значения. Это наблюдается в одном из основополагающих аюрведических терминов – *doṣa* (доша). Доша – это основные компоненты тела, представляющие собой модификацию пяти космических первоэлементов (а именно: земли, воды, огня, воздуха и эфира) в применении к организму человека. Если доша находятся в нормальном количестве и соотношении друг с другом, то их рассматривают как компоненты тела (а если еще более точно, то как основные функциональные системы человеческого организма.). Если же равновесие между ними нарушается, то тогда они становятся тем, что портит другие составные части организма, наносит им вред. Таким образом, семантика термина “доша” содержит два противоположных компонента: 1) “функциональная система организма, опреде-

⁹ А.С. Бархударов. Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция. М.: Наука, 1988, С. 198.

ляющая его нормальную жизнедеятельность” и 2) “плохое качество, наносящее вред другим компонентам тела человека”.

В качестве иллюстрации утверждения о неоднозначности древнеиндийских медицинских терминов можно привести следующие примеры. Слово *vasti* имеет значения: 1) “низ живота” и 2) “мочевой пузырь”. Первое значение указывает на довольно неопределенную область тела (в западной традиции мы бы и не назвали это значение терминологическим), второе же значение называет конкретный орган, находящийся в данной части тела. Подобная картина наблюдается и при рассмотрении семантики других аюрведических терминов, например: *hrd* – 1) “середина туловища (т.е. грудь и живот)” и 2) “сердце”; *anga* – 1) “тело, туловище” и 2) “часть тела, орган”. Объяснение этому факту находится в такой особенности древнеиндийской (а также и древнекитайской и тибетской) медицинской традиции, как целостный подход к организму человека. Если западная медицина исходит из анатомии, расчленения единого по своей природе организма на отдельные его части, то Восток смотрит на человеческий организм как на континуум, в котором все взаимосвязано и который нецелесообразно расчленять подобным образом. Здесь обретает силу тот принцип, что нельзя разделить то, что не является само по себе разделенным¹⁰. Для Востока человеческий организм – это функциональная система, представляющая собой набор непрерывных функций¹¹.

В вышеприведенных примерах, где один и тот же термин обозначает одновременно и целое, и его часть, наблюдается перенос значения – перенос метафорический. Следует отметить, что в основе языковой метафоры лежит метафора как форма мысли вообще и научной мысли в частности. Метафора лежит в основе многих древнеиндийских медицинских терминов, причем именно метафора как форма мысли и форма познания. Обратимся снова к тому, что в Аюрведе именуется “доша”.

Учение о трех доша играет важную роль в Аюрведе, оно является основой диагностики, патологии и терапии. Согласно учениям древне-

¹⁰ Эта идея была не чужда и греко-латинской античной традиции. В свое время ее выразил еще Аристотель (“Физика”, глава 8): “Когда непрерывную линию делят пополам, то одну точку принимают за две, ее делают и началом одной половины, и концом другой; однако, когда производится деление таким образом, то ни линия, ни движение не остаются непрерывными... В непрерывном, хотя и заключается бесконечно много половин, но только в возможности, а не в действительности”.

¹¹ Нами не случайно используется математическая терминология. Мы убеждены в том, что существует глубинная внутренняя связь между медицинскими, философскими и математическими построениями древних, что восточная медицина представляет собой строгую научную систему, имеющую свою внутреннюю логику, основанную на математических законах чисел. В данной статье мы не ставим перед собой задачи продемонстрировать и обосновать вышесказанное. Более того, данная проблема, несомненно, заслуживает отдельного, пристального рассмотрения и еще ждет своих исследователей.

индийских медиков, в организме человека представлено три доша: это вата (vāta – “ветер”), питта (pitta – “огонь”) и капха (kapha – “слизь”). Эти доша ни в коем случае нельзя отождествлять с какими-то материальными носителями и тем более с европейскими представлениями и понятиями. Это другой уровень видения структуры человеческого тела и его органов. Западная медицина трактует материальные структуры и ткани, которые выполняют определенные функции, а восточная – функции, с которыми оказались связаны определенные органы. Доша – это определенные фазы развития, или функциональные круги, или (что нам более понятно) функциональные системы. Это микрокосмические представители макрокосмических первоэлементов Вселенной.

В организме человека доша отвечают за определенные физиологические процессы. Вата (“ветер”) связан со всякого рода движениями: это и передвижение всего тела в пространстве, и удаление ненужных, “отработанных” веществ из организма (кала, мочи, пота, слизи, слюны и т.п.), и осуществление дыхания, и движение крови по сосудам и т.д. Питта (“огонь”), как и огонь в природе, поддерживает в организме человека постоянную температуру его тела, ведает процессами пищеварения, что непосредственно связано с идеей огня: поступающая внутрь пища переваривается, “сжигается”, высвобождая при этом необходимую для нормальной жизнедеятельности энергию. Капха (“слизь”) находится во всех жидкостях в теле – в слизистых оболочках глаз, носа, ушей, внутренних органов, во всех суставах и сочленениях тела как своеобразный “смазочный материал”. Нам кажется, что даже из этого краткого описания видно, как глубоко метафоричны эти три доша – “ветер”, “огонь” и “слизь”. Метафора лежит как в основе самих имен-терминов, так и в представлениях древних индийцев о природе, сущности именуемых этими терминами вещей¹².

Следующая особенность древнеиндийской медицинской терминологии – это наличие синонимии. Как правило, среди синонимичных терминов можно выделить главный, наиболее употребительный и нейтральный, но и другие его синонимы могут встречаться в аюрведических трактатах довольно часто. Так, “кровь” как один из семи основных компонентов тела (=дхату) чаще встречается в виде asrk или asrj, но могут быть и такие ее именованья: rakta, rudhira, ṣonita. Целый ряд синонимов имеет термин vāyu – “воздух”, когда он является обозначением одного из пяти первоэлементов: anila, pavana, mārut(a), vāta, samīrana. Причиной этого, по всей видимости, является тот факт, что аюрведиче-

¹² Метафора лежит и в основе некоторых европейских медицинских терминов: напр., рак, грудная жаба, расстройство желудка и др. О них также нельзя сказать, что они нейтральны, не экспрессивны, холодны. За каждым из них стоит достаточно яркий образ, идея, которая покоится на метафоре.

ские трактаты были написаны в стихотворной форме, и немаловажную роль при отборе терминов играл эстетический критерий: один и тот же термин не повторялся многократно, а заменялся каким-либо синонимом.

В качестве примера омонимии санскритских терминов приведем следующий. Слово “раса” (rasa) в фармакологии служит обозначением вкуса жидкости, лекарства, всего выделяют шесть видов раса. В Аюрведе теория шести раса играет важную роль, особенно в разделах, касающихся составления лекарств, диеты (в разных видах пищи преобладают разные виды раса). В физиологической концепции Аюрведы данный термин обозначает один из компонентов тела. Кроме того, есть и третий раса – это термин другой древнеиндийской науки, поэтики.

Итак, мы видим, что санскритский медицинский термин в целом ряде случаев неоднозначен, метафоричен, экспрессивен, у него могут быть многочисленные синонимы и омонимы, которые также являются терминами. Выше уже упоминалось о том, что древние восточные тексты как бы состоят из нескольких слоев, представляют собой сложную, многоярусную структуру. В связи с этим и само слово в таких текстах многопланово, объемно. В данной работе мы лишь пытались показать, что древнеиндийская медицинская терминология не “вписывается” в рамки европейского представления о терминах, и что это обусловлено ее особой природой и культурной традицией, создавшей ее именно такой. Мы не ставили перед собой задачи продемонстрировать другие грани и глубины аюрведических терминов, которые связаны с их прочтением в других плоскостях – философской, религиозной, математической и т.п. Хотя эта задача должна непременно ставиться и решаться, т.к. все эти смыслы органично связаны друг с другом и не могут быть поняты иначе, как в этом гармоничном единстве.

Глоттальный взрыв в речи дикторов Би-Би-Си

© кандидат филологических наук Е. М. Мешкова, 2003

Глоттальный взрыв можно определить как звук, при произнесении которого преграда воздушной струе образуется смыканием голосовых связок, и таким образом пресекается поток воздуха в надгортанные полости. Сжатый под связками воздух высвобождается при их внезапном размыкании. Глоттальный взрыв воспринимается на слух как внезапное прекращение произнесения предшествующего звука или как внезапное начало последующего звука¹. В последнее время многие авторитетные лингвисты пишут о том, что в течение не одного десятка лет наблюдается распространение глоттального взрыва, особенно среди молодого поколения англичан. Причем глоттальный взрыв приобретает статус типичной черты нового стандарта произношения, т. е. его можно услышать на радио и телевидении, в речи учителей, преподавателей вузов, политических деятелей и т. п.²

Было решено подвергнуть исследованию речь дикторов, ведущих и корреспондентов радио (the BBC World Service) и телевидения (London International Television), поскольку то, что они говорят и как они это говорят, транслируется на весь мир, рассчитано на самую широкую аудиторию и, следовательно, может восприниматься как своего рода эталон английской речи. В основном использовались аудиозаписи выпусков новостей и «серьезных» (не специально развлекательных) программ Би-Би-Си и Лондонского международного телевидения.

Задача заключалась в том, чтобы выявить, насколько глоттальный взрыв проник в речь современных радио- и телеведущих и тем самым насколько их речь отличается от нормы, которая была описана у Гимсона.³ В ходе исследования обнаружилось, что большое число дикторов Би-Би-Си используют глоттальный взрыв, хотя и редко. Частотность его употребления зависит от имиджа диктора или ведущего и от характера

¹ См. A. C. Gimson. An Introduction to the Pronunciation of English. Hertford., 1970. P. 167.

² См., например, P. Roach. English Phonetics and Phonology. Cambridge Univ. Press, 2000. P. 4; S. Ramsaran. RP: fact and fiction // Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative volume in honour of A. C. Gimson. Ed. by S. Ramsaran. London, 1991. P. 178-187; R. Barzyska. Glottalisation in Present-Day RP, a Dynamic Approach // Acta Univ. wratislaviensis. – Wrocław, 1991. – N 1061. Anglica wratislaviensis, N 17. – P. 13-24; D. Crystal. The English Language. Penguin Books, 1990. P. 88; J. Honey. Does Accent Matter? The Pygmalion Factor. London, Boston, 1984. P. 91-93, 118; J. C. Wells. Accents of English. Cambridge Univ. Press, 1982. Vol. I. P. 260-261 и др.

³ См. A. C. Gimson. Ibid. P. 167-168.

программы, а также от конкретного содержания речи. Чем серьезнее программа и содержание, чем сдержаннее в эмоциональном плане ведущий, тем меньше вероятности появления в его речи глоттального взрыва (как и других отступлений от нормы) и тем больше она соответствует произносительному стандарту (иными словами, в плане соответствия речи стандарту существует градация по линии “formal–informal”).

Вот, к примеру, отрывок из краткого обзора новостей:

«The reminder of today’s headlines. Turkey’s facing a day of political and financial turmoil after the resignation of four ministers increased the pressure on the Prime Minister. African leaders want a new organization to unite their continent today, and the Palestinian militant group Islamic Jihad has just reported that one of its leading members has been killed in bomb-ray by the Israeli Army».

Поскольку это всего лишь краткий обзор новостей, ведущий здесь беспристрастен, его речь практически нейтральна в эмоциональном отношении. Произношение полностью соответствует норме, глоттальный взрыв не встречается ни разу. Подобные отрывки вполне могут быть взяты в качестве образцов современной нейтральной речи на стандартном британском произношении, в котором, как видим, совершенно необязателен глоттальный взрыв.

Приведем еще один пример из речи другого диктора:

«Now reminder of today’s main world news. Iraq has sent a new letter to the United Nations setting out its terms for the return of International Weapons Inspectors; they appear to fall far short of UN demands».

Стиль этого отрывка тоже нейтрален, произношение соответствует стандартному, глоттальный взрыв отсутствует.

В кратких обзорах новостей речь диктора обычно лишена не только эмоций, но и логические ударения в ней встречаются сравнительно нечасто и выражаются преимущественно с помощью изменения движения тона и уровня громкости, даже темп снижается не всегда или очень незначительно. Иными словами, в подобных обзорах дикторы передают сообщения как нечто само собой разумеющееся, не акцентируя внимание на каких-либо отдельных моментах. Но нередко дикторы, ведущие и корреспонденты специально выделяют определенные места в своих сообщениях и иногда используют для этой цели не только просодические средства, но и глоттальный взрыв. Например:

«Nothing that would violate UN sanctions against Iraq, but still highly symbolic | warning to the West that Russia is unlikely to support [ʔ]any military operation against Bagdad that would threaten Moscow’s economic interests».

В данном случае корреспондент специально выделяет ту часть сообщения, в которой говорится о маловероятности того, что Россия под-

держит какие-либо военные действия против Ирака, если они поставят под угрозу ее экономические интересы. Вся вторая часть предложения, начиная со слов “but still” произносится медленнее, чем предыдущая. Слово “any” выделяется небольшим повышением громкости, высоким нисходящим тоном и глоттальным взрывом: “¹[[?]]any”.

Еще один отрывок из выпуска новостей:

«On the first full day of the visit to his native Poland, Pope John Paul has made an emotional appeal for an ¹[[?]]end to war and human suffering. The Pope said mankind was experiencing bewilderment in the face of what he called “many manifestations of evil”. He said a cry for mercy seemed to be rising up in ¹[[?]]every continent».

В данном случае диктор воспроизводит в своей речи эмоциональный пафос речи папы римского, по крайней мере, он старается передать эту эмоциональность хотя бы частично. На слове “end” (“end to war and human suffering”) происходит нарушение нисходящей шкалы: ударный слог произносится выше, чем непосредственно предшествующий ему ударный слог ([pi:] в слове “appeal”), т. е. здесь происходит так называемый Accidental Rise, который тоже служит средством выделения слов в потоке речи. Энергичное начало ударного гласного и здесь доходит до образования глоттального взрыва “¹[[?]]end”. Слово “every” (“in ¹[[?]]every continent”) выделяется не только с помощью начального глоттального взрыва, но и продлением фрикативного [v].

Стремление передать эмоциональность речи папы римского проявляется и в том, что цитируемые слова произносятся с особой выразительностью. Это достигается главным образом тем, что слово “manifestations” произносится почти по слога⁴ и с высоким нисходящим тоном на последнем ударном слоге (“manifestations”). Кроме того, нельзя не заметить паронимической аттракции⁵ слов “many” и “manifestations”: оба слова начинаются с одного и того же сонорного [m], что, несомненно, добавляет выразительности словам цитаты-перевода.

Что касается общей характеристики речи этого диктора, следует отметить, что его речь полностью соответствует нормам стандартного британского произношения. Аспирация глухих взрывных у него очень энергичная, и это особенно заметно в словах “Polland”, “Pope”, “Paul”, так что и здесь можно говорить о своеобразной паронимической аттракции. Итак, диктор использует при необходимости типичные выразительные средства английского языка, причем глоттальный взрыв в

⁴ О послоговой речи и ее экспрессивных возможностях см., например, S.V. Decheva. English Syllabification as Part of the Learner-Oriented Speechology. М., 1994.

⁵ О паронимической аттракции см. М. В. Давыдов, В. Б. Феденев. Паронимы или квазиомонимы? ИНИОН АН СССР, № 4961, 1980; М. В. Давыдов, Г. Т. Окушева. Значение и смысл созвучий в современном английском языке. М., 1994; а также Т. Б. Назарова. Филология и семиотика. М., 1994. С. 66-75.

качестве такового он использует весьма умеренно. Говоря об имидже диктора, следует отметить его серьезность, отсутствие «подыгрывания» слушателям.

Наряду с информационными выпусками, почти лишенными экспрессивных элементов, в наш материал вошли также дискуссионные передачи. В таких программах речь ведущих может быть более или менее выразительной в зависимости от темы программы и конкретного контекстного содержания. В более серьезных передачах речь ведущего с точки зрения эмоциональности и экспрессивности немногим отличается от речи диктора, читающего обзор новостей. Например:

«In this, the second of three BBC World Service “Discovery Specials” we are considering | [ʔ]engineering | in the aftermath of disasters: natural, war, and this week – social.

That one explosion which could have killed many people but in fact [ʔ]only resulted in four deaths, rot the public’s confidence in the safety and desirability of these new buildings full of apartments, or flats. And few had a good word for the architects that so eagerly promoted these new dwellings. That early morning bang triggered a major change in the way we felt about the large scale social and engineering experiment that was under way in England».

«High Rise has been blamed for bad health, violence, crime and the general collapse of society. The mounting criticism in the nineteen seventies prompted the local authorities to review their housing policies. The Rowan Point⁶ collapse forced a detailed inspection of [ʔ]every high rise block in Britain. Many were strengthened and gas was banned in tall apartment buildings».

Эти два отрывка взяты из передачи, посвященной проблемам строительства многоэтажных зданий в Англии. Произношение ведущего соответствует норме, в эмоциональном отношении его речь почти нейтральна, хотя и не настолько бесстрастна как речь дикторов, читающих выпуски новостей. Глоттальный взрыв появляется здесь в тех редких случаях, когда ведущий говорит о каких-либо из ряда вон выходящих вещах, и, желая привлечь к ним внимание слушателей, выделяет соответствующие слова просодически, а иногда и более энергично произносит отдельные звуки, что и приводит к появлению глоттального взрыва. Так, например, во втором предложении первого отрывка высокий нисходящий тон, повышение громкости и глоттальный взрыв выделяют слово “only” (“That one explosion which could have killed many people but in fact [ʔ]only resulted in four deaths...”), и тем самым слушателю как бы дается возможность осознать весь ужас описываемого происше-

⁶ Rowan Point – название многоэтажного дома в Лондоне, пострадавшего от взрыва бытового газа конце 60-х годов.

ствия (при взрыве бытового газа в многоэтажном доме могло бы погибнуть большое количество людей, но погибли только четверо).

В первом предложении первого отрывка слово “engineering” является ключевым: оно вводит тему предстоящего рассказа и следующей за ним дискуссии. Поэтому говорящий делает паузы перед ним и после него и произносит само слово с высоким нисходящим тоном и повышенной громкостью, энергичное начало первого ударного гласного «превращается» в глоттальный взрыв: “we are considering |^[ʔ]engineering | in the aftermath of disasters”, но это не устраняет второстепенного (обычно сильного основного – “strong primary (stress)”) ударения на “-neer”.⁷

Во втором отрывке глоттальный взрыв перед начальным ударным гласным в слове “every”, произнесенном с высоким нисходящим тоном, а также замедленный темп и продление согласного [v] как бы подчеркивают ту тщательность, с которой была проведена проверка каждого, именно каждого, многоэтажного дома в Великобритании после одного несчастного случая: “The Rowan Point collapse forced a detailed inspection of |^[ʔ]every high rise block in Britain”. Кстати, слова “every” и “only” обладают так называемой «эмфатической мотивацией»⁸, поэтому они часто выделяются в потоке речи и произнесение глоттального взрыва перед ударным гласным в таких словах вполне оправдано.

Но в целом речь ведущего довольно сдержанна в эмоционально-экспрессивном плане, даже когда он рассказывает о том, что может вызвать определенную эмоциональную реакцию у слушателей. Однако есть ряд программ, в которых ведущие проявляют большую заинтересованность в том, о чем они рассказывают сами или их собеседники. Речь становится более эмоциональной, более разнообразной в просодическом отношении, глоттальный взрыв тоже может появляться как средство эмфазы несколько чаще, чем в более «серьезных» программах.

Приведем пример речи ведущей из программы-дискуссии на культурно-психологическую тему (о снобизме):

«– OK, What are the high standards, then? OK. Jason, what’s the difference between snobbishness and high standards? – OK. <sup>σ>Joe... Joe, can I ask you what...< what do you think about it, about inverted snobbery? I mean you mentioned the cases the upper class being brought up by the low class, if you like...if we use that word now – nanny? And in Britain <sup>σ>you get the< business of upper class kids adopting wha^[ʔ]it’s known as |^[ʔ]Estuarial

⁷ См. в этой связи: М. В. Давыдов, О. С. Рубинова. Ритм английского языка. М., 1997. С. 79-80.

⁸ См. Специализация. Введение в английскую филологию. (Specialisation manual for first year undergraduate students.) Под ред. О. С. Ахмановой, М. В. Давыдова, И. М. Магидовой. М., 1978. С. 30-36.

English, | which is sort of taking on working class accents. – OK, Jason, what did you decide in the end? I mean did you... did you decide that snobbery was innate in human beings, that it comes naturally ([ˈnæʔtʃərəli]) to [cr>?]all of us?»

Имидж этой ведущей отличается энтузиазмом и оживленностью, заинтересованностью предметом разговора и личностью собеседника, интересом к его точке зрения. Отсюда значительная просодическая вариативность ее речи. Порой она говорит на очень высоких нотах, быстро повторяя слова, прерывая свою речь: “What are the high standards...”, “what did you decide in the end? I mean did you... did you decide...”.

Иногда ее голос приобретает “скрипучее” качество: “Joe, can I ask you what...”, “you get the...”. В первом из этих случаев (“Joe, can I ask you what...”) глоттализация (скрипучий голос)⁹ реализуется на высоких нотах голосового диапазона ведущей, что является еще одним подтверждением того, что скрипучий голос может появляться на любых (а не только на низких, как считают некоторые фонетисты¹⁰) нотах¹¹.

Глоттализация была замечена в речи этой ведущей и перед начальным ударным гласным как средство эмфазы, т. е. функционально глоттализация уподобляется здесь глоттальному взрыву: “to [cr>?]all (of us)”. Слово “all” произносится с низким нисходящим тоном и глоттализация как бы дополнительно подчеркивает его лексическое значение, которое и является важным в данном контексте (важен тот факт, что снобизм присущ именно всем людям). Впрочем, глоттализация в данном случае может быть вызвана и скоплением гласных на стыке слов¹².

Глоттализация с неполным закрытием голосовой щели вместо глоттального взрыва с полной смычкой голосовых связок более характерна для американского произношения. Кстати, у этой ведущей не были замечены какие-либо другие черты американского произношения. Возможно, глоттализация в данном случае вызвана некоторым ослаблением напряженности речи к концу предложения. Громкость здесь немного понижается, что вызвано ослаблением силы выдоха, и с этим,

⁹ Под глоттализацией (или «узкой глоттализацией», глоттальным сужением) здесь имеется в виду сужение голосовой щели, не достигающее до полного смыкания голосовых связок, необходимого для образования глоттального взрыва. Сужение голосовой щели сопровождается нерегулярными колебаниями голосовых связок, что воспринимается на слух как «скрипучий голос».

¹⁰ См., например, *K. Kohler. Glottal stop and Glottalization. A Prosody in European Languages // Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel 30, 1996. P. 207-216.*

¹¹ См. об этом работы *М. В. Давыдова*; см. также *A. C. Gimson. Ibid.*

¹² О глоттальном взрыве между гласными на стыке слов (для избежания «зияния» гласных) см. *A. C. Gimson. Ibid. P. 168; A. Stene. Hiatus in English. Problems of catenation and juncture. Anglistica, vol. III. Copenhagen, 1954. P. 17.*

возможно, связано некоторое расслабление мышц голосового аппарата, в том числе и голосовых связок¹³.

В другом месте при эмфазе та же ведущая произносит «полноценный» глоттальный взрыв (опять перед ударным гласным): “known as [ʔ]Estu-arial \English”. Помимо глоттального взрыва эмфаза выражается также высоким ровным тоном на первом слоге слова “[ʔ]Estu-arial”, повышенным уровнем громкости, замедленным темпом и паузами перед и после слов “[ʔ]Estu-arial \English”, слово “[ʔ]Estu-arial” произносится почти по слогам.

Ведущая иногда использует пре-глоттализацию (усиление глоттальным взрывом) слогоконечных взрывных, например: “adopting wha[ʔ]t’s known as”, “that it comes naturally ([næʔtʃḡrəl] to...”. Глоттальный взрыв в слове “naturally” как бы «подчеркивает» его лексическое значение: снобизм естественно, от природы присущ всем людям (здесь также представляется возможным говорить об эмфатической мотивации). В целом пре-глоттализация в речи этой ведущей нерегулярна: одно и то же слово может в другом месте произноситься без глоттального усиления, например: “What are the high \standards...”, “what did you decide in the end?”

Приведем еще один пример речи ведущего менее «серьезной» (но все-таки не развлекательной) передачи на культурную тему:

«It’s more than two thousand three hundred years since Alexander the Great led his Greek and Macedonian soldiers to extra\ordinary military victory over the Egyptians, the Persians, extending his Empire right up to the borders of modern day [ʔ]India! But the man who first extended Greek cultural influence right across Central Asia is again back in the news \now! The Chicago based Alexander the Great Foundation is planning to create the World’s largest face monument in his name. Alexander’s legendary features will be [ʔ]edged up to seventy-five meters tall – into the side of a Northern Greek \mountain, not far from the town of his \birth!»

Данный отрывок характеризуется экспрессивной просодией, в частности использованием повышенной громкости, высокого нисходящего тона (в том числе и «усиленного»), эмфатического высокого нисходящего тона: “extra\ordinary”), иногда в сочетании с восходящей шкалой, когда каждый следующий ударный слог произносится на более высокой ноте, чем предыдущий. Создается впечатление, что восходящая шкала как бы «подводит» к высокому нисходящему тону, способствует нарастанию эмоционального напряжения, поддержанию интереса слушателей. Что касается глоттального взрыва, в этом отрывке он ис-

¹³ Отсюда, впрочем, не следует, что глоттальный взрыв при понижении громкости всегда «переходит» в глоттализацию. Чтобы утверждать последнее, необходимо провести специальное исследование.

пользуется только два раза, оба в целях эмфазы (“^[ʔ]India!”), “will be [^ʔ]edged up to”), причем в первом случае эмфаза «поддерживается» и высоким нисходящим тоном (“^[ʔ]India!”).

Итак, материал радиовещания показал, что в оживленной, эмоциональной речи наблюдается более широкое варьирование просодических параметров и больше вероятности появления глоттального взрыва. Причем глоттальный взрыв используется ведущими в основном как средство выражения эмфазы, что не противоречит произносительной норме, но не вместо сильных взрывных согласных. Последнее уже выходит за рамки нормы.

Следует отметить, что чрезмерно эмоционально окрашенная речь не может быть выбрана в качестве образца для филолога-иностранца. Как неоднократно утверждалось в работах нашей филологической школы¹⁴, в основе филологического LSP (филологического языка для специальных целей) лежит функциональный стиль интеллективного сообщения, в котором главной, доминирующей функцией языка является функция передачи интеллективной информации¹⁵.

В речевых произведениях этого стиля преобладает нейтральная (с точки зрения эмоциональности) просодия и произношение требует строгого следования норме. Разумеется, полностью нейтральные в эмоционально-выразительном плане произведения речи встречаются сравнительно редко (примером, пожалуй, могут служить выпуски новостей). Как правило, и в произведениях интеллективного стиля встречаются отступления от абсолютно нейтрального просодического оформления, возможно использование определенных риторических приемов, средств тембральной сверхсинтактики и аффективной силлабики. Тем не менее, все эти приемы и средства должны использоваться умеренно, таким образом, чтобы их использование способствовало передаче и восприятию основного интеллективного содержания, но ни в коем случае не отвлекало слушателя от этого содержания.

К тому же, речь филолога должна быть понятной для слушателей (intelligible) и соответствовать определенному уровню культуры речи, иными словами, речь должна быть плавной¹⁶, не слишком монотонной,

¹⁴ Филологическая школа, основанная А. И. Смирницким и О. С. Ахмановой.

¹⁵ См., например, *O. S. Akhmanova, R. F. Idzelis. What is the English We Use?* М., 1978; *V. V. Vasil'ev, T. B. Nazarova. The Methodology of the Learner-Oriented English Language Teaching.* М., 1989; *N. B. Gvishiani. Terminology in English Language Teaching.* М., 1993; *И. М. Магидова. Введение в английскую филологию.* М., 1985 и др.

¹⁶ Под плавностью речи здесь имеется в виду то, что речь не должна быть слишком отрывистой (jerky): см. в этой связи *Registers and Rhythm / Ed. by O. Akhmanova, T. Šiškina.* MSU, 1975. P.24-82. Другими словами, здесь не подразумевается противопоставление плавной и неплавной речи в смысле присутствия парентетических вставлений. О парентетических вставлениях и неплавной речи см. *О. В. Долгова. Семиотика неплавной речи.* М., 1978.

но и не чрезмерно экспрессивной, достаточно громкой, не слишком быстрой и, как уже было сказано, она должна соответствовать литературной норме произношения.

Глоттальный взрыв как явление, свойственное экспрессивной речи и употребляемое для выражения логической эмфазы, хотя и довольно ограниченно, все же можно рекомендовать для филолога в качестве средства выражения эмфазы. Немаловажным аргументом в пользу этого вывода является и то, что глоттальный взрыв, как и глоттализация (в значении расширения глоточного резонатора, а не в значении скрипучего голоса¹⁷), способствует выработке правильного произношения английских гласных заднего ряда и нижнего подъема, в особенности так называемых напряженных гласных.¹⁸ Однако следует помнить, что слишком частое использование глоттального взрыва делает английскую речь отрывистой, неприятной, а произнесение его вместо взрывных согласных может снижать ее понятность для слушающего. По этой причине замена взрывных согласных глоттальным взрывом совершенно недопустима в речи филолога.

Литература

1. О. С. Ахманова. Фонология, морфонология и морфология. М., 1966.
2. М. В. Давыдов, В. Б. Феденев. Паронимы или квазиомонимы? ИНИОН АН СССР, № 4961, 1980.
3. М. В. Давыдов. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984.
4. М. В. Давыдов, Г. Т. Окушева. Значение и смысл созвучий в современном английском языке. М., 1994.
5. М. В. Давыдов, О. С. Рубинова. Ритм английского языка. М., 1997.
6. С. В. Дечева. Слоговоеделение в языке и речи (на материале английского языка): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1983.
7. С. В. Дечева. Когнитивная силлабика. М., 1998.
8. О. В. Долгова. Семиотика неплавной речи. М., 1978.
9. И. М. Магидова. Введение в английскую филологию. М., 1985.
10. Е. М. Мешкова. «Глоттальный взрыв» и «глоттализация» в германских языках // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 19. М., 2001. С. 47-49.
11. Т. Б. Назарова. Филология и семиотика. М., 1994.
12. Специализация. Введение в английскую филологию. (Specialisation manual for first year undergraduate students.) / Под ред. О. С. Ахмановой, М. В. Давыдова, И. М. Магидовой. М., 1978.
13. O. S. Akhmanova, R. F. Idzelis. What is the English We Use? М., 1978.
14. J. D. O'Connor. Better English Pronunciation. Cambridge University Press, 1994.

¹⁷ О взаимосвязи этих двух явлений, обозначаемых термином «глоттализация», см. Е. М. Мешкова. «Глоттальный взрыв» и «глоттализация» в германских языках // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 2001. С. 47-49.

¹⁸ См. также М. В. Давыдов, Y. V. Yakovleva. Prosodic Images in English Speech. Moscow, 1999, P. 27-28.

15. *R. Barzycka*. Glottalisation in Present-Day RP, a Dynamic Approach // *Acta Univ. wratislaviensis*. – Wrocław, 1991. – N 1061. *Anglica wratislaviensis*, N 17. – P. 13-24
16. *D. Crystal*. *The English Language*. Penguin Books, 1990.
17. *M. V. Davydov, Y. V. Yakovleva*. *Prosodic Images in English Speech*. Moscow, 1999.
18. *S. V. Decheva*. *English Syllabification as Part of the Learner-Oriented Speechology*. M., 1994.
19. *S. V. Decheva*. *The Bases of English Philology*. M., 2000.
20. *A. C. Gimson*. *An Introduction to the Pronunciation of English*. Hertford, 1970.
21. *N. B. Gvishiani*. *Terminology in English Language Teaching*. M., 1993.
22. *J. Honey*. *Does Accent Matter? The Pygmalion Factor*. London, Boston, 1984.
23. *D. Jones*. *An Outline of English Phonetics*. Cambridge, 1960.
24. *K. J. Kohler*. Glottal stop and Glottalization. *A Prosody in European Languages // Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel* 30, 1996. P. 207-216.
25. *S. Ramsaran*. RP: fact and fiction // *Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative volume in honour of A. C. Gimson*. Ed. by S. Ramsaran. London, 1991. P. 178-187.
26. *Registers and Rhythm*. Ed. by *O. Akhmanova, T. Šiškina*. MSU, 1975.
27. *P. Roach*. *English Phonetics and Phonology*. Cambridge University Press, 2000.
28. *A. Stene*. *Hiatus in English. Problems of catenation and juncture*. *Anglistica*, vol. III. Copenhagen, 1954.
29. *V. V. Vasil'ev, T. B. Nazarova*. *The Methodology of the Learner-Oriented English Language Teaching*. M., 1989.
30. *J. C. Wells*. *Accents of English*. Cambridge University Press, 1982.

Динамика внутренней структуры существительных Leben, Existenz, Dasein, Bestehen, Sein

© П.У. Магомедова, 2003

Лексическое значение слова представляет собой семантическую структуру, элементы которой по-разному зависят друг от друга и взаимосвязаны на основе общих семантических ассоциаций, образуя так называемую иерархию значений. Между значениями многозначных слов существуют известные связи, а поскольку значение слова – подвижный элемент, то эти связи легко меняются; но это не означает их ликвидации, так как слова обозначают определенные предметы, явления реальной действительности и отношения, которые преходящи, подвижны.

Семантическая структура слова способна изменяться под воздействием общих изменений семантического строя языка, порождаемых взаимодействием лексических и грамматических факторов. Как справедливо отмечает Р.А. Будагов, «изменение отдельного слова обычно прямо или косвенно отражается на изменении других слов, связанных с ним по той или иной линии: словообразовательной, семантической, этимологической» (Будагов, 1965:41).

Существительное *Leben* имеет четыре лексико-семантических варианта, между которыми существует тесная связь. Основной вариант – “жизнь” обозначает: а) физическое существование: *Er habe sich in einem Hamburger Hotel das Leben genommen, mit Gift, wie man feststellte (Dürrenmatt, Der Verdacht, S. 146); Wir hatten damals noch keine Ahnung, Robert, daß eine Handbewegung das Leben kosten kann (Böll, Billard um halb zehn, S. 152); б) продолжительность физического существования: ...sein Leben lang hatte er die Anzüge tragen können, die er sich als junger Mann gekauft hatte (Böll, Billard um halb zehn, S. 180); Und wenn ein Mensch sehr traurig ist, nicht weil er Zahnweh hat oder Geld verloren, sondern weil er einmal für eine Stunde spürt, wie alles ist, das ganze Leben, und er ist dann richtig traurig... (Hesse, Steppenwolf, S. 302).*

Производным от основного является лексико-семантический вариант “образ жизни”. *Hinzu kamen die vielen anonymen Verleumdungen, die ihm das Leben zur Hölle machten... (Neues Deutschland 2000); Anna lebt an der Seite ihres wesentlich älteren Mannes ein gut situiertes, wenn auch freudloses Leben (Bronnen, Leas siebter Brief, S. 97).*

Производным от предыдущего является вариант “совокупность общественных форм жизни”. *In Europa zwischen den Erscheinungen des gewerblichen und politischen Lebens hätte diese Kolonie den Eindruck eines*

Narrenhauses oder phantastischen Komödie gemacht (Hesse, Bericht aus Normalien, S. 61); Ohne Ausländer wäre das Leben in Deutschland doch langweilig, meint Resch (Markt 2002).

ЛСВ «оживление» является производным от основного варианта «жизнь». Vor allem waren keine Läden mehr zu sehen. Die Straßen waren ohne Leben (Hesse, Bericht aus Normalien, S. 65); Auch in den Bäumen, die auf ihrem unterspülten Wurzelwerk im Uferlehm thronen, regt sich Leben (Wirtschaft Umwelt 2000).

Лексико-семантический вариант „человек“ также является производным от основного варианта „жизнь“. Существительное Leben в данном варианте употребляется в качестве обращения к любимому человеку, например: Du mein geliebtes Leben!; Reich mir die Hand, mein Leben! Данный лексико-семантический вариант характерен для художественной литературы.

Как бы ни были разнообразны значения существительного Leben, несомненно все же то, что все они группируются вокруг одного смыслового стержня “жизнь”. Именно это центральное осмысление слова и определяет все его последующие значения: образ жизни, оживление, человек и совокупность общественных форм жизни. Такие лексико-семантические варианты существительного Leben как «жизнь», «образ жизни», обозначают процесс, мыслимый предметно. Наряду с ними лексема Leben характеризуется целым рядом лексико-семантических вариантов, которые наглядно демонстрируют предметный характер данного существительного: “оживление”, “совокупность общественных форм жизни”, “человек”.

В процессе языкового развития деривационная связь между исторически исходным и производным значением может стать менее ощутимой, вследствие чего происходит перераспределение отношений производности и мотивированности. В результате, производные с диахронической точки зрения значения начинают восприниматься не только как составная часть семантической структуры слова, но и как значения вполне самостоятельные, каждое из которых направлено на отдельный предмет действительности. Так, например, у существительного Dasein вариант с этимологическим значением “присутствие” существует и в настоящее время, но он не является основным. Роль последнего играет в современном языке вариант – “жизнь”, характеризующий жизнь с точки зрения ее качества, образа жизни. Gelingen macht zufrieden. Eine Arbeit tut gut, in der ich nicht nur irgendwas erledige, sondern in der ich mich verwirkliche. Das bewirkt ein sonnenhaftes und funkelndes Dasein mit innerem Wachstum (Welt 2003); Mein Gott, war ich denn nicht längst weit genug entfernt vom Leben jedermanns, vom Dasein und Denken der Nomaden, war ich nicht reichlich abgesondert und verrückt? (Hesse, Steppenwolf, S. 257). В

силу своего интенсивного семантического развития этот вариант сместил смысловой центр и стал основным, вокруг которого группируются остальные варианты.

Производным от основного воспринимается теперь вариант “бытие, существование”. В прошлом он был производным от варианта с этимологическим значением “присутствие”. Если основной вариант характеризует жизнь как некий процесс, то данный вариант указывает на сам факт существования предметов, явлений или лиц: *Der alte Garriazo sucht nach seiner Tochter, von deren Dasein er erst kurz zuvor erfahren hat* (Welt 1999). Лексико-семантический вариант «бытие, существование» функционирует в сфере философии, но его понятийное содержание подвергается при этом известному преобразованию, что связано с номинативно-дефинитивной функцией термина. Этимологическое значение “присутствие” воспринимается как производное от варианта “бытие, существование”. *Die Überlebenden erinnerten durch ihr bloßes Dasein an das Vergangene und Begangene* (Welt 2003). Лексико-семантический вариант “присутствие” существительного *Dasein* в современном языке не играет особой роли.

У существительного *Existenz* основной вариант соответствует этимологическому значению “бытие, существование”: *In den letzten Monaten seiner Existenz holte das faschistische Regime zu einem blutigen Schlag aus* (Neues Deutschland 2000); *Wer wirklich nach oben will, muß auch Seitewege gehen können: in Abteilungen, von deren Existenz er möglicherweise vor seinem Eintritt ins Unternehmen nicht einmal wußte* (Markt 2000). Данный лексико-семантический вариант функционирует в области философии.

Производным от основного является вариант “жизнь”. Еще совсем недавно данный вариант не выделялся в словарях. Вариант “жизнь” обособился в современном языке. Причиной обособления данного варианта послужило его широкое употребление с существительными, обозначающими субъекты, а также с прилагательными, характеризующими существование, не как статический факт, а процесс, имеющий ту или иную качественную характеристику. *Warum ich trotz aller Verzweiflung den Tod so entsetzlich hatte fürchten müssen, und begann zu merken, daß auch diese scheußliche und schmäbliche Todesfurcht ein Stück meiner alten, bürgerlichen, verlogenen Existenz war* (Hesse, *Steppenwolf*, S. 318). Производный вариант “материальное положение, источник дохода” связан с лексико-семантическим вариантом “жизнь”. Данный вариант функционирует в области экономики. *Die Existenz der mit viel Fremdkapital arbeitenden Fonds ist demnach also nicht gefährdet* (Financial Times 2003). Лексико-семантический вариант “человек, личность” является производным от варианта “жизнь”. Вариант “человек, личность” характеризу-

ется негативной оценочной семантикой. Über das Vorbild von Eulenspiegel weiß man so gut wie nichts, und Wilhelm Voigt, wie der Köpenicker Kleinkriminelle tatsächlich hieß, war eine gescheiterte Existenz (Welt 2003).

Существительное Bestehen имеет три лексико-семантических варианта. Основным является вариант “наличие, существование”. Das Medienhaus erzielte in den ersten sechs Monaten 1999 das beste Halbjahresergebnis seit seinem Bestehen (Welt 1999). Данный лексико-семантический вариант функционирует также в сфере гражданского права для обозначения существования той или иной сделки. Производными от основного являются вариант “сдача” (учебной дисциплины): Dabei ging es um gar nichts mehr: die nötigen Punkte zum Bestehen des Abiturs waren gesammelt, die “Zwei” vor dem Komma der Durchschnittsnote gesichert (Menschen in Deutschland 1995). Существительное Bestehen в данном ЛСВ может обозначать также переживание, преодоление, например: Das Bestehen von Abenteuern gehörte zum Leben der Ritter (Welt 1999). Der Gebrauch des Sperrdifferenzials ging ihnen in Fleisch und Blut über - die hochtechnisierten Diesel schätzten sie bald als den wirklich einzigen Garanten für das Bestehen des Abenteurers (Financial Times 2003). Производным от предыдущего является ЛСВ “настойчивость”. Sokrates wird – durch sein Bestehen auf eigenem Denken, auf Erfahrung, auf Einsicht – zum Eideshelfer für eine praktisch orientierte Aufklärung (Welt 1999).

Существительное Sein функционирует как моносемантическая единица и имеет значение «бытие, существование». Die Poesie des Alltäglichen und die Schönheit des Seins scheinen in diesen Szenen in ihrer ganzen Beiläufigkeit auf (Welt 2003). Данное существительное употребляется также для обозначения образа жизни. Семантические особенности, приобретаемые существительным Sein в том или ином контексте его употребления могут иметь как положительную, так и отрицательную характеристики. Например, такое выражение как ein Sein führen имеет значение “влачить жизнь в отрыве от общества”, в то время как выражение vernünftiges Sein в следующем примере обозначает разумный образ жизни. Die Ersatzhandlung des Rauchens ist das Eingeständnis des vernünftigen Seins (Financial Times 2003). Рассматриваемое существительное обнаруживает сочетаемость с прилагательными, относящимися к социальной сфере деятельности, что свидетельствует о новой направленности в семантике данного существительного, например: Mit der Angleichung des wirtschaftlichen Seins von A- und B-Ländern ist wohl auch das Bewußtsein in Mitleidenschaft gezogen worden (Welt 2003).

Структура многозначного слова далеко не всегда поддается четкому разграничению. Подтверждением подвижности и динамизма значений, составляющих структуру слова, служат данные словарей немец-

кого языка. Однако отсутствие возможности четкого разграничения языковых явлений не снимает важности их тщательного анализа и описания. При анализе многозначного слова возникает проблема строгой дифференциации различного употребления слова в одном ЛСВ, различное их предметное отнесение, и действительное различие значений слова. Например: *die Entstehung des Lebens*, *die Länge des Lebens* в ЛСВ “жизнь, существование” и *die Entstehung des schönen Lebens* в ЛСВ “образ жизни”, *viel vom Leben wissen* в ЛСВ “совокупность общественных форм жизни” и т.д., где непосредственными факторами, связанными с разграничением ЛСВ является сочетаемость. Так, существительное *Leben* выступает в следующих примерах в разных ЛСВ, например: *ein schönes Leben auf dem Lande*, где *Leben* обозначает “образ жизни”, сочетается со словами, характеризующими то или иное качество жизни, и *ein reges Leben auf der Straße*, где существительное *Leben* обозначает оживленную деятельность, внешнее проявление жизни, сочетается со словами, обозначающими ту или иную интенсивность оживления с указанием на место.

Различия между ЛСВ слова, довольно часто находят свое выражение в различии морфологического оформления. Взаимодействие лексических и морфологических значений находит свое выражение в особенностях ЛСВ слова. По одним ЛСВ существительные функционируют только в единственном числе, по другим – во множественном, или в обеих формах числа по одним ЛСВ и в какой-либо одной – по другим. Так, например, если существительное *Existenz* обозначает человека, то представляется естественным, что слово в данном ЛСВ употребляется во множественном числе, например: *Ich hatte über diese Art von Wesen und Leben sehr wenig gewußt, nur beim Theater hatte ich früher gelegentlich ähnliche Existenzen, Frauen wie Männer, angetroffen, halb Künstler, halb Lebewelt* (Steppenwolf, 1970:327).

Особенности употребления тех или других форм образуют грамматическую характеристику определенного ЛСВ. Эти грамматические особенности не уничтожают тождества слова, поскольку они выступают в качестве обусловленных лексической семантикой: они представляются понятными и вполне оправданными особенностями данного значения слова (Смирницкий, 1998:158-159).

Л и т е р а т у р а

- Будагов Р.А. Проблемы развития языка. М, 1965.
Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды по лексикологии и лексикографии- М., 1977.
Ивлева Г.Г. Тенденции развития слова и словарного состава. М., 1986.
Левковская К.А. Лексикология немецкого языка. М., 1956.
Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1998.

Большой немецко-русский словарь. Под редакцией проф. О.И. Москальской. М., 1997.
Duden. Das Grosse Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden. Mannheim, 1994.
Kluge. Etymologisches Wörterbuch. 23., erweiterte Auflage, bearbeitet von Elmar Seebold, 1999.
Klappenbach R. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1969-78.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Выражение косвенного содержания в английском языке и литературе

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2003

Актуальность данной темы объясняется изменившимися условиями межличностного общения представителей разных культур, таких, как русская и различные культуры, представители которых являются носителями английского языка. Преподаватели иностранных языков в последнее время все чаще указывают на то, что усвоение языка без знания культуры недостаточно для эффективного контакта между представителями разных национальностей и языков, что необходимо прежде всего изучение национальной культуры для того, чтобы состоялось полноценное общение, при котором его участники способны достигнуть полного взаимопонимания. Если исходить из основных функций языка, то можно сказать, что на уровне межличностного общения на первый план выходит не функция сообщения, действие которой довольно тщательно и подробно изучено в языковедческой литературе, а функции общения и воздействия. В связи с этим в лингвистических исследованиях начинает изменяться парадигма, по-другому расставляются акценты и на первый план выходят языковые явления, которые раньше получали гораздо меньше внимания.

Существенным для разработки данной темы может быть рассмотрение тех случаев, когда функционирование экспрессивных единиц определенного рода переключается в речь, в конкретные контексты, когда языковые и стилистические приемы, семантические операции определенного рода, а также синтаксические конструкции становятся реальным эффективным инструментом коммуникации, демонстрируя то, как ведут себя в определенных ситуациях британские и американские носители языка, то есть в такие моменты, которые сопряжены с основными категориальными признаками речевого поведения британских и американских носителей языка.

Различия между носителями этих двух диалектных вариантов английского языка, являющихся частью культур, довольно-таки плюралистических по своему характеру, в самом обобщенном виде следующие: для представителей британской культуры наиболее характерны уклончивость, иносказание (*circumlocution*), парафраза, расплывчатые смыслы (*ambiguity*), двусмысленность (*double meaning, doublespeak, double talk*),

эвфемизация речи, недосказанность и недоговоренность (understatement) и их более узкая разновидность мейосис, ирония, сарказм. Британские носители английского языка скажут, например, что какое-то место находится «на некотором расстоянии», имея в виду, что оно расположено далеко; они говорят ‘It needs some faith to believe that’ (‘Чтобы в это поверить, требуется некоторая доверчивость’), имея в виду едва ли встречающуюся в жизни степень доверчивости, и т.п.

В современном культуроведении принято считать, что, в отличие от носителей британской разновидности, для американских носителей английского языка, по крайней мере внешне, как бы в пику бывшим соотечественникам по Британской империи, характерна (и высоко ценится в американской культуре) прямота выражения мысли, что обусловлено другими требованиями общения в данном социокультурном сообществе, где вследствие определенной конкретной межнациональной и социо- и геополитической ситуации наиболее выигрышными оказывались открытая, честная игра, открытое, честное партнерство и другие личные качества такого же рода. Что касается британского менталитета, то исследователи предполагают, что он, в частности, сформировался во времена Британской империи благодаря долгому общению подданных Великобритании со странами Азии, с представителями восточных культур, в которых ценятся, например, следующие качества: многословие, велеречивость, цветистость речи, не прямое обещание, намек, имплицитное выражение смыслов (например, через притчи, басни и т.п.).

Если попытаться гипотетически сопоставить наиболее излюбленные способы выражения смысла в диапазоне от подчеркнуто, демонстративно ярко выраженного смысла до легкого намека, аллюзии, едва намеченных и поэтому очень легко ускользающих от понимания, то создается впечатление, что, если говорить о наиболее общеупотребительных приемах, носители русского языка в массе своей скорее склонны к выражению более выпукло очерченного и явно выраженного смысла, в то время как носители британского английского предпочитают недоговоренности и частичное выражение смысла. Другими словами, носители русского языка предпочитают эксплицитное выражение смысла, в то время как британские носители английского языка склонны к имплицитности.

Немаловажно также отметить, что у исследователей британской разновидности английского языка создается такое впечатление, что на большую утонченность и рафинированность, если не сказать даже некоторую изощренность выражения смыслов в британском английском могла повлиять очень широкая и повсеместная распространенность популярных психологических знаний. Следует отметить, что, в отличие

от России и Советского Союза, где психология вплоть до примерно шестидесятих годов на официальном уровне считалась чуть ли не псевдо- и лженаукой, наряду с генетикой и кибернетикой, в Великобритании никогда не было таких запретов и не прерывалась традиция психологических исследований, которая ведет свое начало от Зигмунда Фрейда и предшествовавших ему ученых. В связи с данной темой можно кстати упомянуть, что Фрейд, считающийся первооткрывателем «бессознательного» в психологической науке, не случайно сделал однажды упоминание о том, что «бессознательное» открыл не он, а писатели, ведь наличие неосознанных мотивировок поведения было известно еще и до него и описывалось в многочисленных произведениях литературы.

Продолжая психологическую линию, можно отметить, например, тот факт, что если в русском языке выражение «косвенное внушение» является специальным психологическим термином, со смыслом которого знакомы в основном специалисты, то в английском языке эквивалентное ему выражение 'indirect suggestion' является частью общеупотребительного словарного запаса, со смыслом которого знакомы все грамотные носители языка. Представляется, что этот факт также подтверждает широкое распространение самого явления передачи смысла косвенными способами.

Пытаясь понять роль косвенных способов выражения смысла, в частности, таких приемов, как ирония и сарказм, в ряду других ценностных социокультурных составляющих английского менталитета, имеет смысл обратиться к тому, как их интерпретируют сами носители этой культуры. Так, например, в книге «Жизнь и как в ней уцелеть» один из ее авторов, известный британский комический актер и автор киносценариев Джон Клиз, сравнивая американскую и британскую культуры, говорит следующее: «Американцы не любят сложности и противоречия; косвенный смысл любого рода, околичности, иносказания, уклончивость вызывают у них неловкость. К двусмысленности и парадоксам американцы не просто испытывают неприязнь и недоверие, они воспринимаются как совершенно ненужные [...] Для американцев отсутствие прямоты и недвусмысленности – это табу.

При этом это то единственное, на что способны мы, англичане. Мы наслаждаемся и упиваемся «отстраняющими» приемами в общении – говорим странными, потешными, чудными голосами, произносим все как бы в кавычках, используем намеки и аллюзии, говорим неполными предложениями и, прежде всего, используем иронию. Простая, прямая, недвусмысленная речь воспринимается как тревожный сигнал и дурной тон – как своего рода мещанство и филистерство.

Но, в отличие от нас, ирония вызывает у американцев чувство неловкости. Они оказываются в полном недоумении, заходят в тупик,

когда используется ирония. Если говорить прямо, она вызывает у них панику».

В качестве иллюстрации Джон Клиз приводит пример из американского фильма «Роксана», в котором героиня произносит нечто саркастическое и, когда ее собеседник реагирует на это непониманием, она объясняет, что это была ирония. «Ах, ирония!» - говорит ее собеседник. «Да, у нас здесь ничего такого не было... ну, я думаю, где-то с 1956 года».

Таким образом, можно говорить о том, что взаимодействие и игра цивилизаций в случае британских и американских социокультурных и психолингвистических установок привели к совершенно различным результатам. Представляется, что такие вышеупомянутые элементы непрямого дискурса, как околичности, уклончивость, иносказание, парафраза, двусмысленность, эвфемизмы, недосказанность и недоговоренность, мейосис, ирония, сарказм и другие языковые, риторические и стилистические приемы подобного рода в своей совокупности можно считать составляющими базовых, фундаментальных речевых особенностей, характерных для естественных носителей британского варианта английского языка. При этом некоторые из них изучены очень мало, поэтому их изучение может оказаться очень плодотворным.

Материал для разработки данной темы следует искать в произведениях современной британской литературы, в газетных и журнальных публикациях (т.е. в материалах, взятых из средств массовой информации), а также в реальной речевой практике естественных носителей английского языка. В произведениях таких современных британских авторов, как Дэвид Лодж, Айрис Мэрдок, Анита Брукнер, Малкольм Бредбери, Маргарет Дрэбл, Мюриел Спарк, таких классиков XX века, как П.Г. Вудхаус и другие можно найти довольно много примеров, иллюстрирующих употребление данных приемов. Так, например, рассказ Мюриел Спарк 'The Pawnbroker's Wife' («Жена ростовщика») начинается следующим образом:

At Sea Point, on the coast of the Cape of Good Hope, in 1942, there was everywhere the sight of rejoicing, there was the sound of hilarity, and the sea washed up each day one or two bodies of servicemen in all kinds of uniform.

Как видим, в этом отрывке содержатся слова, имеющие положительные коннотации: the Cape of Good Hope (Мыс Доброй Надежды), rejoicing (ликование). Однако после упоминания всех этих положительных понятий автор тут же чуть ли не мимоходом отмечает тот факт, что каждый день море выносило на берег тела солдат, одетых в мундиры самых разных армий. Своего рода переходом к этому является выражение the sound of hilarity, которое, по-видимому, описывает буйное весе-

лье тех солдат, которым на данный момент удалось спастись от ужасов войны. Таким образом, саркастическое звучание этого предложения создается контрастом между значением положительно окрашенных слов, начинающих это предложение, и ужасным фактом гибели людей на войне, невзирая на который оставшиеся в живых солдаты предаются веселью. Саркастическую ноту вносит также выражение *in all kinds of uniform*, подчеркивающее тот факт, что смерть стирает всякие политические, социальные, сословные и ранговые различия, что после гибели солдат становится несущественно, военную форму какой страны они носили.

К обоснованию необходимости изучения данной темы можно, в частности, добавить следующее: в то время как в русском языке такие слова, как “недосказанность”, “недоговоренность” являются просто общеупотребительными словами, принадлежащими к основному ядру лексического запаса русского языка, в английском языке соответствующее им слово *understatement* приобрело нечто вроде терминологического статуса. В пособиях по английскому языку, в справочниках и словарях это слово используется как повседневный, обыденный синоним научного филологического слова “мейосис”. Эрик Партридж в своем многократно переиздававшемся словаре ‘*Usage and Abuse. A Guide to Good English*’ (“Использование языка и злоупотребление им. Путеводитель по правильной речи на английском языке”) называет *understatement* величайшей добродетелью англичанина (‘*the supreme virtue of an Englishman*’). Согласно Эрику Партриджу, если англичанин говорит: ‘*I dislike that woman*’ (‘Мне не очень нравится эта женщина’), этой женщине следует удалиться из поля его зрения как можно быстрее (в данном контексте любопытно то, что сам Эрик Партридж также не употребляет слова типа «ненавидит», «противна» и т.п.); если же англичанин говорит, что какое-то неожиданно возникшее препятствие или неприятность ‘*is rather a nuisance*’ (‘это довольно-таки неприятно’), он имеет в виду, что это адски отвратительно и мерзко или крайне неудачно, плачевно и достойно величайшего сожаления. Эрик Партридж предупреждает, однако, что, если в речи недоговоренности такого рода, недодовысказанность смысла в общем и целом действительно являются добродетелью, то в письменных произведениях они с легкостью могут вводить читателя в заблуждение. Совет, который он формулирует в конце этой словарной статьи, заключается в следующем: не злоупотребляйте британской сдержанностью и английским мейосисом.

Мейосис объясняется исследователями как использование недоговоренности не для того, чтобы обмануть, а для того, чтобы усилить впечатление, производимое на слушателя. Этот термин часто применяют к противоположному высказыванию в отрицательной форме, кото-

рое в литературоведении называется литотой, но на самом деле в британском варианте английского языка этот прием принимает много различных других форм, которые можно противопоставить гиперболе. Этот прием очень распространен в разговорных, сленговых и жаргонных разновидностях английского языка, например, устаревшее на данный момент 'Rather' ('довольно-таки') в качестве эмфатического подтверждения, согласия и т.п. ('Do you like it?' 'Rather!' не в смысле 'несколько', 'до некоторой степени', а в смысле 'в высшей степени').

Аналогичную функцию выполняет заимствованное, как считает автор влиятельного «Словаря английского словоупотребления» Генри Фаулер, из американского варианта английского языка в британскую разновидность употребление местоимения 'some' ('некоторый' в смысле 'еще тот'). Например, 'This is some war', с сильным ударением на слове 'some', является современным разговорным оборотом, который означает 'Это колоссальная война' или 'Это и в самом деле война, всем войнам война'. Генри Фаулер считает, что словоупотребление такого рода является следствием общей для британских и американских носителей английского языка любви к мейосису. Когда британец говорит 'I'll see you further (i.e. in hell) first' ('Сперва я тебя там (т.е. в аду) увижу', то есть произносит фразу, аналогичную высказыванию типа русского «Не дождетесь!»), это пример мейосиса, так же, как и 'didn't half swear' ('даже наполовину не матерился', то есть матерился чудовищно), выражение, которое данный авторитет в области английского словоупотребления квалифицирует как «странным образом инвертированную гиперболу». Генри Фаулер рассматривает эти случаи словоупотребления, при помощи которых он иллюстрирует понятие мейосиса, 'как самые близко знакомые носителю британского английского языка примеры'. Он предлагает сравнить вышеприведенную фразу о войне с его собственным эквивалентом 'something like a war' ('нечто типа войны'), который, как он справедливо считает, лишен пикантной необычности и нестандартности мейосиса.

Мейосис также можно рассматривать среди риторических приемов как некоторого рода недоговоренность, недосказанность, которая преуменьшает или отвергает нечто, или пренебрегает им, или отмахивается от какого-то явления как от несущественного, особенно вследствие использования выражений, благодаря которым нечто кажется менее значимым, чем оно является на самом деле или чем его следовало бы воспринимать, например, называя серьезную рану царапиной, а журналиста писакой, бумагомарателем или «негром» (литературным поденщиком).

На важность, распространенность и значимость мейосиса как языкового явления в британском варианте английского языка указывает тот

факт, что мейосис неизменно упоминается в различных пособиях, справочниках и словарях, посвященных правильности английской речи (по контрасту можно упомянуть тот факт, что это понятие отсутствует даже в специальных литературоведческих справочниках и словарях русского издания, авторы которых, по-видимому, считают вполне достаточным объяснить и проиллюстрировать понятие литоты).

Справедливости ради следует отметить, что между понятиями мейосиса и литоты есть довольно много общего. В английских словарях литота часто объясняется как то же самое явление, что и мейосис, или как его разновидность. Как объясняют авторы, литота иногда ограничивается конкретным видом риторической недосказанности, в которой вместо требуемого утвердительного или положительного понятия используется противоположное ему в отрицательной форме. Например, в первом послании коринфянам Нового Завета фраза 'I praise you not' (Не хвалю вас; Не похвалю) имеет эффект экспрессивного 'я обвиняю вас'; у Шекспира 'I like it not' имеет эмфатическое значение 'мне это неприятно (противно)'; not a few ('не немного', 'немало') означает огромное количество; Not bad, eh? (Неплохо, а?) означает 'великолепно', 'He is no coward' ('Он отнюдь не трус') означает, что он очень храбр.

В русскоязычных же источниках литота трактуется исключительно литературоведчески как троп, противоположный гиперболе. Литота объясняется авторами как образное выражение, оборот, в котором содержится художественное преуменьшение признака (величины, силы, значения) изображаемого предмета или явления. В словаре литературоведческих терминов говорится, например, что литоты встречаются в народных сказках: «мальчик с пальчик», «избушка на курьих ножках», «мужичок с ноготок» (в данном случае представляется, что нужен специальный анализ, который мог бы подтвердить или опровергнуть факт принадлежности данных примеров к литоте). Еще одно значение термина «литота» – это троп, близкий к эмфазе и иронии; усиление значения слова путем двойного отрицания («небезызвестный» вместо «пресловутый»). Отмечается также, что к литоте часто обращался Н.В.Гоголь: «Такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить» (Н.Гоголь).

Один из самых известных специалистов в области английского языка Д.Кристал упоминает это явление в своей книге 'Who Cares about English Usage? An Entertaining Guide to the Common Problems of English Usage' ('Кому есть дело до английского словоупотребления? Развлекательный путеводитель по наиболее распространенным проблемам словоупотребления в английском языке'). Он обращается к этому вопросу при обсуждении темы двойного отрицания, которое считается недопус-

тимым в стандартном английском, т.е. в литературной разновидности английского языка.

В отличие от русского языка, в котором в одном, причем достаточно простом по своей синтаксической структуре предложении могут встречаться несколько отрицательных грамматических форм и лексических единиц одновременно ('В наших магазинах **никогда ничего не** найдешь'), предложение в английском языке может содержать только одно отрицание, которое придает отрицательную окрашенность всему его лексическому составу ('You can **never** find anything in our department stores when shopping'). Логический аргумент, применяемый для объяснения этого правила, заключается в следующем: два отрицания взаимно отменяют смысл друг друга. Однако, если конструкция выстраиваемых Вами предложений усложняется, могут возникать различные неожиданные и непредвиденные оттенки смысла.

Д.Кристал приводит пример предложения, которое было употреблено в публичной речи: 'You should not think there are no cases where a strike might not be warranted' ('Не следует думать, что не бывает случаев, когда забастовка не окажется оправданной'). Вопрос, которым задается Д.Кристал, заключается в следующем: неужели оратор использует отрицательные формы логично и хотел бы, чтобы они отменяли отрицательный смысл друг друга? Или он все-таки нагнетает эти отрицательные формы для создания драматического эффекта? У слушателя этой речи, как считает данный лингвист, нет времени для того, чтобы определиться и решить, каково все же намерение оратора.

Вердикт Д.Кристалла, который, как представляется, можно с легкостью поставить под сомнение и оспорить, заключается в следующем: такого рода структуры очень запутывают читателя или слушателя и поэтому совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий. Д.Кристал считает, что они правы, не советуя использовать отрицательные формы там, где можно обойтись утвердительной.

Однако Д.Кристал тут же вспоминает о том, что некоторые типы двойных отрицаний могут добавлять важные оттенки значения. 'I shouldn't bother going to the meeting' ('Я бы (имеется в виду 'на твоём месте') не стала беспокоиться о том, чтобы идти на собрание), - говорит жена своему мужу, на что он отвечает: 'I can't not go - I've got to organize the raffle' ('Я не могу не пойти - я должен организовать лотерею'). В данном случае 'can't not' не означает того же, что 'can'; оно скорее означает нечто типа 'должен'.

Далее Д.Кристал приводит примеры структур с двойным отрицанием, которые соответствуют вышеприведенному определению литоты и смысл которых не вполне отчетливо укладывается в утвердительный

либо отрицательный: 'Will he arrive by tomorrow?' - 'It's not impossible' ('Он прибудет к завтрашнему дню?' - 'Это не исключено'); 'What's she like?' - 'She's not unattractive' ('Как она выглядит?' - 'Она не выглядит отталкивающей'); 'Is it a reliable car?' - 'It's not unreliable' ('Это надежная машина?' - 'Ее нельзя назвать ненадежной'); 'Does he preach interesting sermons?' - 'They aren't uninteresting' ('А интересны ли те проповеди, которые он читает?' - 'Они небезынтересны').

Эти примеры показывают, насколько сложными и утонченными могут быть нюансы значения, выражаемого при помощи мейосиса и его разновидности литоты.

Как известно, юмор считается одним из наиболее трудных для восприятия элементов национальной культуры. В данной работе автору хотелось бы также сосредоточиться на различных лингвистических и стилистических приемах создания юмора, таких, как игра слов, каламбур, ирония и сарказм. Важно также проанализировать понимание иронии и сарказма в британской, американской и русской культурах, поскольку именно различия в понимании и восприятии этих языковых средств представителями разных культур могут вызывать трудности у изучающих язык.

С точки зрения когнитивной науки объяснение сложностей, стоящих на пути желающих изучить иностранный язык, в частности английский, может быть следующим. Одним из основных препятствий в эффективном овладении иностранным языком является расхождение в языковом мышлении. «Картина мира», отраженная в языке, не совпадает у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности и, следовательно, получает выражение как в лексике, так и в грамматике. Поэтому, изучая иностранные слова, человек как бы извлекает кусочки мозаики из неизвестной ему еще картины и пытается совместить их с картиной мира, заданной ему родным языком.

С каждым новым иностранным словом в сознание учащихся как бы «транспонируется» понятие из другого мира. Чаще всего именно это «транспонирование» и является тем камнем преткновения, который до сих пор представляет огромную проблему как для преподавателя, так и для изучающего иностранный язык. Именно недостаточное внимание к установлению важнейшего соотношения между родными и чужими «понятийными картинами мира» так обедняет словарь иностранцев, изучающих неродной язык. Таким образом, воссоздание понятийной картины мира, присущей изучаемой культуре, является одной из самых важных задач преподавателей иностранного языка.

В идеале, философское решение проблемы диалога культур и цивилизаций может заключаться в том, чтобы сосредоточиться на главном – то есть попытаться интерпретировать ценностное социокультурное

ядро другой цивилизации, где в виде социокультурной программы фокусируются факты, наиболее существенные для естественного носителя языка. Философ И.А.Василенко, например, подчеркивает, что «...пространство диалога цивилизаций в глобальном мире насыщено особыми «тонкими» видами социокультурных импульсов, интерпретировать которые, мобилизуя рациональные типы знания, практически невозможно: их источники скрыты в глубинах человеческого духа, в тайниках культуры...» «То, что мешает человеку и тревожит его, - говорил Эпиктет, - это не вещи, а его мнения о вещах.»

И.А.Василенко указывает на парадоксальность, с которой сталкиваются те, кому приходится заниматься проблемой интерпретации культур: «Проблема интерпретации в диалоге цивилизаций может быть сформулирована в виде социокультурного парадокса: для человека политического понимать партнера *другой* культуры – значит переноситься в другое социокультурное измерение. Этот парадокс в свою очередь отсылает нас к еще более фундаментальным вопросам: каким образом способен человек осуществить процедуру понимания другого, сохраняя собственную социокультурную идентичность? И как социолингвистическая культура цивилизации, объективируясь, выявляет собственные знания, способные одновременно поддаваться интерпретации другими культурами?»

Действительно, в процессе усвоения другой культуры человек сталкивается с вещами и понятиями, которые кажутся ему парадоксальными. То же можно сказать и об усвоении собственно языковых форм. Не случайно О.С.Ахманова, С.Г.Тер-Минасова и Л.В.Минаева например, называют омонимию и синонимию лексическими парадоксами, а фонетисты (М.В.Давыдов, О.С.Миндрул) говорят об одном из тембров как о «парадоксальном». Сами контрасты между языками и культурами часто воспринимаются как парадоксальные и необъяснимые. Д. Кристал описывает ситуацию, когда англичанин, впервые начинающий изучение русского языка, сказал: «Как это в русском языке нет определенного артикля??? Но он же должен быть!»

(Здесь можно лишь добавить, что сам процесс образования понятий в культуре не подчиняется рациональным законам, и взять в качестве примера языкового факта, который не может быть объяснен непосредственным образом, то, как различные языки делят совокупность имен по родам – явление, которое не сможет рационально объяснить ни один лингвист. Вместе с тем у многих знатоков иностранных языков есть смутное ощущение, что, например, тот факт, что во французском языке есть только два грамматических рода – мужской и женский, некоторым образом связан с национальным менталитетом.)

Возвращаясь к вопросу о парадоксальности многих аспектов языка и культуры, можно отметить, что ирония и сарказм - это как раз такие явления, которые воспринимаются изучающими язык как парадоксальные. В их парадоксальности можно наблюдать несколько аспектов: смысловой (семантический), просодический (интонационный, тембральный), стилистический.

В одной из своих лекций авторитетный английский специалист по межкультурному общению Барри Томалин рассказал о том, как провел мини-опрос среди англичан, живущих за границей, на предмет того, о чем они скучают, когда живут в какой-нибудь другой стране. Оказалось, что в списке вещей, без которых англичанам скучно жить, на пятом или шестом месте после домашнего уюта, некоторых английских блюд, английской погоды и т.п. они поставили **сарказм**. Кстати, сам Барри Томалин начал свою лекцию для русских преподавателей чем-то вроде: «Чему я, какой-то британец, у которого за спиной всего лишь Шекспир и Диккенс, могу научить вас, представителей великой русской культуры?» (What can I, a mere Brit, with just Shakespeare and Dickens behind me, teach you, representatives of the great Russian culture?)

Некоторые из присутствовавших на лекции преподавателей восприняли это вступление как выражение презрения к аудитории, ведь нельзя же говорить о «всего лишь Шекспире и Диккенсе» и о себе как о «каком-то англичанине» ('a mere Brit') всерьез. А если несерьезны эти фразы, то столь же несерьезно и обращение «вы, представители великой русской культуры». Представляется, что это высказывание можно считать весьма ярким примером английского сарказма, причем в данном случае сарказм воспринимался как таковой прежде всего благодаря некоторой психологической напряженности лектора, просодическому оформлению и тембровой окраске его фразы, а также смысловым связям высказывания.

В наше время, кажется, можно уже говорить о фольклорной традиции межкультурного общения русских и англичан, поскольку существует масса устных рассказов о проблемах понимания в кажущихся вполне обыденными ситуациях. (У автора накопилась некоторая коллекция таких контекстов.) Однако эти обыденные высказывания и обыденные ситуации могут помочь нам в наших попытках понять другой стиль мышления, другой менталитет, другой язык, многое постигнуть в изучаемой культуре и уменьшить риск неправильного понимания ее представителей.

Непонимание, недопонимание и неправильное понимание довольно часто встречаются в общении между людьми, принадлежащими к разным культурам, когда для одного из них этот язык является родным, а для другого иностранным. Понятно, что жизненный опыт, язы-

ковые привычки, стереотипы поведения и восприятия речи, традиционно передаваемые из поколения в поколение взгляды, система ценностей, отношение к тем или иным национальностям и носителям определенных культур и т. п. будут в значительной степени разными. Если можно так выразиться, языковая «этика» и, разумеется, языковой этикет у представителей разных языков неизбежно различны. Часто оказывается, что восприятие иностранцем своей речи чуть ли не диаметрально противоположно тому, как воспринимают его речь естественные носители языка. Однако правила вежливости требуют соблюдать цивилизованные нормы поведения, и раздражение и прочие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме.

В идеале, контакты между представителями разных языков и культур могут быть полноценными только в том случае, если участники коммуникации в состоянии понять не только **прямое, непосредственное** содержание того, что они слышат от собеседника, но и воспринять **подразумеваемое** содержание. В случае с иностранными учащимися, которые не очень хорошо владеют английским, шутки могут быть не обязательно утонченными и безобидными, а скорее похожими на «лучшие» образцы «колониального» юмора.

Например, за обедом в английской школе для иностранных бизнесменов, на котором присутствовали студенты этой школы - представители деловых кругов Италии, Германии и других стран, а также студентка из Японии, хозяйка школы, сидящая рядом с японкой, сказала: 'We once had a Japanoid...' и тут же поправилась: '...a Japanese boy staying with us...'. Поскольку хозяйка мгновенно исправила свою ошибку, формально упрекнуть ее было не за что - то, что она сказала, выглядело как типичная оговорка, обусловленная опережающим произнесением дифтонга [oi], содержащегося в слове boy. Однако каждому знающему суффикс -oid совершенно ясно, что слова с этим суффиксом могут иметь резко отрицательное значение: **humanoid**, **Stalinoid**, **schizoid**, **rapanoid**, **Mongoloid** и т.п. (хотя, конечно, есть и слова с нейтральным значением типа **asteroid**, **rhomboid**, **thyroid**). Весьма интересно здесь то, что выражение лица этой дамы в момент оговорки было милым и любезным.

Данная «шутка» выражена при помощи достаточно простого морфологического средства - замены одного суффикса на другой. Точно таким же образом можно создать массу «шутливых» наименований: наряду с «японоидом» можно использовать столь же ядовитое слово «англо-саксоид», например. Похожая и, к счастью, незлобная шутка получается по-русски присоединением «неположенного» суффикса, например, в словах «французцы», «англичанцы» и т. п. Понятно, что в описанной шутке слово Japanoid несет отчетливо выраженный пренеб-

режительный оттенок значения, и насмешка получается злой и унижительной. Хотя Япония никогда не была колонией Англии, такого рода шутку можно с полным правом отнести к разряду «колониального» юмора.

В этой связи весьма любопытны всевозможные метаморфозы, которые происходят с некоторыми языковыми элементами в процессе словообразования. Каким образом, например, получилось так, что английский суффикс *-ese*, входящий в состав таких слов, как *Portuguese*, *Chinese*, *Vietnamese*, *Japanese* и т.д., совершенно нейтральный в названиях языков и национальностей (англичане, как хорошо известно, терпимо относятся ко всем расам, нациям и национальностям или, во всяком случае, постулируют такую терпимость), используется для придания отрицательных коннотаций таким словам и выражениям, как *art criticism*, *literary criticism*, *journalism*, *officialism*⁷ и т.п.?

В явлениях такого рода начинают отчетливо просматриваться вопросы идеологии, языковой политики, которые всегда играли огромную роль – как в колониальные времена Британской империи, так и в постколониальную эпоху. Не случаен тот факт, что исследователи говорят о колониальном дискурсе, существуют активные процессы борьбы за политкорректность в языке и т.п. Можно также отметить, что в английском языке очень активно идут процессы эвфемизации, так что многие слова и выражения, имеющие хождение в языке, являются табуированными. Симптоматично, например, что даже авторы одного из словарей эвфемизмов, грамотные и просвещенные лингвисты, не нашли в себе мужества включить в словарь раздел, посвященный названиям народов и национальностей, мотивируя это тем, что в словаре не нашлось места именно данному разделу. Этой достаточно прозрачной отговорке, конечно же, не удастся скрыть истинную причину, которая, как можно предположить, по-видимому, заключается в следующем: ксенофобия англичан – это очень широко известное явление, но оно неприятно характеризует эту нацию и поэтому большинство отрицательно окрашенных слов, которые существуют в английском языке для обозначения других народов и национальностей, являются табуированными настолько сильно, что авторы вышеупомянутого словаря эвфемизмов побоялись включить этот раздел в свой словарь.

Все очень любят цитировать Зигмунда Фрейда, который сказал в одной из своих работ: «Человек, который первым, вместо того, чтобы швырнуть камень в своего противника, бросил в него обидным словом, был родоначальником цивилизации». Безусловно, словесная и психологическая жестокость менее разрушительны, чем жестокость физическая. Однако оказаться объектом такой языковой жестокости может также быть очень тяжело, если человек не обладает своего рода «имму-

нитетом» - психологической подготовленностью к защите против словесной и языковой агрессивности, против издевок над теми ценностями, которые важны для него, против осмеивания и высучивания его уязвимых мест. Те естественные носители английского языка, которые пишут пособия по нему, создают разнообразные учебные материалы и т.п., разумеется, не могут себе позволить писать о негативных сторонах английской культуры, ибо это расценивалось бы как нелояльная антиреклама и критика существующего положения вещей. Поэтому изучающие английский язык и культуру, в основном, как правило, получают представление о положительных сторонах жизни англоязычных стран и зачастую не представляют себе отрицательные стороны, например, пренебрежительное и насмешливое (а иногда и презрительное и ядовитое) отношение к другим национальностям. В этой связи задачей исследователей и преподавателей английского языка является, по-видимому, подготовить учащихся к возможному шоку такого рода, сделать их менее уязвимыми, выработать как бы «иммунитет» против негативного воздействия таких насмешек, издевок и оскорблений.

Хотя изучение «языка» телодвижений, мимики и жестов не является языковедческой темой в собственном смысле этого слова, тем не менее очевидно, что он является важной частью процесса общения (в различных источниках всегда называется одна и та же цифра – от 60 до 80% информации, которая передается при помощи жестов, телодвижений, выражения лица говорящего и т.п.). Если вернуться к контексту, в котором было употреблено слово «японоид», например, то следует обратить внимание на некоторые важные межкультурные различия. Для русского человека (как, впрочем, наверное, и для многих других иностранцев, оказавшихся в такой ситуации), сложность заключается в том, что сначала он инстинктивно реагирует на выражение лица собеседника, и, если оно дружелюбное, милое и вежливое, то возникает противоречивое впечатление, так как для русской культуры, как представляется, типичным будет, что презрительные и пренебрежительные высказывания обычно сопровождаются соответствующей интонацией и выражением лица.

У англичан часто бывает так, что сарказм (который в случае этнического юмора является как бы «остаточным явлением») их имперских претензий) направлен на носителей других языков и культур. Так, девушка, работавшая переводчицей с группой из Великобритании, рассказывала, с каким энтузиазмом они восклицали: 'Oh, Russki, Russki!', когда ходили по московским улицам, на что русские, как правило, им отвечали: «Да-да, русский». Однако наивные и дружелюбные русские, не знавшие английского языка, не знали также (как не знала и их переводчица, которая узнала об этом только позже), что слово «Russki»

употребляется как оскорбление и даже в словарях английского языка имеет помету *slang offens.*, что означает «оскорбительное жаргонное слово».

Ситуация с употреблением англичанами, находящимися в России, слова *Russky* также очень выпукло показывает те сложности ментального и когнитивного плана, которые возникают перед человеком, изучающим язык и культуру другого народа. Как неоднократно подчеркивалось в популярных психологических изданиях, имя человека - это самое важное для него слово. То же самое, наверное, можно сказать и о названии народа, национальности, как очень важном слове для ее носителей. Процесс идентификации с социокультурной общностью - на уровне социальной группы, государства, цивилизации (культуры) - в той или иной мере происходит в психике любого человека. Если при изучении иностранного языка задача состоит в том, чтобы научиться мыслить и структурировать содержание мыслей таким же образом, как это делают естественные носители языка, то при переходе в другое социокультурное измерение человеку, владеющему двумя языками, приходится проделывать своего рода психологический (ментальный) кульбит, когда одно и то же слово в родном языке является названием, которым человек гордится и которое составляет важную часть его индивидуальности, а в иностранном языке - пренебрежительным и оскорбительным прозвищем, в котором, скорее всего, находят свое выражение рудименты имперской спеси и шовинистической предвзятости англичан. Это соображение очень существенно в ситуациях, когда пытаются оценивать психологическую и моральную нагрузку, например, тех людей, которые занимаются устным переводом.

Кстати, слово *Russky* (*Roosky*) - не единственная пренебрежительная кличка такого рода. Вспомним английские слова типа *Polack* (которое также изначально происходит от исконного польского слова, означающего человека этой национальности, т. е. имеет положительные коннотации в польском языке), *Jap* и *Nip*, которые употребляются в отношении японцев, *Fritz* - в отношении немцев. Фактически упоминание одного из таких слов вызывает цепочку ассоциаций со всей парадигмой: *Chink* говорится про китайцев, *kike* и *five-to-two* - про евреев, *Frog* и *Frenchy* - про французов, *Gypso* - про египтян, *dago* - про испанцев, португальцев и итальянцев, *masaroni* - про итальянцев, *bubble-and-squeak* - про греков и т.п. (Можно также вспомнить недавнюю скандальную ситуацию, когда президент США Д.Буш публично назвал пакистанцев 'Pakis', т.е. использовал слово как раз из этой парадигмы.)

Д. Кристал в своей популярной книге «Лингвистика» совершенно справедливо замечает, что Железный Занавес - это также и «семантический» занавес, и многие политические и философские термины (такие,

как «свобода», «прогрессивный», «коммунистический», «демократический» и т. п.) имеют разные значения и разные коннотации в зависимости от того, по какую сторону занавеса они употребляются. Можно добавить, что, когда сняты идеологические запреты и вроде бы закончена холодная война, именно этот невидимый семантический «занавес» продолжает оставаться мощным препятствием на пути к полноценному общению и плодотворному взаимопониманию между представителями разных наций.

Возвращаясь к «этническому юмору», можно отметить, что Марвин Минский сделал полезные замечания по этому поводу в одном из примечаний к своей статье «Остроумие и логика когнитивного бессознательного», в которой он, в частности, объясняет роль фреймов, т.е. структур знаний, которые представляют собой пакеты информации (хранящиеся в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций: «Я считаю, что *этнический юмор*, представляющий, бесспорно, большую социобиологическую ошибку, тоже связан с механизмом фреймов. Почему в таком ходу шутки, в которых высмеиваются представители других национальностей? Распространенное объяснение этого явления гласит, что шутки подобного рода есть не что иное, как способ проявления агрессивности. Все это, без сомнения, верно, однако можно предложить и более содержательное объяснение. В одной своей работе я показал, что *слушающему трудно понять рассказ о каком-то человеке, если у него отсутствует нужный фрейм человека, то есть определенный стереотип*. Вместе с тем если слушающему не нужно выбирать фрейм, то вся коммуникативная ситуация для него существенно упрощается. Итак, слепой фанатизм может возникнуть произвольно - как побочный эффект отмеченного обстоятельства. Например, когда рассказывают шутку о человеческой глупости, то с точки зрения психики удобно свести услышанное к некоторому стереотипу - желательно чужому, иностранному, - с тем, чтобы избежать конфликта с окружающим миром. И конечно, подобно снежному кому, этот стереотип может начать обрастать всё новыми и новыми небылицами. Постепенно у людей стираются следы «юмористического» происхождения подобных структур. Борьба с предубеждениями очень трудно, если не понимать важности (и значения) стереотипов в повседневном мышлении.»

В связи со всем описанным задача исследователя английской культуры состоит в том, чтобы попытаться выяснить все возможные нюансы какого-либо ее аспекта; скажем, в данном случае задачей является попытка воссоздать стереотипное отношение к иностранцу (или стереотипные представления о русском человеке, так как эта тема нам,

естественно, небезразлична), которое существует в сознании носителя английского языка. Ведь не секрет, что в массовом сознании существуют стереотипные представления о разных национальностях, и мы сами зачастую веселимся над тем, как выпукло в них бывают схвачены типичные характеристики той или иной нации. С другой стороны, если по отношению к представителям определенной нации существует четко сформировавшееся стереотипное отрицательное отношение, скажем, со стороны большей части мирового сообщества, это может служить оправданием любых, в том числе самых несправедливых и жестоких действий по отношению к этой нации (вспомним, например, бомбардировки Югославии в 1999 году). Если принять во внимание такие политические и идеологические соображения, тогда данная тема представляется не такой уж абстрактной и чисто теоретической. Следовательно, задача исследователя состоит в том, чтобы как можно более точно воссоздать стереотип, о котором идет речь, каким бы карикатурным он ни был, какие бы крайности ни лежали в его основе, а задача изучающего язык будет состоять в том, чтобы понять его и осознать как факт реальности.

Довольно важным аспектом функционирования различных выше-названных языковых, риторических и стилистических средств, работающих на выражение косвенных смыслов, является их просодическое оформление в звучащей речи.

Одной из причин того, почему ирония и особенно сарказм представляют такую сложность для русскоязычных учащихся, может быть почти полное отсутствие интонационных и ситуационных сигналов их употребления. Как утверждает, например, Дэвид Кристал, «стандартная русская интонация для утвердительного предложения звучит саркастично для англичанина»:

«...есть некоторые эмоции, которые по-особому, специфически проявляются интонационно в каждом отдельном языке. Хорошим примером здесь является сарказм. Сарказм - это такая характеристика, которая очень специфична для каждого языка, и часто бывает очень трудно догадаться, когда иностранец высказывается саркастично. Давайте приведем пример. Русские часто оказываются с этим в затруднительном положении [...] позвольте, я объясню положение дел на случай, если вы об этом не знаете. Какова основная интонационная характеристика английского сарказма? Это употребление ровного тона. Это тон, который не особенно отработывают в процессе преподавания, потому что его не упоминают в большинстве учебников. О'Коннор и Арнольд, например, не упоминают его. Но ровный тон является здесь обычным, если используется в конце предложения. Так, вы говорите вещи типа: «Что Вы думаете о фильме, который смотрели вчера?» и вам отвечают (произносит монотонно, на низком уровне тона, с финальными ровными тона-

ми): «Это было восхитительно. Великолепно. Замечательно. Прекрасно. Не могу дождаться, когда увижу еще раз». И чем более ровным и невыразительным вы сохраняете уровень тона, тем большую иронию и сарказм вы подразумеваете. Итак, таково положение дел в английском языке, а говоря более точно, таково положение в RP («принятом произношении»). Кстати, это не обязательно обстоит так для всех английских акцентов, но это уже другая история. Русские, однако, конечно же, используют ровный тон как показатель утвердительной интонации. Поэтому совершенно обычной характеристикой стандартного московского варианта русского языка является то, что говорят как бы «та - да - да - да - да - да» (воспроизводит интонацию, которая кажется ему типично русской). Хочу сказать, что не собираюсь подвергаться здесь риску, демонстрируя свои познания в русском языке... так что уж простите эту бессмыслицу. Но, видите ли, русские подходят к Вам после чего-нибудь, и Вы говорите: «Вам понравилась пьеса?», а они говорят (подражает русскому произношению): «Чудесно. Очень хорошо. Она мне очень понравилась». (Аудитория смеется.) И вы, конечно же, смотрите им в лицо, и видите по выражению их лица, ну, может быть, не в случае с русскими (аудитория смеется), но... часто, когда так делает иностранец... вы догадываетесь по выражению их лиц, что она им действительно понравилась, так что, конечно, вы игнорируете интонацию. Но дело в том, что во многих обстоятельствах передаваемый тон голоса кажется ироничным, или скучающим, или саркастичным, но он явно не является преднамеренным и, конечно же, он объяснимо не является таким, если посмотреть на интонационную систему русского языка». (Отрывок из стенограммы лекции Дэвида Кристала 'How Important is Intonation?', прочитанной для аудитории британских специалистов-языковедов.)

Для нас в данном случае важно не то, что Дэвид Кристал не совсем правильно понимает особенности русской интонационной системы. В связи с тематикой иронии и сарказма существенно другое - то, что англичане, естественные носители языка, часто воспринимают интонации иностранца (в данном случае русского) как выражающие иронию, скуку, сарказм и т.д. Такую ситуацию можно, по-видимому, было бы назвать примером психолингвистической проекции по аналогии с психологической проекцией, когда говорящий приписывает собеседнику свои чувства, впечатления, эмоции и т.п. Ведь в данном случае англичанин слышит в речи русского выражение тех чувств, которых тот не испытывает.

Итак, для того чтобы любовь англичан к иронии и сарказму не вызвали культурный шок у русского студента или учащегося, который оказывается в стране изучаемого языка, необходимо специально обучать студентов умению распознавать иронию и сарказм, делать изу-

чающих английский язык более восприимчивыми и менее уязвимыми в этом отношении.

Как следует из всего, что было сказано, основные характеристики иронии и сарказма в английском языке таковы:

1. Ироническое или саркастическое высказывание, как правило, на русский слух не имеет какого-то особого интонационного оформления. Если выразить это при помощи более точной лингвистической терминологии, то можно сказать, что финальный ровный тон, употребляемый на месте интонационного центра в конце предложения, является основным просодическим показателем иронии и сарказма. На самом деле, чем нейтральнее интонация, тем более успешно достигается цель саркастически уколоть собеседника. Так, например, в рассказе Мюриел Спарк 'The Black Madonna' («Негритянская мадонна») описывается ситуация, когда бездетная женщина по имени Лу Паркер, гордящаяся своими либеральными взглядами, всячески демонстрирует их, принимая и знакомя со всеми своими друзьями сослуживцев своего мужа, чернокожих Оксфорда и Генри, недавно приехавших с Ямайки. В самом названии рассказа используется образ недавно установленной в местной католической церкви статуи девы Марии, выполненной скульптором-модернистом из мореного дуба и поэтому имеющей черный цвет. Именно к этой статуе девы Марии, про которую прихожане вскоре начинают говорить, что она имеет чудотворные свойства, Лу трижды в неделю обращает свои молитвы с различными просьбами: дать им с мужем ребенка, ниспослать выздоровление другу и т.п. Хотя она всегда считала себя бесплодной, Лу вдруг обнаруживает, что забеременела, оба супруга радостно ждут появления ребенка, но по прошествии положенного времени младенец у них рождается чернокожий. Можно сказать, что сам сюжет этого рассказа ироничен, показывая иронию судьбы. Во всяком случае, это событие оказывается таким ударом для нее и ее супруга Рэймонда, что они решают, несмотря на весь свой демократизм, отказаться от малышки, сдать ее в Общество по усыновлению и переехать в Лондон. Почти в самом конце рассказа мы читаем: 'One of Raymond's colleagues had asked him that day how his friends Oxford and Henry were getting on. Raymond had to look twice before he decided that the question was innocent. But one never knew... Already Lou and Raymond had approached the adoption society. It was now only a matter of waiting for word.'

2. Как становится ясно и из только что процитированного отрывка из Мюриел Спарк, выражение лица говорящего в момент саркастического высказывания, так же как и интонация, должно быть абсолютно нейтральным. Для обозначения такого выражения лица в английском языке существуют выражения *deadpan expression* и *poker-face*. На лице

говорящего не должно отражаться эмоций, оно должно быть полностью невозмутимым и бесстрастным, только тогда достигается нужный эффект.

3. По определению, лексический состав и синтаксическая структура высказывания должны иметь положительную или нейтральную окрашенность, что делает возможным сменить ее на отрицательную благодаря подразумеваемому сарказму. В письменной речи саркастический эффект часто достигается благодаря смысловым контрастам (в частности, контрастам в значениях лексических единиц, которыми пользуется автор).

Некоторые дополнительные черты к характеристике иронии и сарказма можно, как это ни парадоксально, найти в статье в журнале "Экономист" от 18 декабря 1999 года, которая называется 'A Quiet Joke at your Expense' ("Скромная шутка на ваш счет"). Статья, основной смысл которой состоит в том, что главным принципом пост-имперской внешней политики Великобритании является ирония (способность видеть проявления иронии в столь обширных масштабах и метафорически применять ее к столь необычной области, как внешняя политика, уже сама по себе очень симптоматична как показатель значимости этого понятия в данной культуре), содержит следующие слова: "Очень важно отличать иронию от сарказма (который прославлен тем, что является самой низкой разновидностью остроумия). Как ирония, так и сарказм подразумевают, что говорится противоположное тому, что вы имеете в виду. "Насколько я понимаю, ты считаешь, что сказал что-то умное", - саркастически говорит учитель бестолковому ученику. Ирония, однако, это нечто совсем другое. Многие люди, услышав ироническое замечание, могут не осознать, что оно подразумевается как шутка. Поэтому ирония является гораздо более подрывным элементом, чем сарказм, а также гораздо более забавным развлечением - те, кто осознают, что было сделано ироническое замечание, мгновенно чувствуют себя соучастниками и могут получить удовольствие от того, что есть люди, которые не заметили шутку. "

Итак, как можно видеть из анализа жизненных ситуаций и отрывков из художественной литературы, ирония и сарказм в жизни и в литературе - это не совсем одно и то же. Можно, конечно, сказать, что разбор произведений тех авторов, которые склонны к иронии и сарказму, поможет сделать изучающих язык более восприимчивыми к существованию этих явлений языка и культуры нации (а также ее характера). Например, попытки сделать аналитический разбор каждого их проявления и, скажем, квалифицировать качество насмешки, определяя, является ли насмешка едкой, ядовитой, злой, колючей, язвительной, скрытой или желчной, добродушной, или какой-либо еще, могут помочь уча-

щимся понять проявления иронии и сарказма в реальных жизненных ситуациях. Хотя может быть и так, что неспособность иностранца воспринимать иронию и сарказм естественных носителей - это иногда благо, а не недостаток. Во всяком случае, можно сказать, что сарказм – это чрезвычайно глубокое и емкое понятие, сущность которого передают такие слова и выражения, как безжалостное глумление, уничтожающая язвительность, едкая издевка, злобная насмешка, тайная ехидность, циничное измывательство, уничтожающая желчность, злая колкость, зубоскальство и, наверное, еще многие другие. И, будучи глубоким и емким понятием, оно безусловно нуждается в дальнейшем изучении, если цель исследователей английской культуры состоит в том, чтобы понять ее наиболее существенные проявления. Изучение этого вопроса также показывает, что простой лингвистической интерпретации этих явлений явно недостаточно и полноценный их анализ возможен только в том случае, если привлекаются понятийный аппарат и фактические данные смежных гуманитарных наук, таких как психология, этнология, философия, социология, политология и другие.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Модель представления бессоюзных сложных предложений и методический эксперимент в болгароязычной аудитории

© М. В. Ермакова, 2003

Синтаксическая близость русского и болгарского языков несомненна, так же как очевидны и существенны различия в синтаксическом строе, которые особенно проявляются на стилистической периферии двух языков.

При сопоставительном изучении близкородственных русского и болгарского языков обнаруживается близость их лексических составов, фонетической, словообразовательной и грамматической систем, являющаяся результатом их общего происхождения и взаимного влияния на разных этапах их исторического развития. Учет их общих исторических черт обязателен как фон, позволяющий установить расхождения, обнаруживаемые в результате их сопоставления и исследования.

Именно вследствие близкородственности болгарского языка русскому болгары сравнительно легко и быстро овладевают русским языком в поверхностном слое и в пассивном аспекте. Однако решение задач углублённого и активного практического овладения русским языком студентами-русистами, повышения теоретической и практически-языковой квалификации преподавателей и переводчиков-русистов во многом упирается в недостаточную разработанность стилистики как учебной дисциплины, что, в свою очередь, связано со слабой сопоставительно-стилистической исследованностью двух языков. Особенно это касается бессоюзных сложных предложений (БСП), овладение которыми, как показывают наблюдения, вызывают у болгар значительные трудности в силу как прямой (в случаях несходства), так и «обратной», «ложной» (в случаях сходства) интерференции родного языка. Отсюда вытекает актуальность разрабатываемой нами проблемы, которая входит в общий комплекс проблем сопоставительно-стилистического изучения русского и болгарского языков, отвечающих задачам современной лингвистики и лингводидактики.

Кроме того, разделу синтаксиса русского языка в болгарской высшей школе отведено недостаточное количество часов. И проблема бессоюзия, таким образом, остается нерассмотренной. Пока что лекции по

методике числятся в Великотырновском университете имени святых Кирилла и Мефодия (ВТУ) и Шуменском университете «Епископ Константин Преславски» (Болгария) в разряде педагогических дисциплин, тогда как должны стать непосредственной частью программы отделения русистики и число часов, отведенных методическим дисциплинам, должно увеличиться.

Русский язык и литература изучаются на филологическом ф-те ВТУ в Велико-Тырново и в ШУ в Шумене (Болгария) как составная часть двухпредметной комбинации. При этом русскому языку и литературе отводится в целом для лекций, семинаров и практических занятий 10 часов в неделю.

Лингвистическое описание сосредоточено на первых трех курсах. Оно реализуется на лекциях и семинарах по фонетике-фонологии, морфологии, синтаксису и лексикологии. Изложение фактов проводится так, чтобы подчеркнуть связи, существующие между данными дисциплинами.

Все описание языковой системы проводится в сопоставительном русско-болгарском плане.

Сопоставление дает нам объективную базу для отбора и презентации изучаемого материала в зависимости от особенностей родного языка учащихся.

Представляется интересным создать систему упражнений, основываясь на полученном нами описании БСП и апробировать данную систему в группах иностранных учащихся.

На основе полученного описания БСП была выработана система упражнений, которая состоит из 9 блоков заданий, каждый из которых посвящен одному из аспектов изучения выражения смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении. Это блоки, посвященные:

1. знакомству со структурно-семантическими типами БСП и основными средствами выражения смысловых отношений в них, языковому обеспечению решения поставленных коммуникативных задач;
2. формированию навыков и умений самостоятельно ставить коммуникативное задание, вводить предложение в текст, не нарушая его связности;
3. обучению формирования лексико-семантического содержания частей БСП, складывающегося из типового значения грамматических структур, на основе которых они построены, и конкретного лексического наполнения каждого из них;
4. знакомству с группой БСП со значением обусловленности, их образованием и характеристиками;
5. некоторым способам актуализации значения причины и следствия;
6. способам актуализации значения условия;
7. парцелляции;

8. парентезе (при выражении определительных смысловых отношений в БСП);
9. трансформационной парадигме предложений.

Для презентации языкового материала в данной системе используются комментарии перед заданиями, знакомить с материалом может также преподаватель. Каждый блок представляет собой алгоритм, состоящий из нескольких шагов. В конце каждого блока упражнений даётся задание на перевод с русского на родной (болгарский) язык, направленное на сопоставление способов выражения того или иного значения в русском и болгарском языках, которое в свою очередь через несколько занятий может быть использовано для перевода на русский язык.

Эксперимент, проведенный в июле-августе 2003 года, состоял из двух серий. Каждая серия заняла 12 часов, из которых на предэкспериментальный срез¹ ушло 50 минут, на экспериментальное обучение – 10, на завершающий срез – 30 минут.

Количество испытуемых экспериментальной группы в первой серии – 25 человек, количество испытуемых контрольной группы – 30 человек. Во второй серии соответственно – 25 и 30. Эксперимент проводился со студентами 4-го и 5-го курса филологического факультета Великотырновского государственного университета им. Св. Кирилла и Мефодия (Велико Тырново, Болгария) и Шуменского университета «Епископ Константин Преславски» (Шумен, Болгария). Все студенты владеют русским языком в объеме I сертификационного уровня. Все они представители Болгарской Народной Республики.

Эксперимент² начался с прохождения контрольной и экспериментальной группами предэкспериментального среза (теста предпрограммы)³. В тесте предпрограммы содержатся задания на выполнение задач, перечисленных в гипотезе. Затем экспериментальная группа проходила экспериментальное обучение, в то время как контрольная группа прохо-

¹ Тесты-срезы - методические (учебные) тесты любых видов, являющиеся органической частью эксперимента и знаменующие собой границы определенных его этапов: либо начало всего эксперимента или его отдельных серий, либо их окончание, либо момент выявления отсроченных результатов эксперимента и т.д. [Штульман 1971, 66].

² В [Методика... 2000, 183-184] эти этапы рассматриваются как виды эксперимента: (1) констатирующий - "позволяет выяснить истинное положение грамотности до самого экспериментального обучения" (=предэкспериментальный срез в терминологии [Штульман 1976]); (2) обучающий или формирующий эксперимент, "основным назначением которого является практическая проверка предложенной экспериментатором системы обучения, комплекса упражнений, нового учебника или методических рекомендаций, технических средств обучения и др.", далее проводится постэкспериментальный (заключительный) срез.

³ Ср.: "Стартовый тест - система тестовых заданий, выявляющих реальный (образовательный, языковой) уровень кандидата, уровень его обученности, к примеру, для распределения по учебным группам" [Балыхина 2000, 81].

дила тот же материал по известным грамматическим пособиям. После окончания обучения прошел завершающий срез (итоговый тест). Итоговый тест совпадает с тестом предпрограммы. На основании результатов 2 тестов, проведенных в этих 2 группах, были проанализированы итоги эксперимента и сделаны выводы.

Гипотеза нашего эксперимента представляла собой перечень конкретных навыков и умений, которыми учащиеся должны овладеть после обучения по предлагаемой системе обучения. Предполагалось, что после завершения занятий по предлагаемой системе упражнений учащиеся смогут:

- строить бессоюзные сложные предложения, выражающие различные смысловые отношения;
- определять грамматический (структурный) тип бессоюзных сложных предложений и грамматические (смысловые) отношения между предикативными единицами;
- производить квазисинонимические перифразы типа: бессоюзное предложение – СПП причины – СПП следствия – ССП;
- решать следующие коммуникативные задачи:
 1. определять коммуникативную структуру текста и соответствующее коммуникативное задание предложения и вводить их в текст с учетом структуры текста и АЧ;
 2. эксплицировать или не эксплицировать изъяснительные, ПСО и отношения степени;
 3. строить предложения в соответствии с коммуникативными заданиями, которые формулируются с помощью вопросов *Что произошло в результате данного события?* и *Что является причиной данного события?*
 4. представлять события (причину и следствие) как новые (парцелляция);
 5. выражать (где возможно) пространственные отношения вместо причинно-следственных.

Среди методов эксперимента упомянем следующие: методы анализа – количественного и качественного, методы проектирования (предвидение, моделирование), методы интерпретации (объяснение, сравнение, аналогия и т.д.), методы контроля и измерения (срезы), методы обработки (статистическо-математические, графические, табличные) и т.д. О методах научно-методического исследования см. [Штульман 1988, 77-79].

Для обработки данных эксперимента, по мысли [Штульман 1971, 114], необходимо пройти следующие этапы:

- определение параметров исследуемого явления и количественных критериев эффективности эксперимента; параметрами исследуемо-

го явления можно признать правильно выполненные задания итогового среза;

- составление элементарных количественно-качественных протоколов, фиксирующих данные срезов, их анализ, сопоставление и т.д.;
- составление матриц;
- выбор необходимого математического аппарата;
- статистическая группировка данных;
- сопоставительный анализ, обобщения, выводы.

Как в качестве **предэкспериментального**, так и в качестве **завершающего среза** студентам предлагалась следующая **контрольная работа**:

1. Из данных простых предложений составьте три бессоюзных сложных, используя различные виды связи. Задание 1 проверяет умение выражать отношения обусловленности, также знание УДД, накладываемых на такого рода трансформации. На предэкспериментальном срезе задание не выполнено. На итоговом срезе задание контрольной группой не выполнено.

Начиналась зимняя пора. Снег тяготил Левитана. Под снегом умирала земля. Художник почти не писал зимних мотивов.

2. Допишите, образуя бессоюзные сложные предложения. Задание 2 направлено на проверку умения строить БСП, выражающие различные смысловые отношения (отношения обусловленности, пояснительные, отношения противопоставления).

- а) Луны не было видно*
- б) Служить бы рад... (противопоставление)*
- в) Охотник спустил курок*

3. Перестройте сложные союзные предложения в бессоюзные. Запишите, расставьте знаки препинания. Задание 3 направлено на проверку умения строить БСП с изъяснительными отношениями и отношениями перечисления:

- а) Поезд ушел быстро, и его огни скоро исчезли.*
- б) Через несколько мгновений поднимаюсь и вижу, что мой Карагез летит, развевая гриву.*

4. Продолжите предложение.

Дни стояли теплые, ...чтобы получились предложения следующих типов:

- а) простое с однородными членами (без союзов);*
- б) бессоюзное сложное, между частями которого надо поставить запятую;*
- в) бессоюзное сложное, между частями которого надо поставить точку с запятой.*

5. Какова роль тире в предложении:

Читать – значит выработать вкус, постигая прекрасное.

а) Разделяет подлежащее и сказуемое.

б) Обозначает пропуск члена предложения.

в) Разделяет части сложного бессоюзного предложения.

г) Отделяет приложение.

6. Укажите, почему стоит тире в бессоюзном сложном предложении:

Источник утоляет жажду – доброе слово оживляет сердце.

а) Содержание одного предложения противопоставлено содержанию другого.

б) Предложения рисуют быструю смену событий.

в) Второе предложение заключает в себе вывод, следствие из того, о чем говорится в следующем предложении.

7. Объясните, почему стоит двоеточие в бессоюзном сложном предложении:

Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила.

а) Второе предложение указывает причину того, о чем говорится в первом.

б) Второе предложение поясняет первое, т.е. раскрывает его содержание.

в) Второе предложение распространяет один из членов первого предложения.

8. Запишите предложение, расставляя знаки препинания.

В ноябре густые леса в поймах Оки и Прони еще светились золотом и пурпуром отлетающей листвы; серые глаза рек и озер чернили многотысячные связи непугливой птицы, ожиревшие от обилия ягод орехов и грибов, дикие свиньи, медведи, барсуки, тетерева и рябчики становились легкой добычей охотников.

9. Прочитайте предложения (знаки препинания опущены). Задания 8 и 9 направлено на отработку интонации в сложном предложении.

а) Леса, несмотря на тропический зной, не отличались тропической пышностью.

б) Вот из-за серой тучки выглянуло солнышко – и не узнать знакомой полянки.

в) Шорох тростников и рябь на воде возвестили – начинается буря.

г) Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж впоследствии трудно мне будет освободиться от его опеки.

д) Искусство – животворный источник, дающий человеку знания и силу, счастье и чистоту, молодость и энтузиазм.

10. Выпишите из данных пар предложений только бессоюзные сложные предложения. Выделите грамматические основы. Задание 10

направлено на выявление умения вычленять БСП из текста, опираясь на информативную структуру данных конструкций.

1. *Открыл солдат первую дверь и вошел в комнату. Посреди комнаты сундук стоит, на сундуке сидит собака («Огниво»).*
2. *В реке росло много кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега («Дюймовочка»).*
3. *Ночь Элиза провела за своей работой; об отдыхе она и не думала. Она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев («Дикие лебеди»).*
4. *Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки («Снежная королева»).*

11. Преобразуйте данные простые предложения в бессоюзные сложные. На предэкспериментальном срезе задание не выполнено.

1. *Маленькая разбойница вытащила острый сверкающий нож*
2. *Своими нежными руками Элиза рвала злую, жгучую крапиву*
3. *Дюймовочка сплела себе из травы колыбельку*

12. Вам даны 2 ситуации: причинная и следственная. Составьте предложения и дайте все возможные варианты. (Вы можете выражать и не выражать причинно-следственные отношения.) Задание 4 направлено на проверку умения строить различные сложные предложения, выражающие ПСО отношения. На предэкспериментальном срезе задание не выполнено. На итоговом срезе задание контрольной группой не выполнено.

1. <i>Вы грубы – я не хочу говорить с вами.</i>	
2. <i>Давление поднялось – она лежит.</i>	
3. <i>У меня болела голова – я не пошел гулять.</i>	
4. <i>Вода опреснена – недалеко в океан впадает река.</i>	
5. <i>После теплой каюты на палубе было свежо – Татьяна Андреевна вздрогнула от сырости.</i>	

13. Определите грамматический (структурный) тип бессоюзных сложных предложений и грамматические (смысловые) отношения между предикативными единицами.

I. 1. Догорел апрельский светлый вечер, по лугам холодный сумрак лег. Спят грачи, далекий шум потока в темноте таинственно заглох

(Бун.). 2. Воздух был чист и прохладен, от него горели щеки (Кетл.). 3. Вершина сосны качнулась, дерево начало медленно клониться к дороге (Пауст.). 4. Ветер весело шумит, судно весело бежит мимо острова Буяна, к царству славного Салтана (П.). 5. Худыми пальцами он пытается застегнуть пуговицу, пуговица отрывается, он роняет ее на пол (Пан.). 6. Тихо шумели сосны, легкий ветерок кружил придорожную пыль (Н. О.). 7. Ветер завыл, сделалась метель (П.). 11. Уж тает снег, бегут ручьи, в окно повеяло весною (Плещ.).

П. 1. Он подергал ручку: дверь не отворилась (Пан.). 2. Вы горазды на словах – попробуйте на деле (П.).

14. Определите грамматический тип бессоюзных сложных предложений и укажите разницу в их структуре. Определите грамматические (смысловые) отношения между предикативными единицами.

I. 1. Только видит: вьется вьюга, снег валится на поля, вся белешенька земля (П.). 2. Как-то пришел к нему и – вижу: на столе лежит том «Войны и мира» (М. Г.). 3. Помню также: она любила хорошо одеваться и прыскаться духами (Ч.). 4. Я тебе определенно скажу: у тебя есть талант (Фад.). 5. Я знаю: в вашем сердце есть и гордость и прямая честь (П.). 6. Сын подумал: добрый ужин был бы нам, однако, нужен (П.). 7. Сережа, запрокинув голову, посмотрел на небо и задумался: можно набрать травы выше неба или нельзя? (Пан.). 8. Из их рассказов было ясно: жизнь рабочего везде одинакова (М. Г.). 9. И тут его осенила мысль: партизаны должны быть где-то здесь, поблизости (Б. Пол.). 10. Тропую темной задумчив едет наш Руслан и видит: сквозь ночной туман вдали чернеет холм огромный (П.). 11. Люди знали: где-то, очень далеко от них, идет война (Аж.). 12. Он верит: для его солдат и долгий путь вперед короче короткого пути назад (Сим.).

II. 1. Это часто бывало у него: говорит так тепло, серьезно, искренно и вдруг усмехнется над собой и над речью своей (М. Г.). 2. Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки (Ч.). 3. Вот мои условия: вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения (Лерм.). 4. Павел нарисовал картинку: коричневая трава, зеленое небо, на зеленом небе длинное лиловое облако (Пан.). 5. Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в реках разбойников (П.). 6. Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет (Г.).

III. 1. И он рисовал эти цеха, рисовал и рвал рисунки: это не была Кружилиха! (Пан.). 2. А ему туда нужно было непременно: там ведь находились все его игрушки (Пан.). 3. Шестеркин опасался

за его здоровье: шутка ли, стоять часами на крыше на ледяном ветру! (Пан.). 4. Наталья держалась суховато – видно самостоятельная жизнь так ее научила (Пан.). 5. И верно: отлетев недалеко, хищник уселся на толстый осиновый сук (Бианки). 6. Опять я в деревне. Хожу на охоту, пишу мои вирши – живетса легко (Некр.). 7. Проснулся: в широкие щели сарая глядятса веселого солнца лучи (Некр.). 8. Я взглянул в окно: на безоблачном небе разгорались звезды (М. Г.). 9. В три часа ночи просыпаюсь: мой офицер собирает вещи (Ч.). 10. Я стоял на вершине пологого холма: передо мною раскинулась и пестрела спелая рожь (Тург.).

IV. 1. Отвоюемся – опять надену мои туфельки чудненькие и пойду танцевать (Пан.). 2. Стемнеет – всюду по степи загораются огоньки (Овечк.). 3. Увидишьса с Горьким – поговори с ним (Ч.).

V. 1. Будь она с сыном, ей было бы спокойнее (Н.О.). 2. Щепотки волосков лиса не пожалей, остался б хвост у ней (Кр.). 3. Будь Санин несколько помоложе, он заплакал бы от тоски и скуки (Тург.). 4. Путь мой как литератора был бы совершенно иным, не подари мне жизнь счастья учиться у Горького (Павл.).

VI. 1. Товарищи Пашку любили: он никогда не терял бодрости и ни от какой трудной жизни не приходил в уныние (Емельян.). 2. Зима недаром злится: прошла ее пора (Тютч.). 3. Чудная картина, как ты мне родна: белая равнина, полная луна (Фет). 4. На дороге все лужи замерзли: зима (Бел.). 5. Но шершавая рука старика уловила слабые толчки сердца: Борька был жив (Яковл.). 6. Он давно не ругал сына: что попусту тратить слова (Яковл.). 7. Она бежала медленно: боль причиняла ей страдание (Яковл.). 8. Димка и Ася посмотрели в лицо Сережи и не узнали его: глаза запали, волосы спутались (Яковл.). 9. После грозы Евдоким распахнул окошко: в комнату хлынула влажная свежесть (Пан.).

15. Определите, возможна или невозможна замена бессоюзных предложений союзными? Объясните эту возможность или невозможность.

1. Анфиса стала на колени, косы ее упали, концы их лежали на траве (Пауст.).
2. Его издавна тревожило одно обстоятельство: за последние три года овраг подошел к саду вплотную, в одном месте даже покосился забор (Пауст.).
3. Николай Николаевич провел мокрым рукавом по лицу, посмотрел на сад: забор весь уже повалился, и по ту сторону его вода размывала свежую землю (Пауст.).

4. Ты же взрослая, сама все понимаешь. (Пауст.).
5. Мужички наши подумали и согласились: терять-то все равно нечего.
6. Мария Трофимовна вся в нее: и глаза такие же, да и строгость, как она сама говорит, у нее материнская (Пауст.).
7. – Ты знаешь, я все не решалась ехать в Ленинград (Пауст.).
8. Стояло хмурое утро, падал снег (Пауст.).
9. Вмерзшие в лед свинцовые корабли казались покинутыми: ни одного человека не было видно на палубах (Пауст.).
10. Привычка у нас стариковская, по ночам спим мало...
11. В снеговую муть помчались с медным звоном снаряды – Балтийский флот начал обстрел немецких позиций (Пауст.).
12. Шофер поглядывал на старого профессора и усмехался – профессор был, по мнению шофера, чудак (Пауст.).
13. Вокзала в городке не было, он сгорел (Пауст.).
14. Небо медленно заволкло тучами, по лесу прошел ветер (Пауст.).

16. Выразите пространственные отношения, где это возможно, заменив выделенные причинные предложения на предложения места. На предэкспериментальном срезе задание не выполнено. На итоговом срезе задание контрольной группой не выполнено.

1. Магазин закрыли, там произошел пожар.

Магазин, там произошел пожар, закрыли.

2. На железнодорожном переезде был опущен шлагбаум: со станции шел курьерский поезд.

На железнодорожном переезде, со станции шел курьерский поезд, был опущен шлагбаум.

3. В аудитории собралось много студентов, профессор Виноградов читал лекцию.

В аудитории, профессор Виноградов читал лекцию, собралось много студентов.

4. Мой коллега одолжил мне лекции перед экзаменом: моя мама попросила его.

Невозможно

5. Посещаемость лекций и практических занятий заметно возросла: приближалась сессия.

Невозможно

Предэкспериментальный срез показал практически одинаковый уровень контрольной и экспериментальной группы, полное неумение учащихся:

- строить бессоюзные сложные предложения, выражающие различные смысловые отношения;
- производить квазисинонимические перифразы типа: бессоюзное предложение – СПП причины – СПП следствия – ССП;
- решать такие коммуникативные задачи, как:
 1. определять коммуникативную структуру текста и соответствующее коммуникативное задание предложения и вводить их в текст с учетом структуры текста и АЧ;
 2. эксплицировать или не эксплицировать изъяснительные, ПСО и отношения степени;
 3. строить предложения в соответствии с коммуникативными заданиями, которые формулируются с помощью вопросов *Что произошло в результате данного события?* и *Что является причиной данного события?*
 4. представлять события (причину и следствие) как новые (парцелляция);
 5. выражать (где возможно) пространственные отношения вместо причинно-следственных.

После обучения по предлагаемой системе упражнений, как показал завершающий срез, обе экспериментальные группы выполняли указанные задания без ошибок, с лёгкостью решая указанные коммуникативные задачи, строя различные типы БСП, без труда производя указанные перифразы и различая смысловые отношения БСП.

Как показали результаты проведенного эксперимента, учащиеся экспериментальной группы и в первой и во второй серии действительно в полной мере овладели указанными навыками и умениями после обучения по предложенной системе, учащиеся же контрольной группы овладели лишь умениями различать грамматический (структурный) тип бессоюзных сложных предложений, а также научились адекватной трансформации БСП в ССП и СПП с различными типами придаточных.

Л и т е р а т у р а

1. *Балыхина Т. М.* Словарь терминов и понятий тестологии. М.: Изд-во МГУП, 2000.
2. Методика обучения русскому языку как иностранному: Курс лекций. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
3. *Штульман Э. А.* Основы эксперимента в методике обучения иностранным языкам. Воронеж: Изд-во Воронежского Университета, 1971.
4. *Штульман Э. А.* Методический эксперимент в системе методов исследования. Воронеж, 1976.
5. *Штульман Э. А.* К вопросу о методологии научных исследований. // Иностранные языки в школе. М.: Изд-во «Просвещение», №1, 1988.

О методических принципах создания профессионально-ориентированного пособия по русскому языку для иностранных учащихся

© *И. А. Антонова, И. А. Христиансен, 2003*

Эпоха экстенсивной методики, когда цели обучения лежали в области языка и речи и поэтому оставались практически неизменными, а несколько поколений учащихся слушали учебные курсы и работали по учебникам, воспроизводящимся в неизменной форме, уходит в прошлое. Наступает эпоха динамичных целей обучения для дифференцированных и меняющихся контингентов учащихся, требующая постоянной «перенастройки» методических систем на базе гибких и адаптивных стратегий. Эффективность применения методики преподавания иностранных языков, и, в частности, преподавания русского языка как иностранного (РКИ), определяется целями, задачами и условиями обучения.

Иностранные учащиеся вузов России уже обладают знаниями и умениями базового уровня (основными представлениями о системе языка, навыками и умениями общаться на обиходно-бытовом уровне) и владеют русским языком в объеме первого сертификационного уровня. Какой метод должен быть заложен в основе профессионально-ориентированного пособия (ПОП) для занятий по русскому языку иностранцев, обучающихся на факультетах вузов России? Этот вопрос встал перед создателями пособия по русскому языку для иностранцев исторических факультетов. На наш взгляд, главной целью ПОП является обучение языку как средству письменного и устного общения на профессиональные темы. Основным методом при создании ПОП, предназначенного для учащихся вузов, представляется **сознательно-практический**, который возник в 60-е гг., был обоснован в работах Б. В. Беляева [3, 4] и получил широкое применение. Этот метод получил дальнейшее развитие в методике РКИ (например, Г. И. Рожкова, И. А. Зимняя, А. Н. Щукин, Л. П. Клобукова).

Психологическое обоснование теории сознательно-практического метода в современной методике дается с позиции трудов психологов Л. С. Выготского [5], А. Н. Леонтьева [11], А. Р. Лурии, П. Я. Гальперина [6], разработавших общую теорию обучения языку. Важное значение для концепции сознательно-практического метода имеет теория речевой деятельности, разработанная психологами школы Л. С. Выготского, и

теория поэтапного формирования умственных действий, получившая обоснование в работах П. Я. Гальперина.

Лингводидактическая концепция сознательно-практического метода базируется на лингвистических взглядах Л. В. Щербы [16]. Ученый выделял в общей совокупности языковых и речевых явлений три аспекта: язык, речь (речевое произведение) и речевую деятельность. Главное место среди названных аспектов отводилось речевой деятельности и связанным с нею процессам понимания и говорения. Взгляды Л. В. Щербы по этой проблеме с позиции теории речевой деятельности развили И. А. Зимняя и другие исследователи [8, 9, 11, 12, 14]. С нашей точки зрения, такой принцип разделения языкового материала следует проводить и в ПОП. Исходя из лингводидактической позиции Л. В. Щербы, можно отметить три направления в обучении русскому языку как иностранному при работе по сознательно-практическому методу: 1) **обучение языку** («языковой системе» в терминологии Л. В. Щербы), т. е. словарю и грамматике русского языка, которые используются в качестве средства общения (эта задача не занимает ведущее место в ПОП); 2) **обучение речи** – способам формирования и формулирования мыслей посредством языка в процессе общения; 3) **обучение речевой деятельности** – процессу общения, осуществляемому с помощью разных видов и форм речи (эта задача является главной в ПОП).

Эти направления требуют различных приемов обучения и видов упражнений. Обучение языку предполагает использование преимущественно языковых упражнений. Задания такого типа представлены в ПОП, но их задача вспомогательная – облегчить понимание научного текста, представить характерные и частотные модели научного стиля речи, а затем выработать у учащихся навыки употребления этих моделей в своем речевом произведении. Обучение речи и речевой деятельности, что и является главной целью преподавателя вуза, строится на материале главным образом творческих (речевых) упражнений. Занятия речевой деятельностью организуются с помощью большого количества речевой практики в разных видах деятельности, как **продуктивных (говорение, письмо), так и рецептивных (аудирование, чтение)** и формах речи (монологическая – диалогическая). Заданиям на развитие речевой деятельности в разных видах (например: *Примите участие в обсуждении проблемы на семинаре; Подготовьте сообщение на определенную тему*) в ПОП следует отводить ведущее место. На продвинутом этапе в качестве целевой установки выдвигается формирование умений монологического и диалогического высказывания для участия в коммуникации учебно-профессионального характера, а чтение и письмо рассматриваются как основные способы овладения языком специальности [9]. Дан-

ные направления взаимосвязаны и соотносятся друг с другом, реализуя положение лингвистики о единстве языка и речи.

Сознательно-практический метод во главу угла ставит практический путь обучения языку посредством осознания учащимися лексико-грамматических единиц, которые усваиваются в процессе речевой практики. Одной из важных методических проблем, связанных с характеристикой содержания обучения, является проблема отбора содержания обучения. Объектом обучения при практической направленности учебного процесса в сознательно-практическом методе являются такие языковые средства, которые дают возможность учащимся применять полученные знания для выражения собственных мыслей. И это определяет характер отбора языковых средств в целях обучения и методику их презентации на занятиях. В настоящее время такой отбор производится с учетом цели обучения на основе двух принципов. Первый принцип: **необходимость и достаточность содержания** для достижения поставленной цели обучения, т. е. предназначенный для обучения материал должен быть достаточным в рамках поставленной цели. Вторым принципом: **доступность содержания** обучения для его усвоения. Здесь речь идет об учете возможностей учащегося для усвоения отобранного для занятий материала [1]. Грамматический материал отбирается функционально, т. е. для выражения определенного содержания. В качестве единицы отбора используется модель предложения. В качестве грамматической единицы языка используется модель предложения. При отборе моделей в учебных целях не следует забывать, что потребности говорящего на продуктивном уровне отличаются от его потребностей на рецептивном уровне. Это положение соответствует высказываниям Л. В. Щербы об активной и пассивной грамматике: «Пассивная грамматика изучает функции, значения строевых элементов данного языка, исходя из их формы, т. е. внешней стороны. Активная грамматика учит употреблению этих форм» [15, 99]. Активная и пассивная грамматики различаются не только по характеру использования в речевой деятельности (продуктивная и рецептивная грамматика), но и по составу. Продуктивная речевая деятельность требует умения образовывать формы слов, составлять сочетания слов, предложения, объединять предложения в целое большое связное высказывание. Активная грамматика при представлении моделей идет от смысла к форме (ономасиологический подход). Таким образом, при создании ПОП **следует разграничивать материал, предназначенный для продуктивной или рецептивной речевой деятельности** (тексты определенного стиля – описание, повествование, рассуждение; тексты для чтения или для аудирования; тексты со строго отобранной лексикой и моделями предложений). Хотелось отметить, что на слух легче воспринимаются тексты повествовательного

характера, а для научного стиля более характерны тексты-описания, которые в начале курса лучше предлагать для чтения.

С позиции современного уровня развития методики РКИ главным и решающим фактором обучения иностранному языку следует считать практическую тренировку учащихся в иноязычноречевой деятельности. Овладением языком возможно при наличии автоматизированных речевых навыков, которые успешно образуются при 1) формировании навыка не в отрыве от речевой деятельности, а в потоке речи; 2) при осознании учащимися действий, которые лежат в основе навыка. В сознательно-практическом методе сообщению учащимся теоретических сведений об изучаемом языке отводится 15% времени, а отработке навыков речевой деятельности не менее 85% [12], в связи с этим можно отметить, что языковой материал не является ведущим и самодостаточным, а выступает как средство коммуникации.

В современной методике РКИ **коммуникативно-ориентированный подход** является одним из наиболее актуальных направлений. Цель при коммуникативно-ориентированном подходе заключается в овладении студентами-иностранцами русским языком как средством общения. Реализация этой цели обеспечивается: а) коммуникативной направленностью учебного процесса, в ходе которого осуществляется формирование речевых навыков и умений в 4-х видах деятельности (аудировании, говорении, письме, чтении); б) профессиональной направленностью учебного процесса (язык специальности). Иначе говоря, актуальной целью обучения является «овладение коммуникацией на иностранном языке» [2, 15]. Особенностью этого подхода является деятельностный характер обучения, который заключается в организации учебного процесса как учебной деятельности, направленной на постановку и решение учащимися конкретной учебной задачи. Личностно-деятельностный подход к обучению ориентирует занятия по языку на обучение общению, использование языка с целью обмена мыслями. Этот подход реализует основные требования к современному учебному процессу: коммуникативное поведение преподавателя на уроке, использование упражнений, максимально воссоздающих значимые для обучающихся ситуации общения, параллельное усвоение грамматической формы и ее функции в речи, учет индивидуальных особенностей учащегося при ведущей роли его личностного аспекта, ситуативность процесса обучения, рассматриваемого и как способ стимулирования речевой деятельности, и как условие развития речевых умений. Поскольку научить общаться на профессиональные темы является главной задачей ПОП, то многие задания имеют коммуникативный характер.

Списки речевых действий являются главным показателем коммуникативно-деятельностного подхода в обучении иностранному языку,

умение совершать речевые действия кодирования и декодирования сообщений означает владение коммуникативной деятельностью. В ПОП, имеющем задачу выработать у учащихся навыки в профессиональной сфере, коммуникативные задачи могут быть сформулированы, например, так: *Выразите согласие / несогласие с точкой зрения автора, употребив следующие модели; Выразите свою точку зрения, используя эти модели* и т. п. Список интенций, которые иностранный учащийся должен уметь вербально реализовывать в учебно-профессиональной сфере, приводится в Образовательном стандарте [7, 28-32]. Требованиями этого стандарта по языку специальности руководствовались создатели пособия для иностранцев исторических факультетов. Речевой материал представлен в содержании обучения речевыми образцами (типовыми фразами), темами и ситуациями общения, текстами. Темы для занятий отбираются в зависимости от сферы общения, в ПОП это учебно-профессиональная сфера. Для производства речевого действия определяется круг речевых образцов, характерных для функционирования в рамках избранной темы, ситуации и сферы общения. В содержании обучения РКИ входит не только владение языковым и речевым материалом, но и знание правил оперирования этим материалом, т. е. правил его образования и употребления в процессе общения. Как уже говорилось, для иностранных студентов нефилологического профиля знания о языке должны быть минимальными и достаточными для того, чтобы они могли успешно осуществлять речевую деятельность в рамках поставленных перед ними задач (слушание лекций, чтение научной литературы, написание рефератов, умение объясняться на иностранном языке в пределах научной и учебно-профессиональной сфер). Учебный материал представляет собой типологию материалов презентации, то есть текстотеку в широком смысле. Текстотека ориентирована на цели обучения, она служит стимулом для учебной коммуникации, показом и примером решения задач коммуникативного минимума, содержит фактический, речевой и лингвистический материал для решения этих задач [2, 46]. Например, при определении тематики, актуальной для исторических факультетов России, авторы пособия опирались на учебные Программы общих курсов исторического факультета МГУ [13]. В пособие включен исторический материал общего характера из «Истории Отечества» (этот курс предлагается всем учащимся на I курсе), важный для учащихся разных исторических специализаций, и из курса «Культура России», т. к. эта тема вызывает интерес иностранных учащихся (дополнительные тексты).

Языковой материал, предлагаемый в пособии, характерен для научного стиля (гуманитарный подстиль, подязык истории). В ПОП следует уделить особое внимание формированию **терминологической**

базы (специальные упражнения как языкового, так и речевого характера). Необходимо подчеркнуть, что при сознательно-практическом методе создание речевых навыков на иностранном языке рассматривается лишь как начальная стадия обучения, а цель состоит в приобретении речевых умений, обеспечивающих использование навыков в условиях реальной коммуникации. Ситуации реальной коммуникации на семинаре по определенной исторической теме представлены в пособии в конце каждого раздела (задания, относящиеся к части: *Давайте поговорим*).

В современной методике РКИ разработана проблема принципов обучения. Принципы обучения – это система исходных, основных требований к обучению и его компонентам – целям, содержанию, формам, методам, средствам обучения, выполнение которых обеспечивает необходимую эффективность [12, 15]. В настоящее время принципы обучения чаще всего классифицируют на основании базовых для методики наук. В связи с этим рассматривают четыре группы принципов: 1) **лингвистические** (системность, концентризм, разграничение явлений на уровне языка и речи, функциональность, стилистическая дифференциация, минимизация, ситуативно-тематическая организация материала, изучение лексики и грамматики на синтаксической основе); 2) **дидактические** (сознательность, наглядность, прочность, доступность, посильность, систематичность и последовательность, активность, коллективность, проблемность, развивающее обучение, креативность); 3) **психологические** (мотивация, поэтапное формирование знаний, навыков, умений, учет индивидуально-психологических особенностей личности учащихся); 4) **методические** (коммуникативность, учет особенностей родного языка, комплексность, устное опережение, взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности). Все принципы, входящие в перечисленные группы, тесно между собой связаны и образуют единую систему, обеспечивающую эффективность в целом. К числу ведущих в наши дни относится принцип коммуникативности, следование которому обеспечивает наибольшую эффективность занятий при установке на практическое овладение языком как средством общения. Принцип концентризма, например, предусматривает такой характер отбора и введения лексико-грамматического материала, при котором обеспечивается многократное обращение к уже изученному материалу с постепенным расширением и углублением его. Соблюдение этого принципа обуславливает: а) коммуникативность и высокую мотивированность обучения благодаря возможности для обучающихся участвовать в речевом общении уже на ранних этапах занятий; б) доступность, поскольку расположение концентров обеспечивает переход «от легкого к трудному», «от уже усвоенного к новому»; в) достаточность для построения высказывания в пределах тем и ситуаций, составляющих содержание концентра;

г) открытость, т. е. возможность расширения изученного ранее материала в соответствии с потребностями учащихся. Принцип функциональности заключается в том, что языковой материал в виде грамматических правил и моделей вводится с учетом содержания высказывания. В практическом курсе языка он находит выражение в рассмотрении формы и значения грамматического явления в их единстве. Функционально-смысловой подход определяет отбор и подачу грамматического материала в соответствии с содержанием высказывания, что находит отражение в следующих формулировках программного материала: выражение классификации лица, предмета, явления; выражение признака предмета и т. д. Выбор того или иного подхода к реализации принципа функциональности во многом определяется целями и задачами обучения.

В настоящее время **сознательно-практический метод** является одним из ведущих методов обучения в вузе в условиях языковой среды, при этом используется **коммуникативно-ориентированный подход**, лежащий в основе современного метода преподавания РКИ. Студенты вуза, уже выбравшие свою специальность, сознательно подходят к изучению иностранного языка, а задача преподавателя видится в обучении научному стилю речи, который можно применить для создания собственного речевого произведения учащегося на профессиональную тему и осуществления коммуникации в учебно-профессиональной сфере.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнов А. Р. Конструирование и экспертиза учебника. М., 1987.
2. Арутюнов А. Р. Коммуникативный интенсивный учебный курс РКИ для заданного контингента учащихся, М., 1989.
3. Беляев Б. В. Психологические вопросы усвоения лексики иностранного языка. М., 1964.
4. Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1965.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М., 1966.
6. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966.
7. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. I и II уровни. Язык специальности. СПб.: Златоуст, 2000.
8. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. М., 1989.
9. Клобукова Л. П. Обучение языку специальности. М.: Изд-во Моск. универ., 1987.
10. Клобукова Л. П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-филологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы. М., 1995.
11. Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М., 1970.
12. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов. / Под ред. А. Н. Щукина. М., 1990.

13. Программы общих курсов исторического факультета МГУ. М.: Изд-во Моск.универ., 1998; М.: Изд-во Моск.универ., 2001.
14. *Рожкова Г. И.* К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам. М., 1977.
15. *Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1974.
16. *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. Л. Желтухина. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ

© доктор филологических наук В.В. Красных, 2003

Совсем недавно в издательстве ВФ МУПК вышла в свет монография М. Р. Желтухиной «Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ» (Москва – Волгоград, 2003 – 656 с.). Эта книга будет не только интересной, но и безусловно полезной для всех исследователей-лингвистов и психолингвистов, которые работают в рамках как собственно лингвистики и психолингвистики, так и лингвокогнитивного, лингвопрагматического, социолингвистического и этносоциолингвистического направлений и в круг интересов которых входят проблемы изучения дискурса, языка СМИ, природы тропов, речевого воздействия и под., поскольку в ней рассматривается суггестивное речевое воздействие тропов в языке СМИ различных лингвокультур. Особое внимание в книге уделено таким понятиям, как речевое воздействие, манипуляция, внушение. Автор выявляет основания суггестивности тропов, устанавливает конститутивные характеристики, функции и маркеры суггестивности масс-медиального дискурса, анализирует лингвокогнитивный и лингвопрагматический механизмы суггестивного воздействия тропов в дискурсе масс-медиа.

Книга прекрасно структурирована, написана хорошим живым языком, содержит интереснейший материал как теоретического, так и собственно прикладного характера. Автор демонстрирует замечательную эрудицию (в скобках замечу, что в список литературы вошло порядка тысячи наименований на разных языках). Читать монографию М. Р. Желтухиной приятно, поскольку она весьма корректно излагает различные точки зрения по широкому спектру проблем, тактично комментирует их и очень четко формулирует свое мнение и обозначает свою позицию. Кроме того, читать данную работу и крайне любопытно и увлекательно, поскольку монография включает богатейший иллюстративный материал. Особое внимание я хотела бы обратить на то, что приводятся примеры на русском, немецком, итальянском, французском и английском языках, причем примеры эти различной природы: собственно вербальной (разнообразные тексты) и собственно невербальной

(фотографии, коллажи, плакаты), а также креолизованные тексты (коллажи, плакаты, карикатуры, агитлистки, аудио-визуальные тексты телерекламы, записи телепередач, тексты Интернет-сайтов). Иначе говоря, автор не побоялся подвергнуть комплексному анализу феномены различной семиотической природы, и следует признать, что этот шаг (достаточно рискованный) оказался абсолютно оправданным, поскольку проведенный анализ (кстати, тщательный, тонкий и вместе с тем глубокий) позволил М. Р. Желтухиной сделать ряд интересных наблюдений и выводов (дабы избежать ничего не говорящего пересказа обширного материала отсылаю ко второй и третьей главам монографии).

Думается, что для лингвистов будет, несомненно, полезным ознакомление с теми параграфами первой главы, которые посвящены речевому воздействию (см. 1.2. Речевое воздействие и языковое сознание; с. 57-122). Это тот круг проблем, которыми так или иначе занимаются многие исследователи (это, если угодно, своего рода ответ на «вызов времени»), которые не могут не волновать лингвистов, работающих над актуальными для сегодняшнего дня проблемами, и которые отражают насущные потребности нашего времени. Совершенно очевидно, что проблема воздействия на адресата выходит сегодня на первый план и обретает статус одной из наиболее актуальных не только в рамках какой-либо науки (например, коммуникативистики или психолингвистики), но для и каждого члена современного общества. Следует отметить, что М. Р. Желтухина очень внятно объясняет, что есть суггестивность (или внушение), рассматривает данный феномен в различных аспектах: биопсихологическом и социальном (сс. 93-94); определяет факторы, влияющие на силу воздействия (сс. 95-97); описывает функции суггестивности (сс. 99-100) и очень подробно оговаривает механизм реализации суггестивного воздействия на сознание и подсознание человека, который (механизм) характеризуется различными психотехниками (сс. 101-117). Особо подчеркну, что теоретические положения, излагаемые автором, демонстрируются на конкретном фактическом материале, что является а priori привлекательным, а в данном случае и весьма иллюстративным.

Для лингвистов, занимающихся изучением дискурса и связанных с этим проблем стереотипизации, мифологизации, метафорики, комического и под., особую актуальность будет, очевидно, представлять вторая глава монографии, посвященная суггестивности тропов в масс-медиаальном дискурсе в целом. В данной главе автор достаточно подробно рассматривает указанные вопросы, выявляет структуру и границы масс-медиаального дискурса (2.1.1.), анализирует его содержание (2.1.2.) и определяет его функции (2.1.3.).

Следует отметить, что среди различных методов анализа и исследовательских процедур, которые М. Р. Желтухина использовала при проведении своего исследования, особое место занимает ряд когнитивных методик. Так, например, применение фреймового подхода к изучению суггестивности тропов (см. третью главу) позволило автору выявить различные «когнитивные модели (фреймовые трансформации или рейфрейминг) воздействия на сознание и подсознание адресата в масс-медиаальном дискурсе в рамках одного или нескольких фреймов» (см. 3.1.2. Когнитивные модели суггестивности тропов в масс-медиаальном дискурсе). В той же третьей главе автор выявляет, анализирует и прекрасно на обширном фактическом материале демонстрирует метафорические модели суггестивности и психолингвистические техники воздействия тропов в том же типе дискурса (см., соответственно, 3.1.3. и 3.1.4.). Такой широкий подход, на мой взгляд, не может не заинтересовать исследователей, работающих в рамках различных направлений, тем более что рассуждения автора представляются вполне обоснованными и доказательными.

Особый интерес вызывает также и проведенный автором эксперимент. Как отмечает сама М. Р. Желтухина, «при выявлении механизма воздействия тропов на сознание адресата в языке СМИ возникает необходимость подтверждения гипотезы о тропологичности, метафоризации сознания» (с. 447). В этих целях и был проведен ассоциативный эксперимент с элементами лингвистического интервьюирования (свободный и направленный ассоциативные эксперименты), в котором приняли участие 500 респондентов в возрасте от 17 до 50 лет. В результате были получены интереснейшие данные, проанализированные автором в третьей главе (с. 447-461) и обобщенные в виде таблиц в приложении (с. 623-655). Приведу список единиц, которые выступали в роли стимулов: *президент, депутат Государственной Думы, преподаватель, бомж, бизнесмен, журналист, бухгалтер, пенсионер; Путин; Чубайс; Ельцин; Кириенко; Зюганов; Жириновский; Явлинский*. Результаты проведенного эксперимента позволили автору сделать ряд важнейших выводов. Например, было установлено, что парадигматические ассоциации имеют наибольшую психологическую яркость, культурологические ассоциации, отражающие наиболее актуальные связи, занимают в целом доминирующее положение, а синтагматические связи отражают типичные контексты сочетаемости слов, принципиально не отличающиеся от ранее отмеченных автором при анализе рекламных, информационных, информационно-аналитических текстов и других компонентов масс-медиаального нарратива (с. 462). Помимо этого, проведенный эксперимент позволил автору высказать предположения, касающиеся влияния СМИ на взгляды и установки человека (например, превалирование в

большинстве случаев «непрямого» воздействия на адресата). И наконец, не могут не заинтересовать выявленные автором на основе обработки результатов эксперимента приемы воздействия тропов на адресата в языке СМИ (с. 463-471).

Завершая это краткое представление книги М. Р. Желтухиной, скажу, что автор смело выдвигает и весьма изящно (при этом чрезвычайно убедительно) доказывает гипотезу, которую сам формулирует следующим образом: «В свойствах, функциях и механизме образования тропов заложены основания для воздействия на адресата, в том числе суггестивного воздействия. Воздейственность, суггестивность тропов коррелирует с такими специфическими характеристиками масс-медиадискурса, как агональность, диалогичность, оценочность/эмоциональность, инсценированность. Информативность и суггестивность масс-медиадискурса тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Маркерами реализации суггестивного воздействия тропов на адресата являются интенсивность, образность, эмоциональность/эмотивность, экспрессивность, функционально-стилистичность, культурная специфичность, оценочность, институциональность, стереотипность, мифологичность, комичность, фоносемантичность, адгерентность/актуализованность. Существуют лингвокогнитивный и лингвопрагматический механизмы речевого воздействия тропов в языке СМИ, представленные когнитивными и прагматическими моделями, суггестивными психотехниками. В масс-медиадискурсе преобладает метафора и оказывает самое сильное суггестивное воздействие по сравнению с другими видами тропов» (с. 5-6).

И в заключение позволю себе выразить искреннюю надежду, что эта книга найдет своего благодарного читателя. Да, книга толстая; да, она не слишком простая, ибо автор рассматривает широкий спектр вопросов; да, эту книгу не стоит просматривать «по диагонали» – мало что удастся понять «с лету», эту книгу надо читать. Но я уверена, что чтение этой монографии подарит немало приятных минут и доставит много удовольствия от общения с умным, тактичным, знающим собеседником – автором книги, Мариной Ростиславовной Желтухиной.